

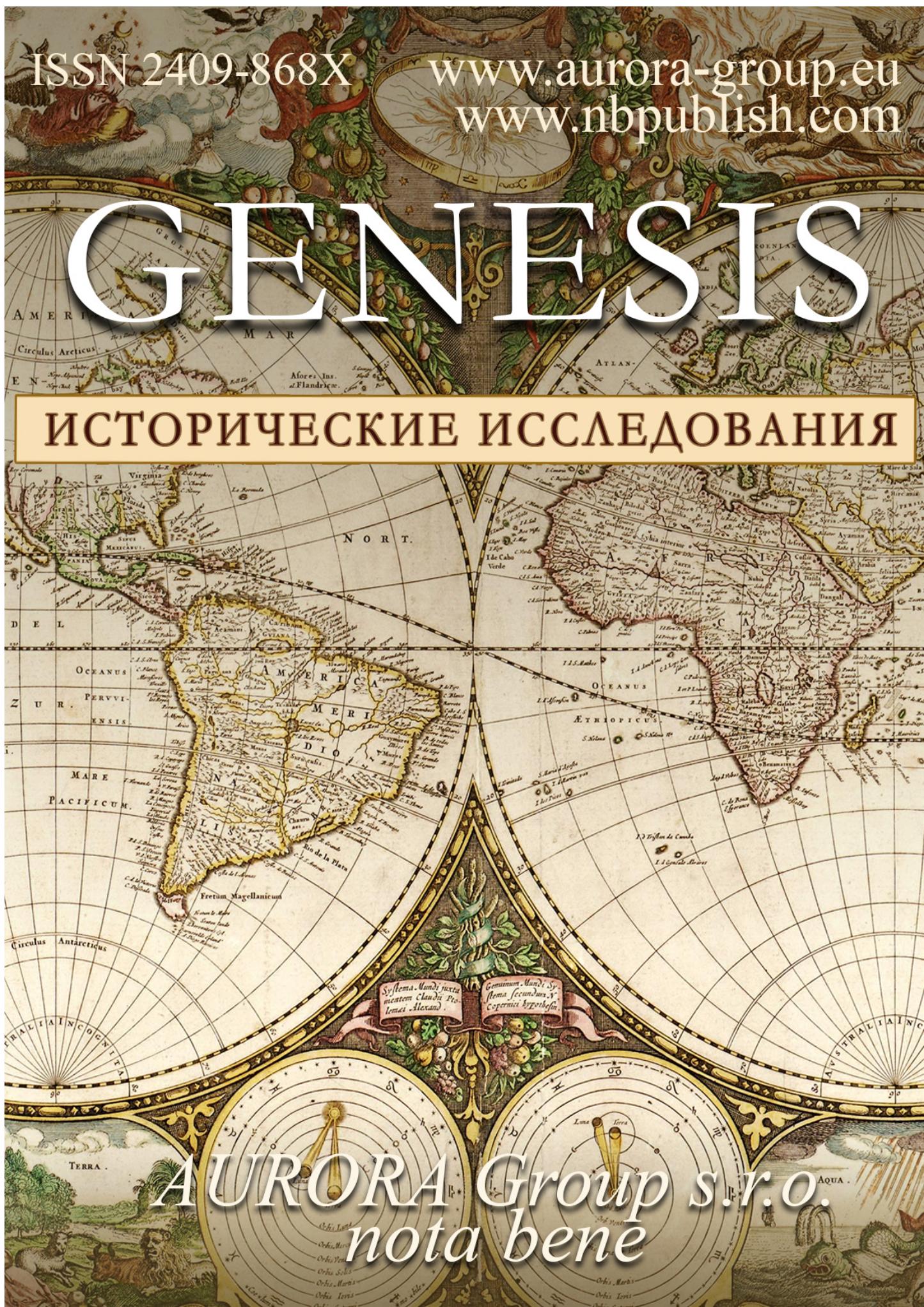
ISSN 2409-868X

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

GENESIS

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 03-11-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Кодан Сергей Владимирович, доктор юридических наук,
svk2005@yandex.ru

ISSN: 2409-868X

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 03-11-2025

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media Ltd

Main editor: Kodan Sergei Vladimirovich, doktor yuridicheskikh nauk, svk2005@yandex.ru

ISSN: 2409-868X

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Главный редактор – Кодан Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права, руководитель Научно-образовательного центра проблем изучения теории и истории государства и права Уральского государственного юридического университета. E-mail: svk2005@yandex.ru

Абдулин Роберт Семёнович – кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Курганского государственного университета, Заслуженный юрист Российской Федерации, судья Курганского областного суда в отставке.

Акишин Михаил Олегович – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского научного исследовательского университета.

Батурин Юрий Михайлович – доктор юридических наук, профессор МГУ им. М.И. Ломоносова, чл.-корр. РАН, директор Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук (ИИЕТ РАН), 109012, РФ, Москва, Старопанский переулок, д. 1/5, ИИЕТ РАН

Беляева Галина Серафимовна – доктор юридических наук, профессор, Юго-Западный государственный университет кафедра теории и истории государства и права, 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85,

Билюшкина Надежда Иосифовна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Васильев Дмитрий Валентинович – доктор исторических наук, Российской академия предпринимательства, первый проректор, профессор, 109544, Москва, ул. Малая Андроньевская, д. 15 dvvasiliev@mail.ru

Графский Владимир Георгиевич – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий сектором права, государства и политических учений, заведующий Центром теории и истории Института государства и права Российской академии наук. 119019. Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д.10.

Дитрих Айше Памир – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Средневосточного технического университета, г. Анкара, Турция.

Добрынин Николай Михайлович – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета. 625000. Россия, г. Тюмень, ул. Ленина, 38.

Ефремова Надежда Николаевна – кандидат юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора истории государства, права и политических учений Института государства и права Российской академии наук.

Жаров Сергей Николаевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Института права Челябинского государственного университета.

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры

«Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Зуев Андрей Сергеевич - доктор исторических наук, профессор, первый заместитель директора Сибирского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Каминская Елена Альбертовна – доктор культурологии, АНО ВО «Институт современного искусства», проректор по учебно-методической работе, профессор кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников, 121309, Центральный федеральный округ, г. Москва, ул. Новозаводская, д. 27А, kaminskaya@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Кодан Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права, руководитель Научно-образовательного центра проблем изучения теории и истории государства и права Уральского государственного юридического университета. E-mail: svk2005@yandex.ru

Козлихин Игорь Юрьевич - доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Коробеев Александр Иванович - доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедра уголовного права и криминологии, Дальневосточный федеральный университет. 690992, г. Владивосток, пос. Аякс, кампус ДВФУ,

Костенко Николай Иванович – доктор юридических наук, профессор Кубанский государственный университет, кафедра международного права, 350915, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Восточно-Кругликовская, 76/4, кв. 133

Кравец Игорь Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории истории государства и права, конституционного права Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 630090, Новосибирская обл., г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, kravigor@gmail.com

Крайнов Григорий Никандрович – доктор исторических наук, профессор кафедры «Политология, история и социальные технологии», Российский университет транспорта (МИИТ), 127994, г. Москва, ул. Образцова, 9, стр. 2. [kainovgn@mail.ru](mailto:krainovgn@mail.ru)

Красняков Николай Иванович - доктор юридических наук, доцент, заместитель директора (по учебной работе) Института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета.

Курбанов, Рашад Афатович - доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова: 117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., 36

Лаптева Людмила Евгеньевна - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора истории государства, права и политических учений Института государства и права Российской академии наук.

Мазур Людмила Николаевна – доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, кафедра документоведения, архивоведения и истории государственного управления, 620000, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4, оф. 482

Манин Вячеслав Анатольевич - кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального права Сургутского государственного университета.

Мациевский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, Краснодарский государственный институт культуры. Кафедра истории, культурологии и музееведения, 350072, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. 40-Летия победы, 33, каб. 132

Нарутто Светлана Васильевна – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 125993. Москва, ул. Садовая-Кудринская 9, svetanarutto@yandex.ru

Нематов Акмал Рауфджонович - доктор юридических наук, заведующий отделом теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан.

Нижник Надежда Степановна - доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России.

Николайчук Ольга Алексеевна – доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, профессор Департамента экономической теории, 125993, Москва, ГСП-3, Ленинградский проспект, д. 49, 18111959@mail.ru

Новицкая Татьяна Евгеньевна - доктор юридических наук, профессор, Лауреат Государственной премии Российской Федерации, профессор кафедры истории государства и права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Пешкова Христина Вячеславовна – доктор юридических наук, доцент заведующая кафедрой гражданского, процессуального права, Центральный филиал Российского государственного университета правосудия, 394006, ул. 20-летия Октября, 95, Воронеж Peshkova1@yandex.ru

Побережников Игорь Васильевич - доктор исторических наук, заведующий сектором методологии и историографии отдела истории Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

Редин Дмитрий Алексеевич - доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научным вопросам Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса ИГП РАН,

профессор кафедры УДПООП ЦКШУ Академии управления МВД России. 119019 Москва, ул. Знаменка, д.10, E-mail: rwmmos@rambler.ru

Рошевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, профессор, отдел гуманитарных междисциплинарных исследований Кomi научного центра Уральского Отделения РАН, главный научный сотрудник, 167982, Сыктывкар, Коммунистическая, 24, lp38rosh@gmail.com

Рылёва Анна Николаевна – доктор культурологии, главный научный сотрудник и руководитель Центра непрерывного культурологического образования Российского института культурологии. 119072, Россия, г. Москва, Берсеневская набережная, 18-20-22, строение 3.

Серов Дмитрий Олегович - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Новосибирского государственного университета экономики и управления.

Скопа Виталий Александрович – доктор исторических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный педагогический университет», профессор кафедры Историко-культурного наследия и туризма, 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55. sverhtitan@rambler.ru

Смыкалин Александр Сергеевич - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Уральского государственного юридического университета.

Ставицкий Владимир Вячеславович – доктор исторических наук, профессор, кафедра Всеобщей истории, историографии и археологии, Пензенский государственный университет, 440052, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Тамбовская, 9 кв.106 stawiczky.v@yandex.ru

Сыченко Елена Вячеславовна - PhD (университет Катании, Италия), доцент кафедры трудового права Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, Санкт-Петербург, 22 линия В.О., 7. e.sychenko@mail.ru

Тимошук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимира юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Тихомиров Юрий Александрович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; 117218, Россия, Москва, ул. Б. Черемушкинская, 34

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihai洛van@inbox.ru

Туманова Анастасия Сергеевна - доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики".

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Алпатов Сергей Викторович - доктор филологических наук, МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент, 105318, Россия, г. Москва, ул. Вельяминовская, 6, кв. 125, alpserg@gmail.com

Бадмаева Екатерина Николаевна - доктор исторических наук, ФГБОУ ВО "Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова", директор Международного научно-исследовательского центра "Ойраты и калмыки на евразийском пространстве", 358000, Россия, республика Калмыкия, г. Элиста, ул. KALMYKIA, ELISTA, Chkalova ST, 7?, KALMYKIA, ELISTA, Chkalova ST, 7?, en-badmaeva@yandex.ru

Блейх Надежда Оскаровна - доктор исторических наук, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л.Хетагурова, профессор кафедры психологии психолого-педагогического факультета, 362043, Россия, республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Владикавказская, , д. 16, кв. 32, nadezhda-blejjkh@mail.ru

Борисова Нина Александровна - доктор исторических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение "Центральный музей связи имени А.С.Попова", Заместитель директора по науке и технике, Санкт-Петербургский университет телекоммуникаций им. проф. М.А.Бонч-Бруевича, доцент, 197373, Россия, г. Санкт-Петербург, Комендантский, 32-3, кв. 172, borisova@rustelecom-museum.ru

Бурнашева Наталия Ивановна - доктор исторических наук, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Север Сибирского отделения РАН, ведущий научный сотрудник, 677013, Россия, республика Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Ойунского, 41, кв. 117, n_burnasheva@mail.ru

Величкова Лэдмила Владимировна - доктор филологических наук, Воронежский государственный университет, зав. кафедрой немецкой филологии, 394036, Россия, Воронежская обл область, г. Воронеж, ул. Фр. Энгельса, 7, кв. 28, luvel1@rambler.ru

Володина Людмила Мильтоновна - доктор юридических наук, Тюменский государственный университет, профессор, 111402, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Вешняковская, 5 корпус 1, кв. 195, lm.volodina@yandex.ru

Гарскова Ирина Марковна - доктор исторических наук, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, исторический факультет, доцент кафедры исторической информатики, 119607, Россия, Москва, г. Москва, ул. улица раменки, 31, кв. 253, irina.garskova@gmail.com

Гомонов Николай Дмитриевич - доктор юридических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мурманский арктический государственный университет», профессор кафедры юриспруденции, 183010, Россия, Мурманская область, г. Мурманск, ул. Халтурина, 7, оф. 10, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Грязнова Елена Владимировна - доктор философских наук, ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», профессор, 603009,

Россия, г. Н.Новгород, ул. Вологдина, 1 Б, оф. 49, egik37@yandex.ru

Деметрадзе марине резоевна - доктор политических наук, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва , главный научный сотрудник, институт мировых цивилизации , профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) , профессор, 117292, Россия, г. москва, ул. нахимовский проспект дом 48 кв.96, 48, demetradze1959@mail.ru

Каминская Елена Альбертовна - доктор культурологии, Автономная некоммерческая организация высшего образования "Институт современного искусства", проректор, 121309, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Новозаводская, 27а, kaminskaya@mail.ru

Карпов Игорь Петрович - доктор филологических наук, ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», профессор, 434003, Россия, Республика Марий Эл область, г. Йошкар-Ола, ул. Ленинский проспект, 45, оф. 9, kip52@yandex.ru

Кежутин Андрей Николаевич - доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Приволжский исследовательский медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, 603005, Россия, Нижегородская область область, г. Нижний Новгород, ул. М. Горького, 160, кв. 58, kezhutin@rambler.ru

Кобец Петр Николаевич - доктор юридических наук, «Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», главный научный сотрудник отдела научной информации, подготовки научных кадров и обеспечения деятельности научных советов Центра организационного обеспечения научной деятельности , 121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1, pkobets37@rambler.ru

Коновалов Игорь Анатольевич - доктор исторических наук, ФГАО ВО "Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского", Декан юридического факультета, 644050, Россия, Омская область область, г. Омск, пер. Комбинатский, 4, кв. 48, konov77@mail.ru

Луговской Александр Михайлович - доктор географических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет геодезии и картографии» (МИИГАИК), профессор кафедры географии факультета картографии и геоинформатики , 1090548, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Шоссейная, 13, оф. 49, alug1961@yandex.ru

Неволина Виктория Васильевна - доктор педагогических наук, ФГБОУ ВО "Оренбургский государственный медицинский университет", Профессор, ФГБОУ ВО "Оренбургский государственный университет", Профессор, 460040, Россия, г. Оренбург, Мира, 8А, кв. 10, nevolina-v@yandex.ru

Нижник Надежда Степановна - доктор юридических наук, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», Начальник кафедры

теории государства и права, 191025, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург,
Владимирский проспект, 3, кв. 20, n.nishnik@bk.ru

Портнова Татьяна Васильевна - доктор искусствоведения, Российской государственный
университет им. А Н. Косыгина, профессор, 127282, Россия, Москва, г. Москва, ул. 117997,
33 Sadovnicheskaya Str., Moscow, Russian Federation, 52 к 4, кв. 457, Infotatiana-p@mail.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, Федеральное
государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской
академии наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и
административного процесса, Федеральное государственное казенное образовательное
учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел
Российской Федерации», Профессор кафедры управления деятельностью подразделений
обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, 117628,
Россия, г. Москва, ул. Знаменские садки, 1 корпус 1, кв. 12, rwmmos@rambler.ru

Сивкина Наталья Юрьевна - доктор исторических наук, Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры истории древнего мира и средних
веков института международных отношений и мировой истории, 603000, Россия,
Нижегородская область, г. Нижний Новгород, проспект Ленина, 63, кв. 22, natalia-sivkina@yandex.ru

Соков Илья Анатольевич - доктор исторических наук, Волгоградский государственный
университет, профессор, 400062, Россия, Волгоградская область, г. г. Волгоград, ул.
маршалла Василевского, 2, кв. 4р

Соловьев Константин Анатольевич - доктор исторических наук, Московский
государственный университет имени М.В.Ломоносова, профессор, 141402, Россия,
Московская область, г. Химки, ул. Чапаева, 9, оф. 72, ksoloviov@spa.msu.ru

Сушкова Юлия Николаевна - доктор исторических наук, Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Национальный
исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева", декан
юридического факультета, 430007, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул.
Осипенко, 40, кв. -, yulenka@mail.ru

Тропин Николай Александрович - доктор исторических наук, Елецкий государственный
университет им. И.А. Бунина, старший научный сотрудник, 399771, Россия, Липецкая
область, г. Елец, ул. Орджоникидзе, 49, tropin2003@list.ru

Ульянов Олег Германович - доктор исторических наук, профессор МГУ им. М.В.
Ломоносова, professor.ulyanov@gmail.com

Шевцова Анна Александровна - доктор исторических наук, федеральное
государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Московский педагогический государственный университет», Профессор кафедры
культурологии, 127018, Россия, Москва, г. Москва, ул. Стрелецкая, 14к1, кв.
164, ash@inbox.ru

Шульгина Ольга Владимировна - доктор исторических наук, Государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования города Москвы "Московский городской

педагогический университет" (ГАОУ ВО МГПУ), Заведующий кафедрой географии и туризма, 119192, Россия, Москва, г. Москва, Мичуринский проспект, 56, кв. 879, Olga_Shulgina@mail.ru

Editorial collegium

Editor-in-Chief -Sergey V. Kodan, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory of State and Law, Head of the Scientific and Educational Center for the Study of Theory and History of State and Law of the Ural State Law University. E-mail: svk2005@yandex.ru

Abdulin Robert Semenovich - Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure of Kurgan State University, Honored Lawyer of the Russian Federation, retired judge of the Kurgan Regional Court.

Akishin Mikhail Olegovich - Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, leading researcher at the Laboratory of Humanitarian Studies of Novosibirsk Scientific Research University.

Baturin Yuri Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of Lomonosov Moscow State University, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of the History of Natural Science and Technology named after S.I. Vavilov of the Russian Academy of Sciences (IIET RAS), 109012, RF, Moscow, Staropansky Lane, 1/5, IIET RAS

Belyaeva Galina Serafimovna – Doctor of Law, Professor, Southwest State University Department of Theory and History of State and Law, 85 Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russia,

Byushkina Nadezhda Iosifovna - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Lobachevsky Nizhny Novgorod State University.

Vasiliev Dmitry Valentinovich – Doctor of Historical Sciences, Russian Academy of Entrepreneurship, First Vice-Rector, Professor, 15 Malaya Andronevskaya str., Moscow, 109544 dvvasiliev@mail.ru

Grafsky Vladimir Georgievich - Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Head of the Sector of Law, State and Political Studies, Head of the Center for Theory and History of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 119019. Russia, Moscow, Znamenka str., 10.

Dietrich Ayshe Pamir - Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of the Middle Eastern Technical University, Ankara, Turkey.

Dobrynin Nikolay Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Institute of State and Law of Tyumen State University. 625000. Russia, Tyumen, Lenin str., 38.

Efremova Nadezhda Nikolaevna - Candidate of Law, Professor, leading researcher of the history sector. State, Law and Political Doctrines of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

Zharov Sergey Nikolaevich - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Institute of Law of Chelyabinsk State University.

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the

Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Andrey Sergeevich Zuev - Doctor of Historical Sciences, Professor, First Deputy Director of the Siberian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Irhen Irina Igorevna - Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Kaminskaya Elena Albertovna - Doctor of Cultural Studies, ANO VO "Institute of Contemporary Art", Vice-rector for Educational and Methodological work, Professor of the Department of Directing theatrical performances and holidays, 121309, Central Federal District, Moscow, Novozavodskaya str., 27A, kaminskayae@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna - Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Kodan Sergey Vladimirovich, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory of State and Law, Head of the Scientific and Educational Center for the Study of Theory and History of State and Law of the Ural State Law University. E-mail: svk2005@yandex.ru

Kozlikhin Igor Yuryevich - Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law of St. Petersburg State University.

Korobeev Alexander Ivanovich - Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal University. 690992, Vladivostok, village Ajax, FEFU campus,

Kostenko Nikolay Ivanovich - Doctor of Law, Professor, Kuban State University, Department of International Law, 350915, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Vostochno-Kruglikovskaya str., 76/4, sq. 133

Igor Kravets - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of the History of State and Law, Constitutional Law Novosibirsk National Research State University, 630090, Novosibirsk Region, Novosibirsk, Pirogova str., 1, kravigor@gmail.com

Krainov Grigory Nikandrovich - Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department "Political Science, History and Social Technologies", Russian University of Transport (MIIT), 127994, Moscow, Obraztsova str., 9, p. 2. krainovgn@mail.ru

Krasniakov Nikolay Ivanovich - Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Director (for Academic Affairs) Institute of Philosophy and Law of the Novosibirsk National Research State University.

Kurbanov, Rashad Afatovich - Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Plekhanov Russian University of Economics: 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation

Lyudmila Lapteva - Doctor of Law, Professor, Leading researcher of the Sector of the History

of State, Law and Political Doctrines of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

Lyudmila N. Mazur – Doctor of Historical Sciences, Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Department of Documentation, Archival Science and History of Public Administration, 620000, Russia, Sverdlovsk Region, Yekaterinburg, Turgenev str., 4, office 482

Vyacheslav Anatolyevich Manin - Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Municipal Law of Surgut State University.

Matsievsky Herman Olegovich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture. Department of History, Cultural Studies and Museology, 350072, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, ul. 40-Letiya pobedy, 33, office 132

Narutto Svetlana Vasilevna – Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MGUA), 125993. Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str. 9, svetanarutto@yandex.ru

Akmal Raufjonovich Nematov - Doctor of Law, Head of the Department of Theoretical Problems of Modern State and Law of the Institute of Philosophy, Political Science and Law of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan.

Nizhnik Nadezhda Stepanovna - Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nikolaichuk Olga Alekseevna – Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of Economic Theory, 125993, Moscow, GSP-3, Leningradsky Prospekt, 49, 18111959@mail.ru

Novitskaya Tatiana Evgenievna - Doctor of Law, Professor, Laureate of the State Prize of the Russian Federation, Professor of the Department of History of State and Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.

Hristina V. Peshkova – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil and Procedural Law, Central Branch of the Russian State University of Justice, 95 20th Anniversary of October Str., Voronezh, 394006
Peshkova1@yandex.ru

Igor V. Berezhnikov - Doctor of Historical Sciences, Head of the Methodology and Historiography Sector of the History Department of the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Dmitry A. Redin - Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director for Scientific Affairs of the Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Professor, leading researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process of the IGP RAS, Professor of the Department of UDPOP of the CCSHU Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 10 Znamenka str., Moscow, 119019, E-mail: rwmmos@rambler.ru

Larisa P. Roshchevskaya – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities Interdisciplinary Studies of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian

Academy of Sciences, Chief Researcher, 167982, Syktyvkar, Communist, 24,
lp38rosh@gmail.com

Ryleva Anna Nikolaevna — Doctor of Cultural Studies, Chief Researcher and Head of the Center for Continuing Cultural Education of the Russian Institute of Cultural Studies. 119072, Russia, Moscow, Bersenevskaya embankment, 18-20-22, building 3.

Serov Dmitry Olegovich - Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of Novosibirsk State University of Economics and Management.

Vitaly A. Osprey – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Altai State Pedagogical University", Professor of the Department of Historical and Cultural Heritage and Tourism, 55 Molodezhnaya str., Barnaul, 656031. sverhtitan@rambler.ru

Smykalin Alexander Sergeevich - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of History of State and Law of the Ural State Law University.

Stavitsky Vladimir Vyacheslavovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of General History, Historiography and Archeology, Penza State University, 440052, Russia, Penza Region, Penza, Tambovskaya str., 9 sq.106 stawiczky.v@yandex.ru

Sychenko Elena Vyacheslavovna - PhD (University of Catania, Italy), Associate Professor of the Department of Labor Law of St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, 22 line V.O., 7. e.sychenko@mail.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Tikhomirov Yuri Alexandrovich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 34 B. Cheremushkinskaya str., Moscow, 117218, Russia

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politehnicheskaya str., 17, miailovan@inbox.ru

Tumanova Anastasia Sergeevna - Doctor of Historical Sciences, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory of Law and Comparative Law of the National Research University "Higher School of Economics".

Ulyanov Oleg Germanovich - Doctor of Historical Sciences, Professor of Lomonosov Moscow State University M.V. Lomonosov, professor.ulyanov@gmail.com

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, Ajax village, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (“ ”).
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

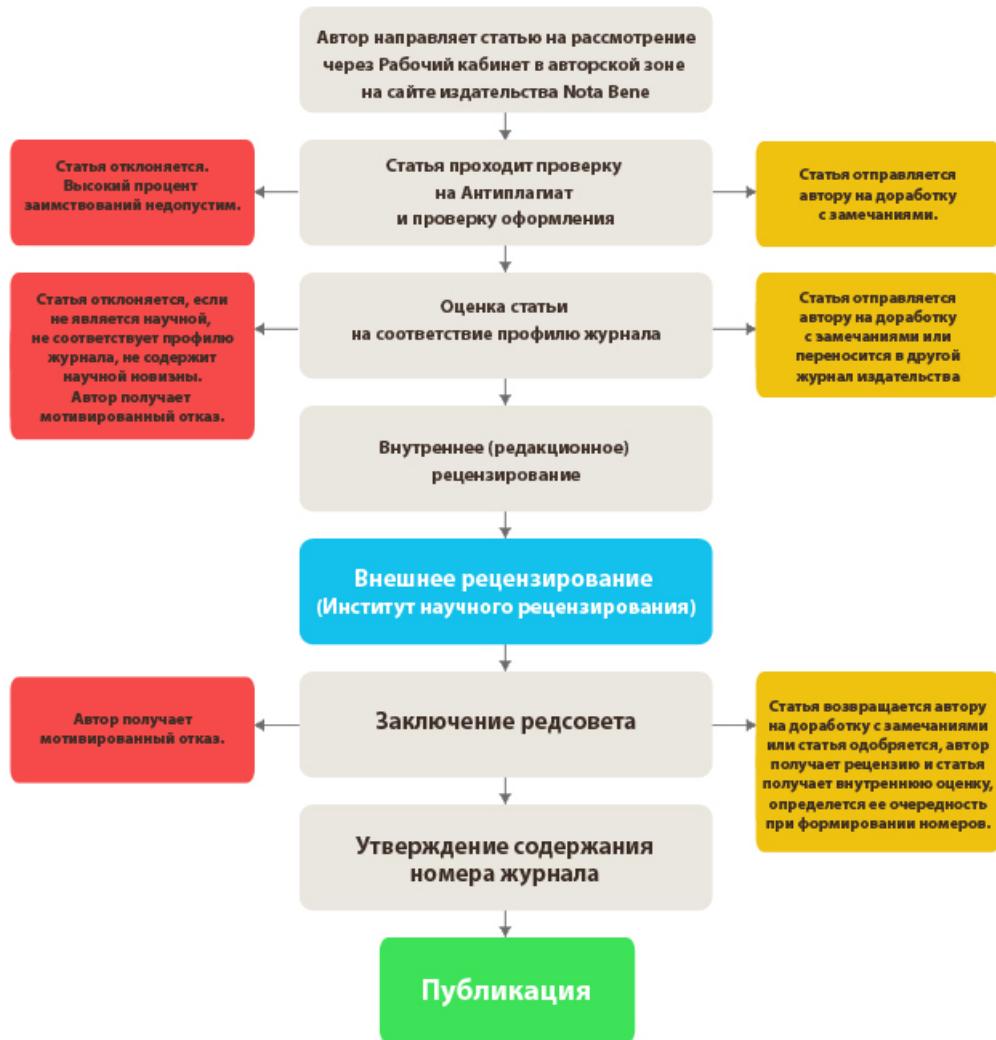
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Воронов В.П., Бородаев В.А. Экология как фактор сотрудничества России и Бразилии в период президентства Дилмы Русеф (2011 – 2016 гг.)	1
Швыряев И.А. Исторические условия формирования и происхождения римского культа бога Митра	18
Горбань В.С., Груздев Г.В., Груздев Л.В. Междисциплинарность в современных исследованиях политico-правовых феноменов и доктрин	31
Аленичева Я.С. Гендерные аспекты коллаборационизма на территории Локотского окружного самоуправления	48
Чжао Д. Роль военного сотрудничества России и Китая в формировании многополярного мирового порядка	56
Тимофеева Р.А., Чумак Р.Н. Опытно-конструкторские работы конструкторского бюро инженера Кондакова 1932–1938 годов (кроме авиационных и динамореактивных орудий)	69
Уланов К.А. Молотовые мастера Екатеринбургского завода первой половины XVIII в.	78
Соловьев К.А. Две концепции исторической памяти России: П. Я. Чаадаев и А. С. Пушкин	88
Сидорчук И.В., Ульянова С.Б. Роль транспорта в повседневности жителей пригородов Петрограда/Ленинграда в 1920–1930-е гг.	100
Митленко В.И., Асташова Е.Н., Исаев А.В., Полякова А.С. Инженерное наследие Я. М. Гаккеля: неизвестные страницы биографии, новые источники и интерпретации	116
Волков А.Л. Организация и состав русского вспомогательного корпуса генерал-лейтенанта И.И. Германа фон Ферзена в 1799 г.	139
Англоязычные метаданные	156

Contents

Voronov V.P., Borodaev V.A. Ecology as a factor in cooperation between Russia and Brazil during the presidency of Dilma Rousseff (2011–2016)	1
SHviryaev I.A. Historical conditions of the formation and origin of the Roman cult of the god Mithra	18
Gorban V.S., Gruzdev G.V., Gruzdev L.V. Interdisciplinarity in contemporary studies of political and legal phenomena and doctrines	31
Alenicheva I.S. Gender aspects of collaboration in the territory of the Lokot District Self-Government.	48
Zhao D. The Role of Russian-Chinese Military Cooperation in Shaping a Multipolar World Order	56
Timofeeva R.A., Chumak R.N. On the experimental design work of the design bureau of engineer Kondakov from 1932 to 1938 (except for aircraft and dynamo-propelled guns)	69
Ulanov K.A. Hammersmiths of the Yekaterinburg plant in the first half of the 18th century	78
Solovev K.A. Two concepts of the historical memory of Russia: P. Ya. Chaadaev and A. S. Pushkin	88
Sidorchuk I.V., Ulyanova S.B. The role of transportation in the daily life of residents of the suburbs of Petrograd/Leningrad in the 1920s and 1930s	100
Mitelenko V.I., Astashova E.N., Isaev A.V., Polyakova A.S. The engineering legacy of Ya. M. Gakkel: unknown pages of biography, new sources and interpretations	116
Volkov A.L. Organisation and composition of the Russian auxiliary corps of Lieutenant-General I.I. Hermann von Fersen in 1799.	139
Metadata in english	156

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Воронов В.П., Бородаев В.А. Экология как фактор сотрудничества России и Бразилии в период президентства Дилмы Русеф (2011 – 2016 гг.) // Genesis: исторические исследования. 2025. № 10. С. 1-17. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.10.76113 EDN: LHGBSH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76113

Экология как фактор сотрудничества России и Бразилии в период президентства Дилмы Русеф (2011 – 2016 гг.)

Воронов Валерий Павлович

ORCID: 0000-0002-6417-7476

независимый исследователь

119334, Россия, г. Москва, Гагаринский р-н, Ленинский пр-кт, д. 43, кв. 121

✉ v.vorонов@vnii ecology.ru

Бородаев Владимир Алексеевич

доктор исторических наук

профессор; Исторический факультет; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

109444, Россия, г. Москва, р-н Выхино-Жулебино, Ташкентский пер., д. 5 к. 2

✉ vladimir.a.borodaev@gmail.com

[Статья из рубрики "История и политика"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.10.76113

EDN:

LHGBSH

Дата направления статьи в редакцию:

02-10-2025

Дата публикации:

09-10-2025

Аннотация: Объектом исследования является экологический фактор сотрудничества России и Бразилии в период президентства Дилмы Русеф (2011 – 2016 гг.). Предметом исследования является процесс российско-бразильского сотрудничества в этот период, обусловленный интересами защиты окружающей среды и рационального

природопользования. Цель статьи заключается в рассмотрении исторического опыта двустороннего сотрудничества Бразилии и Российской Федерации в вопросах, связанных с экологией, выявлении ключевых аспектов взаимодействия стран в этой сфере. Экологическая повестка зачастую используется как инструмент экономической конкуренции и политического давления. Основная часть текста анализирует экологическое сотрудничество России и Бразилии как пример прагматичного подхода, рассматривая совместные проекты двух государств (использование спутниковой системы ГЛОНАСС, сотрудничество в агропромышленной сфере, управление водными ресурсами). Теоретико-методологическую основу исследования составили принципы историзма, научной объективности и системности, которые предполагают, что все процессы рассматриваются в контексте конкретной исторической ситуации, а факты и события анализируются в совокупности, а не отдельно друг от друга. В работе применялись сравнительно-ретроспективный и историко-системный методы исторического исследования. Новизна исследования заключается в том, что в отечественной историографии практически нет работ, посвященных углубленному анализу экологического фактора российско-бразильского сотрудничества. При этом исследование экологического фактора сотрудничества России и Бразилии имеет большое значение для понимания принципов взаимодействия со всем латиноамериканским континентом. Государственная политика в сфере экологии является неотъемлемой частью существования любого государства, так как каждое государство заинтересовано в сохранении и улучшении состоянии окружающей среды (и как следствие повышении качества жизни граждан). В настоящее время экологический фактор значительно влияет на внутреннюю политику большинства стран и даже на их целостность. Для России и Бразилии экология является одним из значимых аспектов международных отношений. В статье делается вывод, что, несмотря на политические изменения в мире, экология остается важным фактором сотрудничества для России и Бразилии, стремящихся к лидерству и укрепляющих международный имидж.

Ключевые слова:

Россия, Бразилия, Сотрудничество, Экология, Дилма Русеф, Международные отношения, Водные ресурсы, БРИКС, удобрения, Лес

Понятие экологии (слово происходит от греческих слов «жилище» и «наука») как науки о взаимодействии организмов между собой и с окружающей средой появилось в 1866 году, предложил его немецкий ученый Эрнст Геккель. С момента своего появления экология как наука постепенно развивалась, но заметный скачок в развитии произвела в 60-70-х годах 20 века. Научно-техническая революция, произошедшая в этот период, расширила направления, которых коснулась экологическая дисциплина. В результате этого на свет появилась «социальная экология»^[1], «инженерная экология», «акустическая экология», «политическая экология» и т.д. Явление подобного рода объяснимо: экология как наука о взаимодействии организмов исследует в том числе и человека, так что любая составляющая деятельности человека содержит в себе экологический компонент. Проникло понятие экологии и в политику. Экологическую политику государства можно определить как деятельность, направленную на сохранение природы и улучшение окружающей среды с целью улучшения качества жизни, улучшения здоровья населения, усиления экологической безопасности и т.д.^[2]. Право говоря, задачи любого государства в области экологии направлены на защиту прав граждан дышать чистым воздухом и пользоваться чистой водой, при сохранении

целостности природы и страны, и планеты в целом.

Объект и цель исследования

Объектом нашего исследования является экологический фактор сотрудничества России и Бразилии в период президентства Дилмы Русеф (2011 – 2016 гг.). Предметом исследования является процесс российско-бразильского сотрудничества в этот период, обусловленный интересами защиты окружающей среды и рационального природопользования. Цель статьи заключается в рассмотрении исторического опыта двустороннего сотрудничества Бразилии и Российской Федерации в вопросах, связанных с экологией, выявлении ключевых аспектов взаимодействия стран в этой сфере. Среди целей государства в сфере экологии можно отметить рациональное использование природных ресурсов (сбережение, управление ими в зависимости от текущей ситуации и т.д.), сбережение здоровья населения (например, контроль за выбросами предприятий, соответствующий современным возможностям промышленности), влияние на социальную активность, связанную с экологическими проблемами^[3]. При этом отдельные направления двустороннего взаимодействия Бразилии и России в экологических вопросах в период президентства Дилмы Русеф были сформированы на уровне государственной риторики и были реализованы научными и бизнес-структурами несколько позднее, поэтому в статье упоминаются некоторые факты более позднего периода.

Теоретико-методологическую основу исследования составили принципы историзма, научной объективности и системности, которые предполагают, что все процессы рассматриваются в контексте конкретной исторической ситуации, а факты и события анализируются в совокупности, а не отдельно друг от друга. В работе применялись сравнительно-ретроспективный и историко-системный методы исторического исследования.

Значимость исследования

Исследование экологического фактора сотрудничества России и Бразилии имеет большое значение для понимания принципов взаимодействия нашей страны со всем латиноамериканским континентом. Государственная политика в сфере экологии является неотъемлемой частью существования любого государства, так как каждое государство заинтересовано в сохранении и улучшении состоянии окружающей среды (и как следствие повышении качества жизни граждан). В настоящее время экологический фактор значительно влияет на внутреннюю политику большинства стран и даже на их целостность. Для России и Бразилии экология является одним из значимых аспектом международных отношений. Экологический вопрос в последнее время стал одним из важнейших в жизни государства. Однако борьба за чистую среду обитания может использоваться своих целях различными политическими группами, промышленными объединениями, общественными движениями. Экологический протест становится рычагом давления на государственные и экономические институты. Авторы и исполнители концепции глобальной «борьбы за экологию» зачастую фактически выступают в качестве инструмента экономической конкуренции^[4]. Проблемы роста антропогенной нагрузки на окружающую среду привлекают все больше внимания политиков и общественности, обсуждаются на высоких политических трибунах.

Период двух президентских сроков Дилмы Русеф (2011-2014-х годов и досрочно завершенный 2015-2016-х) важен для понимания бразильско-российских отношений по ряду причин. Дилма Русеф позиционировалась как преемница президента Луиса Инасиу

Лулы да Силвы, видного политического деятеля, представляющего Партию трудящихся. Влияние левоцентристского политического курса этой партии, а также ряд стратегических решений и документов, подписанных ещё при Луле да Силве сохраняется в Бразилии уже более 15 лет. После того, как Луис Инасиу Лула да Силва завершил два своих президентских срока, спустя более чем 10 лет он вновь избрался на новый срок с 2023 по 2027 год.

Отметим, что правительство Бразилии в 1990-е годы в первую очередь придерживалось североамериканского внешнеполитического вектора, а своим вторым по значимости партнером считало Европу. Вопрос партнерства с Россией на тот момент у бразильского политического руководства не был одним из ключевых^[5]. Именно после так называемого «левого поворота» начала 2000-х в Бразилии сотрудничество этого государства с РФ получило новый импульс: стали регулярными встречи политиков, расширилось число коммерческих соглашений в различных отраслях и укрепились культурные связи. 18 октября 2005 года, во время официального визита бразильского президента в Москву был подписан двухсторонний «Российско-бразильский стратегический союз»^[6]. В ноябре 2008 года президент России Дмитрий Медведев посетил Бразилию. В Рио-де-Жанейро он и Лула да Силва подписали Соглашение о военно-техническом сотрудничестве^[7]. В 2010 году был принят План стратегического партнёрства между Российской Федерацией и Федеративной Республикой Бразилией: в документе формулировались основные цели стратегического партнёрства России и Бразилии^[8].

Однако потенциал сотрудничества двух стран-гигантов к тому моменту не был использован в полной мере и правительства стран ожидали достижения нового качественного уровня российско-бразильского взаимодействия в период президентства Дилмы Русеф. Президент России Владимир Путин в ходе визита главы бразильского государства в РФ в декабре 2012 года обсудил с Дилмой Русеф продвижение в наращивании сотрудничества двух стран. Президенты согласились с тем, что происходящее сближение двух стран требовало актуализации задач в целях дальнейшего наращивания диалога и подписали новый стратегический документ: «Дальнейшие шаги по выполнению Плана действий стратегического партнёрства между Российской Федерацией и Федеративной Республикой Бразилией». Данный документ можно назвать официальной программой действий для правительства Бразилии и России, в нем рассматривается политический диалог стран, а также их сотрудничество во всех ключевых сферах жизни государства: от торгово-экономического сотрудничества до военно-технического, космического и энергетики^[9]. В документе не выделено отдельной «экологической» главы, однако затрагивается целый ряд вопросов природопользования и экологической повестки: взаимодействие в исследованиях, касающихся изменения климата, биологического разнообразия и устойчивого развития, охрана здоровья животных и растений, разработка недр и др.

В итоге, президентство Дилмы Русеф — репрезентативный период, позволяющий оценить основные принципы внешнеполитического подхода левоцентристского политического блока бразильского государства, а также их результаты, в том числе в вопросах, связанных с экологической повесткой. Кроме того, именно на период президентства Дилмы Русеф пришлось обострение отношений России с традиционными западными партнёрами. После присоединения Крыма к России в 2014 году европейские страны ввели масштабные антироссийские санкции, и РФ начала усиливать сотрудничество с новыми партнёрами. На этом фоне президентство Дилмы Русеф показывает, какие ключевые интересы Бразилия готова продвигать в отношениях с РФ вне зависимости от

мировой политической конъюнктуры.

Историография

Говоря о важности изучения экологии как фактора сотрудничества России и Бразилии в период президентства Дилмы Русеф для отечественной историографии, следует отметить, что изучением российских-бразильских отношений занимается сравнительно небольшое число учёных-специалистов. Ещё сложнее найти научные работы, освещдающие российско-бразильское взаимодействие в экологических проектах. Однако следует выделить работы доктора политических наук, профессора кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО Бориса Мартынова. В своих работах (например, «Бразилия - Гигант в глобализирующемся Мире и Запад и Не-Запад: прошлое, настоящее... будущее?», «Бразилия - «тропический гигант» на подъёме», «Бразилия: приоритеты и фобии восходящей державы») автор отмечает схожесть бразильского и российского внешнеполитического вектора. Эти страны определили свою модель внутреннего и внешнего развития в глобализирующемся мире и претендуют оказывать собственное активное воздействие на процессы глобализации. Их курс основан на политике активного суверенитета и регионального лидерства и преследует цель равноправного подключения к глобальному регулированию, что подразумевает продвижение национальных интересов на международном уровне, в том числе в экологических вопросах^[10].

Доктор политических наук, профессор МГИМО Владимир Сударев в своих работах (включая монографию «Латинская Америка. Новые геополитические вызовы») уделяет особое внимание экономическим тенденциям последних лет, повлиявших на состояние Латинской Америки, отмечает, что своеобразное «возвращение» России в Латинскую Америку после «потерянного десятилетия» 90-х было в немалой степени обеспечено «левым дрейфом» в регионе, когда появилась целая группа государств, которые усматривали в расширении связей с Россией важный рычаг укрепления своих позиций в условиях конфликтных отношений с США^[11].

Одним из крупных специалистов, занимающихся вопросами формирования политического курса Бразилии является доктор исторических наук, профессор МГИМО Людмила Окунева. В книге «Бразилия: особенности демократического проекта» раскрываются процессы, происходящие в Бразилии с периода правления Колорадо ди Мелу (начало 1990-х гг.) до «левого поворота» Луиса Инасиу Лулы да Силвы. Научная работа даёт характеристику состоянию бразильского государства к моменту прихода к власти Дилмы Русеф, подводя к мысли о преемственности курса представителей Партии трудящихся^[12].

При этом, следует отметить, что в отечественной историографии, так же, как и в бразильской, пока нет фундаментальных трудов по изучению экологического фактора сотрудничества России и Бразилии (в том числе в период президентства Дилмы Русеф). Впрочем, экология как фактор межгосударственных отношений изучается учёными-международниками без привязки к бразильскому государству: в российской историографии есть немало работ, посвященных таким смежным вопросам как «зелёная» дипломатия, продвижение «зелёной» энергетики, мировая климатическая повестка, устойчивое развитие и др. Среди таких исследований следует выделить работы профессора кафедры международных экономических отношений и внешнеэкономических связей МГИМО Натальи Пискуловой, которая в комплексе оценивает проблемы глобализации, отмечая, что экологические интересы стран пересекаются с

экономическими [\[13\]](#).

Экологическая повестка в политике

Отметим, что использование экологической повестки вне самой экологии с целью получения прибыли уже давно успешно применяется корпорациями. Например, с середины XX века ученые начали наблюдать за озоновым слоем планеты, который предотвращает пагубное воздействие солнечного ультрафиолета на живые организмы. Наблюдения показали, что озоновый слой подвергается негативным воздействиям и может исчезнуть. Обсуждалась необходимость его замены каким-то другим, менее вредным газом. Необходимость этого была закреплена Монреальским международным протоколом (к Венской конвенции об охране озонового слоя 1985 г.) по веществам, разрушающим озоновый слой, который вступил в силу 1 января 1989 года [\[14\]](#). Действие Монреальского протокола позволило фирме «Дюпон», использующий в производстве своих холодильников так называемый альтернативный фреон-134, который якобы не разрушает озоновый слой, стать практически монополистом на рынке хладагентов [\[15\]](#). В итоге экологической политики, навязанной транснациональными компаниями холодильная промышленность РФ в «1990-е годы практически перестала существовать, так как крупные производители, возникшие во времена Советского Союза, исчезли [\[16\]](#). Таким образом, «забота» об экологии может становиться эффективным политическим инструментом продвижения интересов отдельных государств. Вмешательство экологии в экономику, естественным образом, означает и её вмешательство в политику. История с Монреальским протоколом едва ли была бы возможна без политического обоснования, без выступлений многочисленных экологических организаций, СМИ, включая всемирную сеть интернета.

Вопросы экологии давно являются фактором мировой политики, особенно для стран, претендующих на региональное лидерство и глобальное влияние. Учет экологического фактора во взаимодействии с другими государствами для них — стратегическая необходимость. Это можно проследить по отношениям Бразилии и России — двух государств-гигантов, занимающих видное место в мировом геополитическом, демографическом и экономическом табеле о рангах. На это указывают, как размеры территории, численность населения, объем ВВП, промышленное производство, внешнеторговый оборот, обладание огромными лесными массивами, биоразнообразием, пресноводными, энергетическими ресурсами и т.д.

В частности, в период двух сроков президентства Дилмы Русеф вопросы экологии были постоянной частью повестки межгосударственного диалога. По итогам российско-бразильских переговоров на высшем уровне в июле 2014 года был подписан пакет документов. Среди них важным для совместных усилий двух стран в сфере технологического сотрудничества стал меморандум о взаимопонимании по реализации проекта по установке и использованию в Бразилии беззапросной измерительной станции системы ГЛОНАСС. С 2013 года на территории университета Бразилии уже действовала одна наземная система сбора измерений. Во время визита президента России Владимира Путина в Бразилию в эксплуатацию были введены еще две станции — квантово-оптическая, характеризующаяся высочайшей точностью измерений, и беззапросная.

Следует заметить, что наша страна начала создавать глобальную навигационную спутниковую систему — ГЛОНАСС — ещё в начале 1980-х годов. За последующие десятилетия она приобрела большое значение в самых разных сферах народного хозяйства. В том числе для мониторинга в природоохранной сфере. «В состав наземного

комплекса управления [...] ГЛОНАСС входит сеть беззапросных измерительных станций (БИС). Каждая БИС является геодезически привязанным неподвижным навигационным приёмником и предназначена для непрерывного приёма сигналов [...] ГЛОНАСС и GPS, измерения их параметров и расшифровки навигационных сообщений с целью последующего применения этой информации»[\[17\]](#).

Благодаря этим высокотехнологическим и практическим заделам России было чем поделиться со своим стратегическим партнёром — Бразилией. В апреле 2016 года на территории бразильского Федерального университета Санта-Марии (UFSM), начала работать четвертая беззапросная измерительная станция (БИС) ГЛОНАСС оборудованная и установленная Научно-производственной госкорпорацией «Системы прецизионного приборостроения», входящей в состав Роскосмоса.

ГЛОНАСС имеет большой потенциал применения для охраны окружающей среды: спутниковая система способна оптимизировать маршруты общественного транспорта и частных автомобилей, наблюдать в режиме реального времени за движением транспортных средств, что влечёт за собой снижение вредных выбросов. Кроме того, спутниковые данные могут использоваться при планировании застройки города, с той же целью — заранее проложить оптимальные маршруты для оптимизации движения и уменьшения атмосферных выбросов. Всё это особенно актуально для стран с крупными промышленными центрами вроде бразильского Сан-Паулу.

Помимо загрязнения воздуха, экологической проблемой Бразилии является незаконная вырубка лесов, которой занимаются как владельцы ранчо для получения новой земли под пастбища, так и крупные корпорации с целью реализации леса за рубежом. Высокоточное спутниковое наблюдение за этим процессом позволяет его упорядочить и предотвратить утрату биоразнообразия тропических лесов. Кроме того, наблюдения со спутника могут дать информацию о природных катализмах и предупредить их. Наводнения, циклоны, оползни, ураганы могут быть замечены заранее и, соответственно, приняты меры для безопасности граждан.

Другим важным направлением российско-бразильского сотрудничества стала аграрная сфера. Партнерские инициативы в сфере сельского хозяйства и аграрного развития продвигались в рамках рабочих групп БРИКС. На 4-м заседании министров сельского хозяйства и аграрного развития БРИКС (Бразилия, 13 марта 2015) была принята совместная декларация, где подтверждалась обязательства стран по продвижению устойчивого земледелия и адаптации к изменению климата. Целью инициативы было укрепление продовольственной безопасности и экологической устойчивости в странах-партнёрах[\[18\]](#). В период президентства Дилмы Русеф формировалось экспертное взаимодействие и оценка особенностей рынков двух государств. Уже позднее проекты взаимодействия стран в агропромышленной сфере получили конкретную реализацию.

Например, компания «Еврохим», которая входит в пятерку крупнейших мировых производителей азотных, фосфорных и калийных удобрений, в период правления правления Дилмы Русеф начала пререговоры о приобретении контрольного пакета акций Fertilizantes Tocantins, одного из крупнейших поставщиков удобрений Бразилии. В 2016 году сделка состоялась[\[19\]](#). Она послужила основой для дальнейшего развития индустрии удобрений в Бразилии. Так, в августе 2021 года «Еврохим» подписал соглашение о приобретении фосфатного проекта Serra do Salitre у компании Yara International ASA на сумму \$410 млн, в том году объявил о покупке контрольного пакета акций бразильского дистрибутора Fertilizantes Heringer. В марте 2024 года компания

ввела в эксплуатацию новое предприятие по производству фосфорных удобрений в бразильском городе Серра-ду-Салитрис с объемом инвестиций около \$1 млрд. Положительные стороны строительства завода на месте непосредственного использования удобрений, в Бразилии, состоят в самой сути их использования. Объемы применения удобрений в сельском хозяйстве продолжает расти: истощение почв в сочетании с необходимостью увеличения урожая требуют этого. Но очень важно применять удобрение в нужном количестве, проводить анализ почвы, подбирая наиболее подходящий тип удобрения. Все эти работы удобнее проводить, когда производство находится близко к рынку сбыта. В таком случае, например, возможно более оперативное корректирование состава удобрений в соответствии с изменившимися природными условиями, что потенциально в том числе снижает негативную нагрузку на окружающую среду.

Говоря о водных ресурсах, в 2014-2015 годах в юго-восточной Бразилии из-за засухи наступил кризис водоснабжения, в ходе которого больше всего пострадал город Сан-Паулу. В этой связи Бразилии было необходимо перенимать опыт партнеров. На II министерской встрече по науке, технологиям и инновациям стран БРИКС, состоявшейся в Бразилии 18 марта 2015 года, были определены приоритетные направления сотрудничества. В сентябре 2016 года в Москве состоялась международная научно-практическая конференция БРИКС (BRICS) Водный Форум (Water Forum), организованная Федеральным агентством водных ресурсов России^[20]. Участники из стран БРИКС, включая Бразилию, обсудили вопросы интегрированного управления водными ресурсами, мониторинга трансграничных водных объектов и обмена информацией о качестве воды. Особое внимание уделялось разработке общих стандартов и индикаторов для оценки качества воды. Российские и бразильские ученые совместно исследовали гидрофизические и биогеохимические процессы в устьях крупнейших рек — Амазонки и сибирских рек (Обь, Енисей, Лена). Целью проекта было сравнение динамики процессов распределения пресной воды, её смешивания с морской в этих регионах. Исследования включали полевые измерения, численное моделирование и спутниковый мониторинг. Уже позднее экспертное сотрудничество ученых Бразилии и России в сфере сохранения водных ресурсов получило практическую реализацию. В 2023 году институт ядерной физики имени Будкера Сибирского отделения Российской академии наук (ИЯФ СО РАН) совместно с Институтом электронно-пучковых технологий (EB-tech Co., Ltd., Южная Корея) создали и поставили бразильскому Институту энергетических и ядерных исследований (IPEN) мобильный промышленный ускоритель для обеззараживания и очистки воды местных рек. Такую установку можно использовать при проведении экспериментов вне стационарных лабораторий для очистки и обеззараживания сточных вод, которые попадают в притоки реки Амазонка^[21].

В апреле 2015 года в Москве прошла первая официальная встреча глав Минприроды стран БРИКС^[22]. По итогам переговоров, занимавший тогда должность министра природных ресурсов и экологии РФ Сергей Донской сообщил, что важным направлением взаимодействия двух государств должно стать внедрение экологически безопасных инновационных технологий, позволяющих сократить ресурсопотребление и негативное воздействие на окружающую среду при сохранении их экономической эффективности. Особое внимание на переговорах былоделено лесопользованию и добыче минеральных ресурсов. В частности, отмечалось что Бразилия обладает богатейшими запасами различных руд, меди, олова, газа, золота. При этом геологическая изученность этих запасов крайне слаба и здесь Россия могла бы оказать помощь в изучении запасов и экологически чистой их добыче.

Российский министр также уточнил, что следование принципам «зеленой экономики» должно дать странам новые экономические возможности, послужить основой для структурных сдвигов передовых отраслей. Замглавы Минприроды Бразилии Франциско Гаэтани, в свою очередь, выразил готовность бразильской стороны к более плотному сотрудничеству с Россией и отметил высокую заинтересованность Бразилии в налаживании более плотного взаимодействия двух стран в том числе в сфере обращения с твёрдыми бытовыми отходами (ТКО). В этом вопросе страны действительно стали наращивать интенсивность партнерства, но позднее: в 2022 году российская отраслевая ассоциация «Лига переработчиков макулатуры» организовала бизнес-миссию в Бразилию для обмена опытом с коллегами по отрасли, поиска новых решений по импортозамещению, знакомства с машиностроением и химической промышленностью Бразилии, а также для налаживания сотрудничества с бразильскими университетами^[23]. В 2025 году представители Российского экологического оператора (публично-правовая компания, которая отвечает за работу региональных мусорных операторов) обсудили с бразильскими коллегами сотрудничество двух стран в сфере обращения с (ТКО), формирования экономики замкнутого цикла, а также обмен опытом в сфере переработки стекла^[24]. Таким образом, в период президентства Дилмы Русеф на государственном уровне был обозначен вектор расширения сотрудничества стран в сфере обращения с отходами, который в более поздние годы получил большее развитие с участием бизнес-структур.

Заключение

Ряд указанных направлений продолжил свое развитие и при администрациях следующих президентов Бразилии — Мишела Темера, Жаира Болсонару, Лулы да Силвы. Всё это говорит о том, что, с одной стороны, Россия и Бразилия в период президентства Дилмы Русеф сохраняли прагматизм и развивали свое сотрудничество вне зависимости от меняющейся внутренней и мировой политической конъюнктуры. С другой стороны, это является свидетельством того, что экология остается существенным фактором сотрудничества двух государств. Лидерство в «зелёных» инициативах не только может укреплять имидж страны в глазах мирового сообщества. Совместные проекты в области зелёной энергетики, переработки отходов, защите лесов и водных ресурсов открывают новые рынки и инструменты продвижения интересов страны, что важно для государств, претендующих на достижение лидирующих позиций на мировой арене, таких как Россия и Бразилия.

Библиография

1. Розенберг Г.С. Еще раз к вопросу о том, что такое "Экология"? // Междисциплинарный научный и прикладной журнал "Биосфера". 2010. Т. 2. № 3. EDN: MZJFCB.
2. Экологическая доктрина Российской Федерации [Электронный ресурс] : [Одобрена распоряжением Правительства Российской Федерации от 31 августа 2002 г. № 1225-р]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-322/48094 (дата обращения: 30.05.2025).
3. Косов Г.В. Экологический фактор как политическая проблема // Вестник Ставропольского университета. 2003. № 36.
4. Экозащита и эконападение: политические экологи в России и в мире / доклад группы экспертов. М., 2018. 88 с. URL: https://miheev-politolog.ru/wp-content/uploads/2018/05/ecology_big.pdf (дата обращения: 18.05.2025).
5. Graciela Zubelzú de Bacigalupo. As relações russo-brasileiras no pós-Guerra Fria. 2010. С. 5.

6. Иванова А.В. Точка бифуркации российско-бразильских отношений в связи с конфликтом между Россией и Западом // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2015. № 6. EDN: TYWBLH.
7. Фабиано Мельничук. Российско-бразильские отношения после холодной войны // Международная жизнь. 2012. № 4. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/643/> (дата обращения: 05.10.2025).
8. Масленников А.В. Новые тенденции в формировании политической культуры: российско-бразильские внешнеполитические связи (сер. 1990-х – 2014 гг.) // Вестник КазГУКИ. 2015. № 3. EDN: UYYTON.
9. Дальнейшие шаги по выполнению Плана действий стратегического партнерства между Российской Федерацией и Федеративной Республикой Бразилией // Концорциум Кодекс, Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/499014860> (дата обращения: 04.10.2025).
10. Мартынов Б.Ф. Бразилия – гигант в глобализирующемся мире / Б.Ф. Мартынов / Институт Латинской Америки РАН. – М.: Наука, 2008. – 320 стр. EDN: QUHGLJ.
11. Сударев В.П. Латинская Америка. Новые геополитические вызовы. МГИМО МИД России. Издательство МГИМО – Университет, 2015. – 292 с.
12. Окунева Л.С. Бразилия: особенности демократического проекта (страницы новейшей политической истории латиноамериканского гиганта (1960-Е ГГ. – 2006 Г.). – М.: МГИМО-Университет, 2008. – 823 с. EDN: PJSPPH.
13. Экология и глобализация: монография / Н. А. Пискулова; Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Кафедра международных экономических отношений и внешних экономических связей. – Москва: МГИМО-Университет, 2010. – 208 с. EDN: QISMLJ.
14. Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой / Принят 16 сентября 1987 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/montreal_prot.shtml (дата обращения: 29.05.2025).
15. Новоселова Елена. Кто испортил озон? // Российская газета. 01.10.2003 [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2003/10/01/ZashitaSvorotkina.html> (дата обращения: 29.05.2025).
16. Перспективы российской холодильной отрасли в условиях нового экологического законодательства // Мир климата. 2016. № 95 [Электронный ресурс]. URL: <https://mir-klimata.info/perspektivy-rossijskoj-holodilnoj-otrasli-v-usloviyah-novogo-ekologicheskogo-zakonodatelstva/> (дата обращения: 29.05.2025).
17. Леконцев Д.А., Рубцов Н.С., Мельничук В.И. Экспериментальное исследование измерений беззапросных измерительных станций глобальных навигационных спутниковых систем. Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского. 2021. vka@mil.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://conf-ntores.etu.ru/assets/files/2021/cp/papers/047-49.pdf> (дата обращения: 07.07.2025).
18. Joint Declaration of the 4th Meeting of the BRICS Ministers of Agriculture and Agrarian Development. Brasilia, Brazil, 13th March 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.br/mre/en/contact-us/press-area/press-releases/joint-declaration-of-the-4th-meeting-of-the-brics-ministers-of-agriculture-and-agrarian-development-brasilia-brazil-13th-march-2015> (дата обращения: 17.07.2025).
19. Будрис Алекс. Путь в Бразилию: зачем "Еврохим" расширяет присутствие в Латинской Америке // Форбс. 22 декабря 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/450599-put-v-braziliu-zacem-evrohim-rassiraet-prisutstvie-v-latinskoj-amerike-ysclid=mephjdcty3550199250> (дата обращения: 10.07.2025).
20. Итоги "Водного форума БРИКС" // Форсайт-центр [Электронный ресурс]. URL:

- <https://foresight.hse.ru/news/195406739.html> (дата обращения: 06.10.2025).
21. Мобильный промышленный ускоритель отправлен в Бразилию для улучшения экологической ситуации реки Амазонка // Российская академия наук [Электронный ресурс]. URL: <https://new.ras.ru/activities/news/mobilnyy-promyshlennyuy-uskoritel-otpravlen-v-braziliyu-dlya-uluchsheniya-ekologicheskoy-situatsii-re/> (дата обращения: 06.07.2025).
22. Россия и Бразилия будут сотрудничать в области охраны окружающей среды // Парламентская газета. 22.04.2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pnp.ru/russia-today/rossiya-i-braziliya-budut-sotrudnichat-v-oblasti-okhrany-okruzhayushhey-sredy.html> (дата обращения: 12.07.2025).
23. Бизнес-миссия в Бразилию // Лига переработчиков макулатуры [Электронный ресурс]. URL: <https://liga-pm.ru/activity/biznes-missiya-v-braziliyu/> (дата обращения: 05.10.2025).
24. Россия и Бразилия договорились об обмене опытом в сфере переработки стекла // Российский экологический оператор [Электронный ресурс]. URL: <https://reo.ru/tpost/fixjuvj11-rossiya-i-braziliya-dogovorilis-ob-obmen-amp=true> (дата обращения: 05.10.2025). ""

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия скрыта по просьбе автора

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Швыряев И.А. Исторические условия формирования и происхождения римского культа бога Митра // Genesis: исторические исследования. 2025. № 10. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.10.76142 EDN: LFWYNO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76142

Исторические условия формирования и происхождения римского культа бога Митра

Швыряев Илларион Александрович

независимый исследователь

300000, Россия, Тульская обл., г. Тула, ул. Менделеевская, д. 8

✉ illarionshvyraev@yandex.ru

[Статья из рубрики "Верования, религии, Церкви"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.10.76142

EDN:

LFWYNO

Дата направления статьи в редакцию:

04-10-2025

Дата публикации:

11-10-2025

Аннотация: Предметом настоящего исследования являются исторические обстоятельства возникновения культа бога Митры в период Римской империи. Изучению культа богу Митре посвящено достаточно большое количество научных работ, однако вопрос происхождения культа и исторические обстоятельства его формирования остаются окончательно нерешенными и вызывают многочисленные дискуссии в современном антиковедение. В статье исследуется вопрос о самом раннем этапе возникновения культа в период индоевропейской общности. На основании анализа эпиграфических и археологических данных автор рассматривает различные аспекты научной проблемы происхождения культа бога Митры и пути его проникновения в римскую империю. Особое внимание уделяется дискуссионным вопросам происхождения культа Митры на ранних этапах развития. А также рассматривается вопрос о наличии

синкремического бога Митры на Боспоре и возможность распространения в Риме культа бога Митры из этого государства Северного Причерноморья. Для анализа материала автор статьи использовал сравнительно-исторический, историко-генетический и типологические методы. Также использовались методы терминологического и лексического анализа исторических источников и традиционные методы историографического исследования: междисциплинарный, периодизации, ретроспективного и перспективного анализа, проблемно-хронологический. Основным выводом статьи является то, что культ Митра зародился еще в эпоху индоевропейской общности в V-III тыс. до н.э. и эволюционировал в период индоиранской общности. В Древнеиранском обществе он имел очень большое значение, что нашло отражение в его половинчатом положении в новой религии персов – зороастризме. А затем через Боспорское государство проник в Римскую империю став там одной из основных религий античности. Автор статьи приходит к выводу что одним из путей проникновения митраизма в Рим является Боспорское государство. Предложена авторская интерпретация накопленного в современном отечественном и зарубежном историко-научном дискурсе опыта осмыслиения историографических и конкретно-исторических компонентов изучения феномена митраизма и истории его происхождения.

Ключевые слова:

культ бога Митры, римский митраизм, индоевропейская общность, анимизм, Персия, Ригведы, Авеста, Боспорское царство, синкремический бог, боспорские фиасы

Большой интерес в исторической науке к той роли, которую играл в истории древности куль Митры, вызван его чрезвычайной распространностью во времени и пространстве: от бронзового века до поздней античности, от Индии до римской Британии. Среди прочего, археологические источники свидетельствуют о поклонении этому божеству и на территории нашей страны, в Боспорском Царстве. В совершенно разных государствах куль бога Митры часто занимал высокое положение в иерархии божеств. Известны слова историка XIX века Э. Ренана, о том, что мир стал бы митраиским, если бы не стал христианским. Конечно, это категоричное утверждение не разделяется современными исследователями, но заключенная в нем мысль имеет рациональное зерно: митраизм действительно оказал серьезное влияние древние общества. Так, еще до того, как о Митре узнали в Риме, его культа был распространен в Ахеменидском Иране и занимал там одно из ведущих положений в системе зороастризма. В пантеоне Кушанского государства куль бога Митры был одним из главных.

В самой Римской империи он распространился практически по всей территории и претендовал на статус государственной религии. В связи с этим, чтобы лучше понимать особенности позволившие культу Митры распространиться на столь широкой территории, необходимо изучение самых ранних периодов его истории. Также остается пока окончательно не решенным вопрос о путях проникновения митраизма в Римскую империю. Актуальность темы исследования обуславливается важностью религии в функционировании обществ античности, и соответственно, важностью ее изучения для понимания общественных процессов той эпохи. Необходимость изучения именно митраизма обуславливается широтой его географического охвата и высоким распространением этого культа среди народов древности. Таким образом, цель статьи проанализировать имеющиеся источники и основные теории происхождения культа бога Митры и после изучения всех обстоятельств восстановить по возможности

происхождение культа и пути его проникновения в римскую империю с учетом современных данных. Источниками работы являются письменные сочинения древних авторов, и археологические и эпиграфические находки. Для решения целей и задач были использованы следующие методы: для анализа материала автор статьи использовал сравнительно-исторический, историко-генетический и типологические методы. Также использовались методы терминологического и лексического анализа исторических источников и традиционные методы историографического исследования: междисциплинарный, периодизации, ретроспективного и перспективного анализа, проблемно-хронологический.

На сегодняшний день есть несколько гипотез происхождения культа Митры. Работ, посвящённых исследованию культа Митры достаточно много, но незначительное количество работ рассматривают ранние этапы развития митраизма. Нам представляется крайне важным рассмотреть именно истоки становления культа Митры. Ведь в религиях, заложенный при их основании фундамент, продолжает оказывать значительное влияние и на всю дальнейшую их историю. Поэтому, крайне важно выяснить истоки митраизма, чтобы понимать его особенности в последующие исторические периоды. [\[1, с.75\]](#). Также остается вопрос почему в столь разных странах был почитаем культ Митры, пути проникновения митраизма в римскую империю возможно дадут ответ нам на эти вопросы.

Первые, самые ранние следы культа Митры относятся к периоду индоевропейской общности, то есть хронологически к V-III тыс. до н.э. [\[1, с. 76\]](#). У иранских племен еще до религиозной реформы Зороастра был развитый культ бога Митры. В царстве Ахеменидов мы видим уже четко сформировавшийся культ. В результате персидских завоеваний он получил собственную жизнь в иной культурной среде, сохранившись там и после падения Персии, в период эллинизма, достигнув своей вершины в Римской империи [\[2, с. 12\]](#).

Почему поклонение богу Митре совершенно разными народами, проживающими на различных территориях, входившими в самых разных государствах просуществовало столь длительное время и было столь популярно? Безусловно, можно ответить на этот вопрос если обратиться к самому образу светоносного божества-воина, защитника мира и справедливости, привлекавшего к себе не только военную аристократию, но и рядовых людей.

Изначально бог Митра был у индоиранцев богом договора. В условиях разложения родоплеменных отношений, когда между племенами в условиях возникают конфликты значение договора, который заключается между человеком или общиной и богами естественно возрастает. Если мы обратимся к непосредственно значению слова Митра, то можем увидеть, что от авестийского *tiθra* (договор) и происходит средперс. Михр-Митра. Затем помимо договора между человеком и богом, к функциям Митры добавляется поклонение ему как богу воинов. Данный бог защищает справедливость, он на стороне праведного (ашавана) и в тоже время бог справедливости на суде в загробном мире. Самые ранние источники письменного упоминания Митры мы можем найти в митанийских текстах. В XVII-XIII вв. до н.э. в Северной Месопотамии было такое государство Митанни. Исторической науке известен договор 1380 до н.э. между царем Митанни и царем Хетской державы. Этот договор соединяет обращение к таким божествам как Митра, Варунне, Индре и братьям-близнецам Насатья. Все эти божества индоиранские (арийские).

Возвращаясь к истокам формирования митраизма во времена индоевропейской языковой

общности нам представляется достаточно убедительной эта широкая дата V-III тыс. до н. э. Вопрос религии индоевропейцев в исторической литературе освещается крайне противоречиво. Так, например с точки зрения школы М. Мюллера [3] решение проблемы зарождения религиозных культов индоевропейцев находится в сравнительном языкоznании и более того представители данного направления считали его, исключительно единственным. Конечно, в свете современных знаний от такой категоричности можно отказаться, но есть у представителей школы М. Мюллера выводы актуальные и сегодня. Это, то, что одухотворение сил природы и есть та основа, на которой зиждаться практически все мифы индоевропейцев и мы полностью согласны с его выводом. Несколько по-другому решает проблему происхождения мифов индоевропейцев теория Дюмезиля и его последователей [4,5,6], некоторые ученые признают ее неисторичной [5, р. 5] что отмечает сам Дюмезиль, но то, что обращается внимание на социальные стороны основы религиозных воззрений индоевропейцев представляется важным. Дюмезиль также создает 3-ступенчатую структуру сообщества богов, которая, по его мнению, непосредственно отражает трехчастное деление общества, наблюдаемое повсеместно у индоевропейских народов. Он также считает, что такое разделение присутствует у индоевропейцев на протяжении всей их истории. безотносительно по отношению к существующей картине развития общества, невзирая на социальное и идеологическое развитие.

В отличии от теории Дюмезиля, у А. Мейе [7] совершенно иная точка зрения на религиозную жизнь индоевропейской общности. Выводы ученого не столь категоричны как у Демюзиля, но в тоже время более логичные. А. Мейе согласен с выводом М. Мюллера о весомой роли религии в жизни индоевропейской общности и с тем, что одухотворение сил природы является основой мифологических представлений индоевропейцев. И надо заметить, что одухотворенность переходит в этот период не только на природные явления, но и на общественные стороны жизни, самих людей и любых других предметов. А. Мейе соглашаясь с этими выводами идет дальше, он приходит к выводу что у индоевропейских народов лингвистическое обозначение слова божество относительно похожи. На примере слова *deiws* Мейе восстанавливает что значение его одинаково называя понятие неба, света и также оно употребляется в смысле подателя благ. Он впервые отделяет смертное человеческое существование от ипостаси небесного существования, то есть божественного и бессмертного. Удивляет уже в этот период нет одинакового понятия обозначающие культовые действия во время проведения религиозного обряда, понятия жреца, а также нет сходства и в названии места отправления культа. И Мейе приходит к выводу, что общие религиозные установления и проведения культа отсутствуют, то есть в период общности индоевропейских племен нет определенного религиозного единства. Но ученый отмечает общие специфические черты религиозного мировоззрения индоевропейцев, по его мнению, они заключаются в обожествлении природных сил и социальных явлений [7, р.384].

Таким образом вывод А.Мейе. заключается в том, что характер божества индоевропейского общества это некое природное или социальное явление имеющее исключительное значение причем это не конкретное лицо, а сама сущность явления его внутренняя сила, куль религиозный в тот период адресовался самой природе и социальным силам. Это все соответствует анимистической стадии первобытной религии индоевропейской общности, на этой стадии есть некое понятие о духовной силе оно едино и не отделяется напрямую от какого-то либо одухотворенного предмета и природного или социального явления, которое обожествляется. Мы можем сделать

вывод о сущности индоевропейской религии, что это анимистический этап ее развития [8, с. 15]. Это понятия анимизма можно увидеть и в более позднее время у многих индоевропейских народов, в частности, это наблюдается и в древнегреческой и древнеримской религиозной картине мира. Специфические черты анимизма выражаются в том, что одушевление распространяется на все что окружает человека, а также и его самого. Но А. Мейе замечает еще один аспект в религиозных взглядах периода индоевропейской общности. Он появляется позднее нежели одухотворение природных и социальных явлений, но он крайне важен в генезисе религиозных воззрений. Данный аспект заключается в противопоставлении земного и небесного, то есть человеческого и божественного. В этом новом слое религиозных воззрений мы видим божества и самого человека, как антагонистов. Современные ученые соединяют первый анимистический пласт религиозных представлений индоевропейцев с теорией «мана». Сущность «маны» заключается в неком общем понятие, которое включает в себя сверхъестественное содержание идеи предметов и явлений [9, с. 192]. И в контексте нашего исследования мы через теорию мана противопоставляем человека и некое божество, через понятие *deivos*. Такое противопоставление связано с определенным этапом генезиса социальных отношений в первобытном обществе, когда вождь племени начинает отделяться от самого племени, не представляя прежнего единства и получает некую сакральную власть (9, с. 193). И вот в таких исторических обстоятельствах и зарождается культ Митры.

Появление и развитие самого раннего этапа становления культа Митры имеет ограниченные данные на сегодняшний день, это только этимологические доказательства. Но автору статьи именно они и представляются весьма значимыми. Большую работу по сбору таких данных провел А. Мейе [7, с. 334]. Так в Ригведах [10] слово *Mitra* употребляется в двух смыслах первое значение обозначает имя бога, а второе в значении друг, отсюда *mitram* - дружба. Отметим, что и в Авесте [11] мы встречаем два значения слова *mīvra* имя бога так обозначается и в тоже время данное слово выступает в значении договор. Также если обратить внимание на схожесть слов в авестийском языке на слово *mīvrodruj* (нарушитель договора) и на слово на санскрите *mitradruh* (неверный друг, предатель), то такое распространение одинаковых корней в языках индоевропейской семьи призывает более тщательно посмотреть на проблему схожести значений данных слов позволяет сделать нам вывод о том, что в период единой индоевропейской языковой общности мы можем говорить о наличии некого единого термина который означал понятие взаимосвязанности или тесного общения. Эта гипотеза подтверждается если мы посмотрим и на другие языки этой группы, например новоперсидское *mihr* (Солнце, любовь) [6], согдийское *m'utr* (дружба) [12, р. 150], латинское *communis* [7, р. 334]. На наш взгляд объяснить, что в системе религиозных взглядов индоевропейцев появляется одухотворенное явление, обладающее единой сущностью, может русское слово мир. В нашем языке данное слово имеет несколько значений, это спокойствие, это вселенная и это община. Близкие по звучанию слова и в других славянских языках польском чешском и других. Таким образом мы можем сделать вывод что в период существования индоевропейской общности возникает самое раннее понятие Митры в значении общины и в значении некой сакральности и одухотворения, то есть формируется общее индоевропейское мировоззрение, которое затем сохраняется, когда индоевропейская общность распадается. По всей видимости это общее одухотворенное понятие было на столько глубоким и значимым что сохранилось пусть и в несколько измененном виде в последующие эпохи. И это возможно объясняет столь широкое распространение культа бога Митры в последующие эпохи. Это общее понятие

выросло из социальных явлений, которые впоследствии определили этические [\[3, с. 64\]](#). Итак, в своем исследовании мы приходим к выводу что в самом древнейшем периоде развития Митра, не являясь собственно богом в эпохе индоевропейской общности в лингвистическом значении и в социально-экономическом обладал определенным единственным понятием одухотворенности. Появляется понятие общего социального устройства общины и ее традиций, и установок в этическом понимании. И в тоже время осознавая важность взаимодействия между людьми в общине этому понятию придается сакральная сила, соединяя образцы поведения между людьми и неким образом жизни всей индоевропейской общиной.

С разделением индоевропейской общности наступает второй этап развития митраизма на рубеже II-1 тысячелетия до нашей эры в период существования индоиранской общности. Вызывает серьезные дискуссии в исторической науке вопрос местонахождения археологических культур этого периода. Одна из основных гипотез относит первое появление носителей индоиранской культуры в регион современной Средней Азии. [\[12, р.30\]](#). Это подтверждают и исследователи М. Мюллер, Х. Лассен, Ф. Шпигель, А. Шлегель [\[12, р. 196-203\]](#) и отечественные историки, например И.М. Дьяконов [\[13\]](#), указывая земледельческие оазисы Юга Средней Азии отмечают этническую близость индоиранской общности, например культура Намазга VI и Андроновская культура степных племен. Точка зрения ученого И.М. Дьяконова представляется весьма логичной и доказуемой. Таким образом следующим этапом становления культа бога Митра - это эпоха индоиранской общности. В первой половине II тыс. до н.э. население индоиранской общности скорее всего уже расселилось на значительной территории Средней Азии [\[13, с. 388\]](#). Источниками о религиозной роли бога Митры служат Веды древнейших индийцев и Авеста древнейших иранцев, конечно, эти источники появились уже после распада древнеиранской общности, но анализ данных древнейших памятников позволяет получить интересный материал по общей религиозной картине в те времена, когда это была одна языковая общность. По мнению Г.А. Кошеленко [\[14, с. 79\]](#) не стоит реконструировать элементы индоиранской общности на сравнении двух письменных источников и выделяя в них общее делать вывод что это и является индоиранской религиозной жизни. По его мнению, одинаковые явления вероятнее всего объясняются неким сходством начальных зарождающихся принципов религиозной жизни в период индоиранской общности, а также определенным сходством социально-экономического развития уже в тот период, когда индоиранская общность разделилась. Автор статьи соглашается с такой постановкой вопроса. Так если мы обратимся к анализу текстов Ригведы и Авесты, то можем увидеть достаточно много описаний значимой роли царей земных и небесных. В частности, В. Миллер считает, что в Ригведе отражены непосредственно функции индийского царя, когда идет описание дворца Митры и Варуны с тысячью дверей [\[7, р.47\]](#). В священных текстах Авесте и Ригведе значительное внимание уделяется не только небесному отражению богов царей, но и непосредственно земным царям. Еще Ольденберг обращал внимание на непосредственное взаимодействие царской власти и Митры и Варуны, а также одинаковые черты бога Митры в текстах Авесты и Ригведы. [\[6, р. 158\]](#). А Дюмезиль формулирует точку зрения что в иранском пантеоне непосредственно личность царя олицетворяет идею высший независимости, то есть суверенитета [\[4\]](#).

Но, во II тысячелетии до н.э. у индоиранских племен, расселившихся на территории юга средней Азии и оседлых, и кочевых, еще нет государства. Тогда надо учесть, что идея бога Митры о царе небесном как противопоставление или отражения царя земного, это

более поздние наслоения, когда у индийцев и иранцев уже появилось государство. Но как же объяснить сходство? Скорее всего мы можем предположить, что это некий одинаковый взгляд на функции бога Митры в период индоиранской общности, и в тоже время определенным сходством социальных условий в период, когда они уже разделились. Таким образом сравнивать тексты Ригведы и Авесты нужно не формально, а учитывать конкретные исторические обстоятельства того или иного периода.

В итоге формирование культа Митры непосредственно связаны с реформами одной из самых ранних религий индоевропейской общности во II тысячелетии до н.э. арийскими жрецами в тот период, когда все арийцы пребывали на территории Ближнего Востока. Брахманы ввели понятие вселенского порядка, от которого все зависит в земной жизни [15 с 44-55, 16 р.29-33]. Этот вывод следует из того, что тексты Махабхарата и Рамаяны повествуют о событиях, географически расположенных как раз на Ближнем Востоке и только гораздо позднее в конце II тыс. до н.э.- начале I тысячелетия до н.э. индоарии дошли до полуострова Индостана. Древнее царство Митанни располагалось в верховьях Тигра и излучине Ефрата. Население данного государства в XVII-XIV вв. до н.э. состояло из хурритов и интересующих нас арийцев. Доказательством проживания арийских племен на этой территории могут служить имена богов и царей Митаннийского царства, например Mitra, Mitrasil. Согласно тексту Ригведы у индийских арийцев Митра один из Адитьев, совместно с Варуной защищает закон риту. Необходимо пояснить, что Адитьи это сыновья богини Адити и Митра один из них [10, II, 27; III, 59; V, 62; V, 69; VII, 61]. На древнеиндийском *mitra* означает друг, дружба. Дети богини Адитьи принадлежат к небесным божествам и защищают вселенский закон аше. Согласно Авесте, Митра бог Солнца и судья, он воюет на стороне справедливости, это бог- воин. (10) Изначально бог Митра прежде всего богом договора между людьми и божествами, а также непосредственно между людьми. Солярным божеством он становится позже.

Следующий этап развития митраизма — это эллинистическо-римский вариант. Нарративных источников, к сожалению, в науке на сегодняшний день нет и источниками являются найденные митраистские надписи и святилища-митреумы. Наиболее популярный миф этого периода это убийство быка богом Митрой, бык как первое творение Юпитера-Ормазда. Эта самый значимый сюжет римского митраизма, который наиболее часто изображается в найденных митреумах. По мнению Франца Кюмона такая история могла родиться в среде пастухов. Побеждая быка, Митра получает звание «бога, крадущего быка» (*βοικλόπος θεός*) [17, с. 175-176]. Почему мы считаем, что сцена тавроконии появилась в более поздний этап нежели этап индоиранской общности? Для индоарийской общности бык является сакральным священным животным [18, с. 100]. И следовательно мы приходим к выводу что таврокония в митраизме более поздняя мифологическая идея и скорее всего ближневосточного происхождения. И в истории правления ахеменидских царей в самый ранний период мы находим свидетельства событий, которые могли лежать в основу этого мифа. Это достаточно известное событие произошло в 524 году до н.э. иранский царь Камбис III, завоевав Египет принимает титул фараона и участвует в религиозном ритуале, в ходе которого совершает убийство священного быка. [19, III, 27-29]. Историки античности дают крайне отрицательную оценку этому событию. По мнению М. А. Дандамаева [20, с. 63] Камбис III не нарушал правила религиозной жизни Египта и не осквернял чувства верующих, а вел себя, как фараон, согласно законам того времени. [2, с. 64] Таким образом иранский царь действовал, как фараону Египта и поэтому активно участвовал в религиозной жизни. Сама личность Камбиса III пользовалась большим уважением среди ираноарийской знати как мидийской так и персидской, особенно военной. Его деятельность можно сравнивать с

детальностью Кира III, он, также продолжая успешную внешнюю политику и расширяя территорию персидского государства. Этот царь опирался на военную знать, поэтому не сокращал их полномочия. Автор статьи соглашается с точкой зрения отечественных ученых [21, с. 14] что высокий авторитет среди воинского сословия личности царя Камбиса III в персидском обществе способствовал проникновению культа бога Митры в среду эллинистических царей, например Митридат Евпатор VI. Закономерно, что царь-воин будет крайне почитаем не только в военной среде, но и среди простого населения, воспринимаясь как защитник. Мы можем сделать следующий вывод, что поклонение богу Митре приобретает образ бога справедливости и защитника от врагов, бога, который борется со злом. Убийство священного быка начинает восприниматься как ритуал, а бог Митра как царь-жрец. Священный огонь Митры в период Аршакидов и Сасанидов находившийся на востоке Ирана почитался варной вайшья, то есть скотоводов и земледельцев. А это означает, что вывод Кюмона о зарождении культа в Персии совершенно справедлив. В отношении зарождения бога Митры. возможно, что в Ахеменидском Иране божество Митра помимо того, что было богом защитником, и вселенского закона становится еще и богом покровителем власти царя [15, с. 11-15]. Таким образом мы видим зарождения представлений о боге Митре претерпевает изменения и наслеия начиная с индоевропейской общности через период индоиранской общности. Возникает вопрос до конца нерешённый современной исторической наукой, каким образом кульп попадает в Римскую империю.

Существует несколько точек зрения о путях проникновения митраизма в римскую империю. Автору статьи представляется, что наиболее исторически объективной может стать гипотеза проникновения культа бога Митры в Рим с территории Боспорского царства. Отечественными историками В. Д. Блаватским и Г.А. Кошеленко в 1966 были проанализированы терракотовые статуэтки из Боспора. Ученые сделали вывод что данные фигурки доказывают наличие в Боспорском государстве особого синкретического культа Митры-Аттиса. Этот религиозный кульп проник на территорию Северного Причерноморья в период завоеваний Митридата VI Евпатора, царя Понтийского царства. Блаватский и Кошеленко также выдвигали предположения что это совпадает с появлением в период эллинизма на Востоке иранского бога Митры и распространения его культа. Также ими было подчеркнуты характерные одинаковые черты боспорского синкретического культа с римским вариантом митраизма [22]. Зарубежные историки, в частности, Эд. Вилль [23] резко раскритиковали данную точку зрения., утверждая, что это фигурки Эрота в специфической азиатской одежде. Но шведский ученый Петр Бесков увидел феномен боспорского варианта распространения митраизма [24, р.15]. Спустя несколько десятилетий Г. А. Кошеленко и А. А. Масленников [25] написали статью с учетом новых археологических данных и оспаривают мнение Эд. Вилля доказывая верность выводов относительно боспорского варианта синкретического культа бога Митры на Боспоре [25, с. 185]. Историки, определяя, что статуэтки в Мирмекии и в поселении «Полянка» были созданы намного приблизительно лет на сто раньше, чем доказательства проникновения культа бога Митры в Риме. Ученые считают, что проникновение синкретического культа Митры-Аттиса относятся ко II-I вв до н.э. На основании современных нарративных и археологических данных автор предполагает, что распространение боспорского варианта митраизма по всей видимости возникло среди ираноязычных варваров, проживавших на Боспоре [26, 24, 9] и от них мог проникнуть в армию римского гарнизона, так в основном она состояла из фракийцев. [27, с.174] Бог Митра как солнечный бог и покровитель воинов был близок им. [27, с. 357] Учитывая, что Митра покровитель царей, то его кульп проникает на Боспор и в связи завоеваниями

Митридата VI Евпатора. По нашему мнению, это связано с изначальным родством с древними иранцами. А также связывает династию с Ахеменидами [\[27, с. 356\]](#)

Таким образом мы делаем вывод что один из возможных этапов развития культа бога Митры и его дальнейшее проникновение в Рим - это синкретический культ Боспорского царства на рубеже II-I вв. до н.э. Необходимо упомянуть о существовании синдских фиасов на Боспоре и по мнению шведского историка Петра Бескова митраизм среди членов этих объединений был достаточно распространен. Фиасы это религиозные союзы в боспорском государстве куда входила местная знать также они выполняли функции местного управления. И Блаватский, и Кошеленко еще ранее Бескова в своей статье говорили о поклонении культу Бога Высочайшего в боспорских фиасах. А это и есть синкретический культ, включающий в себя и культ бога Митры. М.И. Ростовцев самым первым обратил внимание на фиасы Боспорского царства и увидел в них особую важность во всех сферах жизни того времени и уточнив их состав: это были купцы и воины [\[28, с. 128\]](#). В дальнейшем в римском варианте митраизма мы будем наблюдать похожие митристские общинны. Современные археологические находки подтверждают эту гипотезу, так 2015 году в Ростовской области найден фрагмент терракотовой статуэтки, относящийся к боспорскому синкретическому богу, Митра [\[29\]](#).

В заключении статьи мы делаем следующие выводы культа Митры зарождается в эпоху индоевропейской общности, это один из самых древнейших религиозных культов который переживая наслаждения последующих эпох длительное время сохранял большую популярность и сыграл немаловажную роль в истории. Впоследствии Митра становится богом справедливости и закона, богом, который сохраняет определенный порядок, доставшийся от предков, а жрецы и воины следят за соблюдением данного порядка. В то время он вместе с Индрой, они составляют божественную пару. В процессе эволюции индоарийских племен, когда они разделяются на две ветви, индоарийскую и иранскую это парное единство уходит. В индийском пантеоне Митра становится самостоятельным божеством, принадлежащего к среднему уровню богов. Индра же представитель рода дэвов в забвении остаются в Персии. После создания у древних персов государства, Митра получил также получил функции как бог царей, в добавок к уже появившимся у него «дополнительным» функциям бога воинов (активно защищавших закон) и бога солнца. В Древнеиранском обществе он имел очень большое значение, что нашло отражение в его половинчатом положении в новой религии персов – зороастризме. Там он не был включен в число Амеша-Спентов (вечных святых), видимо из-за боязни политеизма, но был «назначен» главой всех младших божеств язатов. Отвечая на один из дискуссионных вопросов каким образом культа бога Митры проник в Римскую империю и стал там одним из важнейших культов, мы делаем вывод, что один из возможных этапов развития культа бога Митры и его дальнейшее проникновение в Рим может быть синкретический культ бога Митры в Боспорском царстве возникший на рубеже II-I вв. до н.э.

Библиография

1. Древний Восток и античный мир. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972.
2. Чередниченко А. Г., Шенцов М. Е. Проблема генезиса "иранского митраизма". // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Вып. 12. История. Политология. Экономика. Информатика. 2009. № 15 (70). С. 11-15.
3. Мюллер М. Сравнительная мифология. М.: Тип. Грачева и К., 1863.
4. Dumézil G. *Mitra-Varuna*. Р.: Zone Books, 1988.
5. Dumézil G. *Les dieux des indo-européens*. Р.: Presses universitaires de France, 1993.

6. Oldenberg H. *La religion du Veda*. P.: Motilal Banarsiadas Publ., 1988.
7. Meillet A. *Linguistique historique et linguistique générale*. P.: É. Champion, 1951.
8. Чередниченко А. Г., Шенцов М. Е. К вопросу о причинах нравственного прогресса в идеологии римского митраизма в IV-V вв. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. № 2 (28). С. 11-22. EDN: OJUEJX
9. Францов Ю. П. У истоков религии и свободомыслия. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
10. Ригведа. В 3 тт. / пер. Т. Я. Елизаренковой. – М.: Наука, 1989–1999.
11. Авеста / Михр-Яшт (Яшт X) / Пер. И.М. Стеблин-Каменского // Авеста в русских переводах (1861–1996); под ред. И.В. Рака. – СПб.: РХГИ, 1997. – 473 с.
12. Benveniste E. *Textes sogdiens*. P.: P. Geuthner, 1940.
13. Дьяконов И. М. История Мидии. Изд-во АН СССР. М.-Л., 1956.
14. Кошеленко Г. А. Ранние этапы развития культа Мифры. // Древний Восток и античный мир. М.: МГУ, 1972. С. 75-84.
15. Вильхельм Г. Древний народ хурриты: очерки истории и культуры. М.: Наука, 1992.
16. Moulton J. H. *Early Zoroastrianism*. L. Y.: Constable, 1913.
17. Кюмон Ф. Мистерии Митры. СПб.: Евразия, 2018.
18. Чистяков Н. В. Интерпретации сцены тавроктонии в мистериях Митры / Н. В. Чистяков // *Homo Loquens: язык и культура: Сборник научных статей, докладов и переводов: Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием, Санкт-Петербург, 20-21 апреля 2023 года*. – Санкт-Петербург: Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, 2023. – С. 94-104. – EDN NPREFP
19. Геродот. История. пер. с древнегреч. Г.А. Стратановского. М.: изд. АСТ: ОГИЗ, 2024.
20. Дандамаев М. А. Политическая история Ахеменидской державы. М.: Наука, 1985.
21. Клаусс М. Римский культ Митры: бог и его мистерии. М.: Касталия, 2022. С. 250.
22. Blawatsky V., Kochelenko G. *Culte de Mithra sur la côte septentrionale de la Mer Noire*. Leiden: Brill, 1966. 36 с.
23. Will Ed. *Origine et nature de mithraicisme // Etudes Mithriaques. Actes du 2-e Congres International*. Teheran, 1978.
24. Beskow P. *The Rountes of Early Mithraism // Etudes Mithriaques. Actes du 2-e Congres International*. Teheran, du 1-er au 8 septembre 1975. Leiden; Teheran; Liege, 1978. С. 7-18.
25. Кошеленко Г. А., Масленников А. А. Еще раз о культе Митры-Аттиса на Боспоре. ДБ. 2003. № 6. С. 184-187.
26. Силантьева П. Ф. Терракоты Пантикопея. В: Кобылина М. М. (ред.). Терракотовые статуэтки. Пантикопей. Ч. III. Москва: Наука, 1974. С. 5-37 (САИ Г1 11).
27. Пругло В. И. Терракотовые статуэтки всадников на Боспоре. В: Кобылина М. М. (ред.). История и культура античного мира. Москва: Наука, 1977. С. 177-183.
28. Ростовцев М. И. Государство и культура Боспорского царства: гл. VI, с. 124-133. // Вестник древней истории. 1989. № 4 (191).
29. Суворова Н. И. К вопросу о распространении Понтийского синкретического культа Мена – Митры – Аттиса на Боспоре // МАИАСП. 2021. № 13. С. 715-729. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.13.42.022 EDN: IDKZPQ

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст «Исторические условия формирования и происхождения римского культа бога Митра» представляет собой исследование историко-религиозной тематики, цель которого автор определяет как «проанализировать основные теории происхождения культа бога Митры и после скрупулёзного изучения всех обстоятельств реконструировать по возможности происхождение культа и пути его проникновения в римскую империю». Работа таким образом заявлена с одной стороны как полноценный историографический обзор, с другой стороны как самостоятельное исследование по той же проблематике (Исторические условия формирования и происхождения...), причем автор не поясняет, каким образом он намеревается провести «скрупулёзное изучение всех обстоятельств реконструировать по возможности происхождение культа и пути его проникновения в римскую империю» т.е. круг источников именно авторского исследования не заявлен в начальной части текста и не отражен в библиографическом списке. Сноски на тексты типа «Ригведа» или «Авеста» помещены внутри текста т.е. оформлены с нарушениями стандартов оформления научных текстов, прочие сноски также оформлены не без нарушений: к примеру «Отечественные историки, например И.М. Дьяконов [15, р. 196-203] указывая земледельческие оазисы Юга Средней отмечают...», под номером 15 в списке стоит работа *Benveniste E. Textes sogdiens. P.: P. Geuthner, 1940*. Важное в контексте работы утверждение «М.И. Ростовцев, наверное, практически самым первым обратил внимание на фиасы Боспорского царства...» не сопровождается никакими сносками вообще, в библиографическом списке Ростовцев отсутствует. В самом библиографическом списке доминируют работы XIX-XX вв., весь XXI век представлен двумя статьями 2009-2010 гг., таким образом научно-методический контекст работы не актуализирован, методология исследования не заявлена. Стилистика текста и его правописание местами не соответствует научному характеру статьи: «Выходит иранский царь действовал, как и должно было фараону Египта и поэтому активно участвовал в религиозной жизни» или «Отсюда мы делаем вывод популярность среди воинского сословия личности царя Камбиса III в персидском обществе способствует проникновению культа бога Митры в среду милитаристских эллинистических царей, например Митридат Евпатор VI, солдат римской армии во II в до н. э.- IV в н.э.(?)». Содержательно работа сводится к ограниченному историографическому обзору и авторской оценке существующих теорий: «На основании нарративных и археологических данных автор предполагает, что распространение боспорского варианта митраизма по всей видимости возникло среди ираноязычных варваров, проживавших на Боспоре», под археологическими данными здесь подразумеваются публикации 1970-ых гг. Таким образом, научная ценность данного текста представляется ограниченной, по сути это авторский оценочный комментарий к корпусу публикаций XIX- середины XX века, в то время как необходимость исправления недочетов в стилистике работы, правописании, оформлении и т.д. не подлежит сомнению.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования является процесс генезиса и эволюции культа бога Митры,

начиная с представлений периода индоевропейской общности вплоть до его оформления в римский митраизм. Автор акцентирует внимание на наименее изученных ранних этапах, что задает верный фокус для раскрытия темы.

Автор заявляет адекватный теме методологический аппарат, включающий сравнительно-исторический, историко-генетический, типологический методы, а также методы терминологического и лексического анализа. На практике в статье прослеживается применение сравнительного анализа и историко-генетический подход. Лингвистический анализ является одной из сильных сторон работы. Однако заявленные междисциплинарный и проблемно-хронологический методы раскрыты в меньшей степени. Структура статьи, скорее, следует классическому хронологическому принципу, нежели проблемному.

Актуальность темы убедительно обоснована автором. Изучение митраизма остается одним из ключевых направлений в исследованиях религий античности в силу его масштабного распространения, синкретического характера и конкуренции с ранним христианством. Подчеркивание недостаточной изученности ранних этапов и путей проникновения культа в Римскую империю указывает на существующую научную лакуну. Научная новизна статьи заключается в комплексном подходе к рассмотрению культа Митры на протяженном историческом отрезке и в масштабном пространстве. Новизна проявляется в аргументированной поддержке и развитии гипотезы о боспорском пути проникновения митраизма в Римскую империю через синкретический культа Митры-Аттиса. Апелляция к новым археологическим находкам и полемика с зарубежными исследователями укрепляет эту позицию.

Структура статьи в целом логична и соответствует хронологическому развитию культа. Во введении автор четко ставит цели и задачи. Однако в основной части присутствуют некоторые недостатки. Стиль изложения неровен. Встречаются как научно выверенные пассажи, так и излишне упрощенные или описательные формулировки. Композиция нарушена длинным избыточным экскурсом в теорию «маны» и анимизма. Содержание демонстрирует хорошую осведомленность автора об историографии вопроса, но анализ некоторых источников («Ригведа» и «Авеста») мог бы быть более глубоким и конкретным.

Список литературы соответствует теме. Присутствуют ссылки на источники. Однако оформление библиографии не соответствует общепринятым стандартам, требуется унификация по ГОСТу.

Автор успешно встраивается в научную дискуссию, что проявляется в критическом отношении к категоричным утверждениям Э. Ренана; сравнительном анализе теорий М. Мюллера, Дж. Дюмезиля и А. Мейе; активной полемике с Эд. Виллем и поддержке точки зрения В. Д. Блаватского, Г. А. Кошеленко и П. Бескова. Эта полемичность является достоинством работы.

Выводы статьи обширны и в целом подводят итог проведенному исследованию. Они отражают эволюцию культа от индоевропейской «одухотворенной общности» до богачаря, воина и защитника справедливости в Римской империи, а также подчеркивают боспорскую гипотезу как ключевой путь проникновения. Статья будет полезна не только специалистам по античным религиям, но и более широкому кругу историков, занимающихся проблемами культурных трансферов, религиозного синкретизма и взаимодействия цивилизаций в древности.

Статья представляет собой в целом завершенное исследование, предлагает аргументированные решения дискуссионных вопросов и вносит вклад в изучение митраизма. При условии устранения вышеназванных недостатков статья может быть рекомендована к публикации.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Горбань В.С., Груздев Г.В., Груздев Л.В. Междисциплинарность в современных исследованиях политики-правовых феноменов и доктрин // Genesis: исторические исследования. 2025. № 10. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.10.76343 EDN: NJRCYA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76343

Междисциплинарность в современных исследованиях политики-правовых феноменов и доктрин

Горбань Владимир Сергеевич

ORCID: 0000-0002-8054-2605

доктор юридических наук

заведующий сектором философии права, истории и теории государства и права, руководитель Центра философско-правовых исследований; Институт государства и права РАН

119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10

✉ gorbanv@gmail.com

Груздев Григорий Владимирович

ORCID: 0009-0009-8342-7790

аспирант; Сектор философии права, истории и теории государства и права; Институт государства и права РАН

119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

✉ grgrishaigp@yandex.ru

Груздев Леонид Владимирович

ORCID: 0009-0000-4378-5053

аспирант; Сектор философии права, истории и теории государства и права; Институт государства и права РАН

119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

✉ gruleon@yandex.ru

[Статья из рубрики "История политических и правовых учений"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.10.76343

EDN:

NJRCYA

Дата направления статьи в редакцию:

15-10-2025

Дата публикации:

22-10-2025

Аннотация: Предметом исследования выступает методологический потенциал междисциплинарных подходов в современной истории политических и правовых учений. Анализируется познавательная ценность интеграции историко-правовой науки с концепциями и методами из смежных областей: философии науки (В.И. Вернадский, В.С. Степин), глобальной историографии (Г. Иггерс), критической философии истории (К. Поппер), а также подходов в рамках самой юридической науки (В.Г. Графский, В.С. Нерсесянц, Л.С. Мамут, С.В. Кодан, Е.А. Фролова и др.). Центральным является вопрос о том, как заимствование теоретических конструктов и методологических принципов из других дисциплин позволяет преодолеть узкий отраслевой провинциализм, расширить предметное поле и сформулировать новые исследовательские вопросы в изучении эволюции политico-правовых идей и институтов. Ведущую роль играет сравнительно-исторический метод, применяемый для сопоставления различных методологических программ и выявления в них общих междисциплинарных тенденций. Историко-биографический метод используется для реконструкции взглядов отдельных ученых в контексте развития их научных подходов. Применяются методы теоретического моделирования и концептуального анализа, направленные на выявление базовых оппозиций в правопонимании. Научная новизна исследования заключается в системном синтезе и компаративном анализе разрозненных методологических предложений по обновлению истории политических и правовых учений. Впервые в рамках единого исследования осуществляется комплексное осмысление междисциплинарного потенциала ключевых методологических подходов. Концепция ноосферы В.И. Вернадского рассматривается как основа для осмысления истории права как значимого элемента истории научного знания, а методология В.С. Степина применяется для анализа правовых феноменов в качестве теоретических схем. Система принципов В.Г. Графского, основанная на историзме и сравнительном анализе, противопоставляется как монометодологизму, так и западному правовому универсализму. Особую значимость приобретает применение типологии правопонимания В.С. Нерсесянца в качестве аналитического инструмента для выявления глубинных оснований различных правовых традиций, а методологическое предостережение Л.С. Мамута против "модерноцентризма" становится основой для адекватного анализа учений прошлого в их собственной органичности. Доказывается, что именно междисциплинарность открывает возможность для построения целостной, истории права, учитывающей вариативность правовой рациональности и культурное многообразие мира.

Ключевые слова:

история правовых учений, методология права, юридическая историография, правопонимание, теоретическое знание, всеобщая история права, историзм в праве, критика историизма, методологический плюрализм, логика смыслополагания

В современной юридической науке остро ощущается необходимость преодоления методологического кризиса через осмысление и внедрение междисциплинарных подходов. Традиционные методы исследования, зачастую ограниченные узкоотраслевыми рамками и описательностью, оказываются недостаточными для анализа

сложной, объективно меняющейся правовой реальности. Выход из этого кризиса лежит на пути интеграции историко-правовой науки с достижениями других областей знания — от философии науки и социологии до филологии и когнитивных исследований. Анализируя наследие отечественных и зарубежных ученых, можно утверждать, что именно междисциплинарность выступает не просто вспомогательным инструментом, а системообразующим фактором, способным кардинально обновить предметный профиль, проблематику и методологический аппарат юридической историографии, превратив ее в актуальную дисциплину, отвечающую на вызовы XXI века.

В.И. Вернадский писал: «Научная мысль как проявление живого вещества по существу не может быть обратимым явлением — она может останавливаться в своем движении, но, раз создавшись и проявившись в эволюции биосфера, она несет в себе возможность неограниченного развития в ходе времени» [\[1, с. 25\]](#).

«История научной мысли, научного знания, его исторического хода проявляется с новой стороны, которая до сих пор не была достаточно осознана. ... Мы только с большими пробелами начинаем выявлять по культурным остаткам, устанавливать неожиданные для нас, прочно забытые научные факты, человечеством пережитые, пытаться охватить их новыми эмпирическими обобщениями» [\[1, с. 26\]](#).

Видение В.И. Вернадским научной мысли как планетного явления кардинально меняет наши представления о знании. Он утверждает, что научная мысль, будучи проявлением живого вещества, по своей сути необратима и, раз возникнув в эволюции биосфера, несет в себе заряд бесконечного развития. Этот процесс является не случайным, а глубоко закономерным природным явлением, новой геологической силой, созревшей в недрах биосфера. Именно этот масштабный взгляд закладывает принципиально новую основу также для разработки предметного профиля, проблематики и методологии в современной юридической историографии, придавая ей уникальный междисциплинарный импульс.

С этой позиции история права и государства перестает быть лишь историей институтов и норм. Она предстает как часть грандиозной истории становления в биосфере сознательно направляемой силы, служащей в итоге созданию равных и справедливых условий взаимоотношений людей и их коллективов. В.И. Вернадский настаивал, что такой подход еще не осознан в полной мере, и призывает выйти за узкие хронологические рамки, погружаясь в глубины десятков тысяч лет, к истокам зарождения организованных социальных систем. Этот призыв напрямую обращен и к юристам-историкам: изучать правовые феномены не изолированно, а как процессы, тесно связанные с комплексом жизненных факторов и условий, обеспечивающих устойчивое развитие человечества.

Такой синтез позволяет по-новому изучать отдельные политические и правовые феномены — будь то суверенитет, справедливость, собственность или международные договоры — видя в них закономерные элементы единого процесса развития права, проявляющегося в мировой истории и разнообразии традиций смыслополагания. Когда право понимается как проявление организованности биосфера, его история предстает как мегаисторический тренд, требующий диалога с науками о Земле и жизни. Таким образом, наследие В.И. Вернадского дает современной юридической историографии мощный инструмент для преодоления узкой специализации, открывая путь к целостному осмыслинию того, как правовая материя сознательно направляет развитие человечества в ноосфере по пути преодоления произвола к утверждению равенства, свободы и справедливости.

Если В.И. Вернадский задает масштаб и онтологический статус научной мысли как природной силы, то В.С. Степин предлагает инструмент для анализа ее внутренней структуры и культурно-исторической динамики. Его концепция теоретических схем позволяет операционализировать идею В.И. Вернадского о «неограниченном развитии» научной мысли.

Академик В.С. Степин рассматривает современное научное знание как сложный, исторически сложившийся организм, неотделимый от культуры и цивилизации [\[15\]](#). Его подход, раскрывающий науку как динамичную систему, способную опережать практику, открывает плодотворные пути для глубокого обновления предметного профиля, проблематики и методологии современной юридической историографии. Рассматривая право и политику не как набор статичных доктрин, а как сложные, исторически развивающиеся системы, мы можем выстроить на основе идей В.С. Степина новый междисциплинарный каркас для их изучения.

Историографический анализ В.С. Степина, показывающий поэтапное становление научного знания от «преднауки» к дисциплинарной организации, позволяет иначе взглянуть на эволюцию правовой мысли. Этот ракурс задает новое направление для разработки предметного профиля юридической историографии, смещаая фокус с анализа лишь текстов законов на изучение правовых систем как продукта и рефлексии конкретной исторической эпохи. Становление юридической науки как самостоятельной дисциплины предстает в этом свете не как случайный процесс, а как следствие глубоких культурных сдвигов — секуляризации сознания, формирования идеалов рациональности и потребности в рациональной регуляции социальных отношений в определенную эпоху.

Ключевое значение здесь приобретает степинская концепция междисциплинарности как системообразующего фактора. Правовые и политические феномены по своей природе комплексны, и их адекватное изучение требует синтеза. Междисциплинарная компонента оснований науки, о которой говорит В.С. Степин, — общенаучная картина мира и инвариантные идеалы научности, — может служить моделью для интеграции в юридическую историографию методов и понятийного аппарата из социологии, экономики, антропологии, филологии, истории литературы и когнитивных наук. Именно такие «парадигмальные прививки», которые В.С. Степин выделяет в отдельный тип научных революций, позволяют по-новому сформулировать проблематику исследования. Задействование, например, концептов из теории сложных систем или сетевого анализа позволяет перейти от простого описания институтов к анализу нелинейной динамики политico-правовых процессов, механизмов их самоорганизации и точек бифуркации.

Более того, методологический инструментарий В.С. Степина, в частности, идея «теоретических схем» и их «конструктивного обоснования», предоставляет мощный аппарат для работы с конкретными политico-правовыми феноменами. Правовая доктрина, юридическая конструкция или политическая идеология могут быть проанализированы как теоретическая схема — система взаимосвязанных идеализированных объектов (таких как «общественный договор», «суверенитет», «правовая норма»). Историк права может проследить, как такие схемы конструируются, переносятся из других областей знания — например, из теологии или механики — и как они проходят процедуру конструктивного обоснования, соотносясь с социальной практикой и тем самым обретая новое содержание. Этот метод позволяет вскрыть скрытые парадоксы и внутреннюю логику развития правовых концепций.

Наконец, переход к постнеклассическому типу рациональности, который эксплицитно

учитывает ценностно-целевые структуры, напрямую сближает методологию историко-правовых и социально-гуманитарных исследований. Изучение любого правового феномена сегодня невозможно без рефлексии над его ценностными основаниями и социальными последствиями. Это делает необходимым проведение своего рода «социальной экспертизы» для историко-правовых исследовательских программ, выявляя, как ценностные ориентации эпохи влияли на формирование правовых институтов и как эти институты, в свою очередь, формировали социальные отношения. Таким образом, подход В.С. Степина не только обеспечивает юридическую историографию современной методологией, но и встраивает ее в широкий контекст междисциплинарного диалога. В конечном счете это позволяет юридической науке активно участвовать в поиске ответов на вызовы современной сложной, саморазвивающейся социальной реальности, становясь полноправным участником формирования новых мировоззренческих ориентиров.

В.С. Степин показывает, как наука развивается через смену парадигм и междисциплинарные «прививки». Г. Иggerса, Э. Ван и С. Мукерджи применяют аналогичный компаративный подход к самой историографии, демонстрируя, что доминирующая (западная) парадигма — не единственно возможная, и призывая к диалогу различных историко-культурных традиций.

В исследовании Г. Иggerса, Э. Ван и С. Мукерджи центральным является понимание современной историографии как глобального феномена, сформировавшегося в процессе сложного диалога и столкновения западных и незападных традиций [9]. Авторы подчеркивают, что ключевой особенностью развития исторического знания в XIX-XX веках стало доминирующее влияние западного стиля исторического мышления, которое большинство незападных историографов, часто имплицитно, признают в качестве ведущего. Именно этот компаративный анализ, выявляющий специфику национальных историографий через призму глобального влияния, закладывает методологическую основу для переосмыслиния предметного профиля и проблематики современной юридической историографии.

Специфика их методологии, заключающаяся в отказе от изолированного рассмотрения профессиональной науки в пользу изучения историописания в контексте широкой исторической культуры, имеет прямое применение к праву. На этой основе может развиваться междисциплинарность в современной юридической историографии, для которой изучение отдельных политических и правовых феноменов — будь то концепция суверенитета или эволюция правовых кодексов — уже не может ограничиваться лишь текстами законов. Такой подход требует рассматривать право как элемент коллективной памяти, укорененный в художественной литературе, памятниках, ритуалах и иных формах культурного выражения, что расширяет саму методологию историко-правовых исследований.

На этой основе авторы, привлекая мнения и позиции историков из разных регионов, выстраивают карту ключевых различий, идентифицируя устойчивый комплекс черт, характерных для многих незападных традиций: нормативность, преобладание исторических биографий, династийная матрица, циклическое или регрессивное восприятие времени. Этот компаративный инструментарий позволяет и историку права проводить более тонкий анализ. Например, изучая правовые системы Востока, можно выявить, как отсутствиеteleologizma и веры в линейный прогресс, отмеченное Г. Иggerсом и его соавторами на примере китайской историографии Т. Ли, формировало особые, не похожие на западные, модели легитимации власти и интерпретации права,

где право понималось не как путь к финальной цели, а как механизм поддержания сложного социального равновесия.

Таким образом, подход, предложенный Г. Иггерсом, Э. Ван и С. Мукерджи, дает современной юридической историографии мощный ориентир для глобального и междисциплинарного обновления. Он позволяет перейти от простого сравнения правовых норм к глубокому изучению правовых культур в их целостности, рассматривая историю права как неотъемлемую часть истории ментальностей и культурных практик, что открывает новые перспективы для понимания политических и правовых феноменов в их подлинном, глобальном масштабе.

«Основной недостаток существующих историй историографии состоит в том, что они воспринимали историческую науку слишком серьезно, в большей или меньшей степени принимая ее внешние формы за чистую монету и не осознавая полностью степень укорененности западной и не западной науки в более широкой по своему характеру исторической культуре» [\[9, с. 24\]](#).

«С одной стороны, мы осознаем, - пишут Г. Иггерса, Э. Ван и С. Мукерджи, - пределы не только исторической науки, но - более широко - историописания как основы для создания компаративной, межкультурной истории исторической мысли. С другой стороны, мы будем опираться в первую очередь на исторические тексты. И этому есть практическое объяснение. Историческое сознание выражает себя во множестве форм не только в науке, но и в художественной литературе, скульптуре, памятниках и архитектуре, в праздниках, песнях, в различных нематериальных и невербальных способах выражения коллективной памяти... <...> Признание взаимосвязи историописания с другими аспектами жизни общества является ее неотъемлемой частью» [\[9, с. 25\]](#).

Идея о плюрализме историографических традиций находит методологическое подкрепление и предостережение в критике К. Поппера. Он предупреждает об опасности «историцизма» — абсолютизации любой одной схемы исторического развития, что напрямую связано с критикой западного историографического универсализма.

Проблема освоения междисциплинарных подходов в исследовании политico-правовых явлений и учений должна учитывать не только позитивные методологические программы, но и фундаментальную критику, подобную той, что была высказана К. Поппером в его работе «Нищета историцизма». Ученый писал: «...историцизм видит главную задачу социальных наук в историческом предсказании. Задача эта решается, когда в основе исторической эволюции усматривают «ритмы», «схемы», «законы» или «тенденции». Убежден, что именно историцистские концепции ответственны за неудовлетворительное состояние теоретических социальных наук (кроме экономической теории)» [\[14, с. 10\]](#).

Осмысление К. Поппером опасностей, связанных с подменой проверяемых научных теорий неопровергимыми «историческими истолкованиями», имеет непосредственное значение для юридической историографии. Его мысль о том, что историцизм ошибочно принимает за теорию то, что является лишь избирательным углом зрения — будь то классовая борьба, расовое господство или столкновение типов обществ — служит серьезным предостережением и для правоведов, склонных возводить в абсолют какую-либо одну схему историко-правового процесса [\[14, с. 173-174\]](#).

На этой критической основе может выстраиваться более осмысленная проработка предметного поля и круга вопросов современной юридической историографии.

Методологическое требование К. Поппера — сознательно выбирать угол зрения, чётко его формулировать и при этом помнить о его ограниченности и сосуществовании с другими истолкованиями — даёт мощное средство для обоснования междисциплинарности. Вместо поиска единого «закона» развития права этот подход позволяет открыто и планомерно применять к изучению отдельных политических и правовых явлений — будь то понятие права, справедливости, равенства или формы правления — различные ракурсы, не выдавая ни один из них за окончательную истину.

Таким образом, критика историцизма К. Поппером задаёт для современной юридической историографии строгие пределы познания. Она помогает перейти от безоговорочного следования одному-единственному методу к многообразной и самокритичной исследовательской работе. Понимание того, что любая теория права или государства является не непрекаемым положением, а проверяемым предположением или, в случае крупных построений, — сознательно избранным и ограниченным истолкованием, открывает новые пути для взаимодействия с другими общественными науками. Это позволяет изучать историю права не как последовательное раскрытие некоего начала, а как сложную область переплетения множества сил, требующую взаимодополняющих, а не противоречивых способов изучения [\[14, с. 173-174\]](#).

Критика К. Поппером догматизма и призыв к осознанному выбору и ограниченности любой исследовательской позиции перекликается с программой В.Г. Графского, который конкретизирует такого рода призыв, предлагая конкретные методы (сравнительно-исторический, ретроспективный) для преодоления упрощенчества и этноцентризма в истории идей.

Согласно взглядам профессора В.Г. Графского, изучение истории политических и правовых учений опирается на целый комплекс взаимосвязанных методов и подходов [\[4, 5, 6\]](#). Наиболее общими и употребительными из них являются историко-биографический, или «портретный» метод, который позволяет рассмотреть мыслителя в развитии его взглядов, а также предметный подход, изучающий учение как целостную систему или же её отдельные части.

При этом В.Г. Графский предостерегает от широко распространенного непродуктивного упрощенчества, суть которого — в стремлении свести всё богатство мировой мысли к одной-единственной, считающейся универсальной, схеме. Ярким, но далеко не единственным примером такого подхода был советский монометодологизм, сводивший всё многообразие политических и правовых идей к догматическим схемам диалектического материализма и узкому классовому подходу, что обедняло и искажало реальную картину историко-правового процесса.

Однако эта методологическая однобокость не ограничивается одним лишь советским опытом. Подобная ограниченность проявляется и в разнообразных направлениях западной юридической литературы, где господствует уверенность, что путь развития права, пройденный Западной Европой, является единствено верным и универсальным образцом. Такой взгляд, по сути, отрицает самостоятельную ценность и внутреннюю логику других мощных правовых традиций — китайской, индийской, исламской, африканской, русской — и закрывает глаза на необходимость расширения горизонта понимания правового разнообразия мира.

В противовес всем этим формам упрощенчества, подлинное понимание, по В.Г. Графскому, призваны дать методы, учитывающие сложность и динамику идей. К ним относится сравнительно-исторический метод, выявляющий сходства и различия

концепций в разные эпохи и в различных культурных пространствах. Если сведения отрывочны, на помощь приходит метод реконструкции, восстанавливающий недостающие элементы учения. Важную роль играет и ретроспективный взгляд, прослеживающий всю судьбу идеи — от её зарождения через череду последующих толкований вплоть до современного осмысления. Особое внимание уделяется так называемым сквозным темам, вечным проблемам, таким как соотношение закона и справедливости, сущность государства и права, которые проходят красной нитью через всю историю мысли.

Специфика этой области знания напрямую связана с её глубокой междисциплинарностью. Для всестороннего анализа она органично сочетает в себе приёмы философского, социологического и политологического анализа, что позволяет изучать идеи и как логические конструкции, и как отражение определённых общественных структур и властных отношений. Историко-теоретический подход помогает увязать учения с конкретной эпохой их возникновения, а юридико-теоретический — вычленить их концептуальное ядро.

С историографической точки зрения, В.Г. Графский настаивает на универсальном, или всеобщем, характере дисциплины. Это означает отказ от любой формы концептуального этноцентризма и включение в поле изучения политico-правовой мысли всех крупных цивилизаций, включая уже исчезнувшие. Такой подход позволяет обнаруживать как общие параллели в развитии идей в разных концах света, так и их уникальные истоки, рисуя подлинно всеобщую картину истории права и государства.

Таким образом, методология, предлагаемая В.Г. Графским, представляет собой целостную систему, основанную на принципах историзма, сравнительного анализа и критического осмысления широкого спектра источников. Она выступает против любых догм — как советского классового подхода, так и западного правового универсализма, — отстаивая идею многообразия и равноправного диалога правовых культур в контексте всемирной истории идей.

В.Г. Графский рассматривает историю политических учений как мощный инструмент идейно-теоретической подготовки научной и учащейся молодежи. Он видит в этой дисциплине не просто академический предмет, а важнейшую форму «культурной памяти», хранимой и передаваемой исследователями. Эта память охватывает политические идеи и теории прошлого в их развитии и связи с современностью, что позволяет сформировать навыки самостоятельного мышления о праве и политике, умение ориентироваться в бурном потоке информации и способствует воспитанию идейной убежденности [\[6, с. 62\]](#).

С точки зрения В.Г. Графского, преподаватель-историк выступает в современном интеллектуальном общении и идейной борьбе как наследник и пропагандист гуманистических и демократических традиций. При этом он должен четко осознавать, что классическое наследие всегда было ареной острых столкновений, и с каждым крупным сдвигом в обществе ключевые идеи прошлого подвергаются новым, подчас тенденциозным толкованиям. Чтобы избежать крайностей схематизма или эклектики, историк обязан понимать диалектическую связь между подлинным вкладом мыслителя и его последующими интерпретациями, которые могут быть как глубокими, так и политически пристрастными.

Особую критику В.Г. Графского вызывают позитивистские и технократические подходы в науке, которые, фетишизируя технический прогресс, дают искаженную, механистическую трактовку исторической эволюции и борьбе идей и пренебрегают человеческой

личностью. Противопоставляя этому, он видит в истории учений не только школу теоретического мышления, но и собрание примеров гражданской доблести и борьбы за идеалы гуманизма, что делает её важным каналом приобщения к культурному наследию человечества.

В.Г. Графский настаивает на преодолении «узкодисциплинарного провинциализма», в котором пребывала эта наука. Он призывает к усилению междисциплинарных связей, особенно между историей идей и историей учреждений, а также к большей координации между юристами разных специальностей. В современных условиях, включая растущий культурный обмен в условиях формирующегося многополярного мира, такой синтез становится особенно актуальным.

Отдельное внимание учёный уделяет использованию художественной литературы. Он считает, что художественный образ часто восполняет пробелы в политических знаниях и даёт яркое, образное объяснение тем же вопросам, что и научная дисциплина. В.Г. Графский напоминает, что сами классики политической мысли были мастерами образного мышления, а сатирические образы, подобные щедринским, становились мощным оружием в политической полемике. Таким образом, гармоничное сочетание научного познания с художественно-образным представляется ему могущественным средством идейного воспитания и убеждения.

Если В.Г. Графский делает акцент на методологическом плюрализме и междисциплинарности для построения целостной картины, то В.Е. Гулиев настаивает на необходимости единого теоретико-идеологического стержня, связывающего историю учений с идеологическим содержанием.

Анализируя состояние науки истории политической и правовой мысли своего времени, профессор В.Е. Гулиев формулирует целостный подход к ее изучению. Он исходит из критической оценки существующего положения дел, отмечая, что исследования в этой области носят зачастую разрозненный и описательный характер, оторваны от потребностей идеологической борьбы и не связаны прочным теоретическим ядром. Преодоление этих недостатков видится ему в создании целостной науки, объединяющей три неразрывных компонента: историю учений, анализ современных теорий и общую методологическую основу [\[8, с. 3\]](#).

Специфика предмета этой науки, по В.Е. Гулиеву, заключается в изучении политических и правовых учений в их динамике — возникновении, взаимодействии, развитии и практическом влиянии на жизнь общества. Такой подход придает дисциплине двойной характер: она является одновременно и общетеоретической, и конкретно-исторической, что требует применения как логико-теоретических, так и историко-описательных методов. Центральными проблемами, требующими осмыслиения, становятся взаимосвязь истории и современности, взаимодействие теории и практики, а также диалектика преемственности и резких поворотов в развитии мысли.

С историографической точки зрения В.Е. Гулиев констатирует, что история учений пребывает в состоянии кризиса, будучи сведенной преимущественно к учебной дисциплине и лишенной глубинного теоретического фундамента. Междисциплинарность же его подхода проявляется в четком определении места науки об учениях среди других областей знания. От философии и социологии её отличает взгляд на политическую мысль как на самостоятельное, специфическое явление, а не просто частный элемент общего анализа. От общей истории и истории государства и права — специализированный характер познания и принципиальная нацеленность на соединение

исторического знания с анализом идеологической борьбы.

В основе предлагаемой методологии лежит материалистическое понимание, выраженное в ключевой идее В.Е. Гулиева: политico-правовые учения являются формами сознания, порожденными социальными отношениями своей эпохи и выражающими интересы определенных классов и социальных групп. Этот взгляд предполагает последовательное проведение принципов историзма, требующего изучения любой теории в контексте конкретных условий её появления, и партийности, подразумевающего анализ учений через призму той социальной борьбы, которую они отражают и в которой участвуют.

Стремление к системности и поиску фундаментальных оснований у В.Е. Гулиева находит свое крайнее выражение в строгой дихотомической типологии В.С. Нерсесянца. Если В.Е. Гулиев видит основу в социально-идеологическом анализе, то В.С. Нерсесянц — в типе правопонимания (различие или отождествление права и закона).

В.С. Нерсесянц предлагает фундаментальный подход к изучению истории правовой мысли, основанный на типологии правопонимания. Он утверждает, что все многообразие правовых учений, несмотря на внешние различия, в своей основе разделяется на два принципиально различных типа в зависимости от ответа на ключевой вопрос: тождественны ли право и закон или же это различные, хотя и взаимосвязанные, феномены? [\[12, 13\]](#)

Первый тип, который В.С. Нерсесянц предлагает называть «юридическим» (от *jus* — право), характеризуется различием права и закона. В рамках этого подхода право понимается как нечто первичное и независимое от официальных установлений — будь то «естественная справедливость», «разумный закон», «идея свободы» или «природа вещей». Закон же рассматривается как вторичный, искусственный продукт человеческой деятельности, который может либо верно, либо неверно отражать это объективное право. Этот тип правопонимания, к которому В.С. Нерсесянц относит большинство направлений западноевропейской мысли за исключением позитивизма, выполняет две важнейшие функции: оценочную, позволяя судить о законе как о правовом или неправовом (произвольном), и объяснительную, раскрывая объективную природу права и факторы, обуславливающие правовые свойства закона.

Второй тип, обозначаемый как «легистский» (от *lex* — закон) или позитивистский, напротив, отождествляет право с законом, то есть с официально установленными и действующими нормами. С точки зрения В.С. Нерсесянца, этот подход, представленный в трудах Остина, Кельзена и других, является теоретически ущербным. Он сводит правоведение к формально-логическому описанию и комментированию существующих норм, игнорируя их духовную и ценностную основу. Позитивизм, по его мнению, абсолютизирует один аспект права — его официальную принудительность, — но не способен объяснить его генезис, ценность и реальное функционирование в обществе. Он наивно полагает, что, назвав некий официальный акт «позитивным правом», мы тем самым наделяем его подлинной позитивностью, в то время как ее источник лежит в непозитивных, объективных основах.

Таким образом, В.С. Нерсесянц обосновывает, что конструкция различия права и закона является не просто абстрактной схемой, а отражает реальную сложность правовой действительности, в которой «позитивные» моменты (официальное признание) неразрывно связаны с «непозитивными» (объективная обусловленность, идея свободы, ценностное содержание). Именно этот, «юридический» тип правопонимания позволяет выстроить содержательную теорию, способную адекватно объяснить природу, роль и

назначение права в жизни общества, в то время как легистский подход заводит теорию в тупик описательства и формализма.

Жесткая бинарная схема В.С. Нерсесянца получает историческое измерение у Л.С. Мамута, который предостерегает от «модерноцентризма» — соблазна оценивать учения прошлого исключительно через призму современных категорий (как «юридических», так и «легистских»), призывая понимать каждую эпоху в ее собственной логике.

Л.С. Мамут предлагает глубокий анализ взаимосвязи истории и современности в развитии политической мысли. Он начинает с констатации того, что сама эта формула стала общепризнанной, однако зачастую используется поверхностно, без полного раскрытия её богатого методологического содержания [\[11\]](#).

Ключевой характеристикой его подхода является стремление выйти за рамки простого констатирования «сквозных» тем и идей, которые, подобно учению о естественных правах или разделении властей, проходят через всю историю мысли. Л.С. Мамут признаёт, что история политических учений действительно представляет собой непрекращающееся обсуждение фундаментальных проблем, что объясняет наличие повторов, рецепций и внешних аналогий. Однако он считает этот пласт связи истории и современности лишь поверхностным. Гораздо более глубокий уровень составляет анализ генетических зависимостей в развитии знания, то есть того, как «накопленный идейный материал» прошлого служит источником для последующих теоретических построений.

Л.С. Мамут настойчиво предостерегает исследователей от двух методологических опасностей. Первая — это «модерноцентризм», то есть оценка идей прошлого исключительно с точки зрения современных критериев и ценностей. Такой подход, по его мнению, мешает понять подлинное значение, которое эти идеи имели в свою собственную эпоху, и приводит к иллюзии, что мыслители прошлого просто «недоучились» до уровня современности. Вторая опасность — телеологическое понимание истории, представление о том, что развитие мысли фатально предопределено и ведёт к нынешнему её состоянию. Это порождает искушение искать в прошлом лишь «зародыши» и «предвосхищения» современных концепций, что искажает реальную картину интеллектуальной истории.

В противовес этому, учёный предлагает рассматривать каждую эпоху в истории мысли как уникальную и самоценную, обладающую своей собственной логикой, специфической проблематикой и категориальным аппаратом. Задача исследователя — не просто проецировать структуры современной теории государства и права на учения прошлого, а стремиться понять их внутреннее своеобразие и «земные» корни, то есть ту конкретную историческую обстановку и социально-классовые отношения, которые их породили.

Таким образом, плодотворный анализ связи истории и современности, по Л.С. Мамуту, требует диалектического подхода. С одной стороны, необходимо понимать прошлые учения в их собственной органичности и неповторимости. С другой — только с высот современного знания, обладая выработанным им пониманием механизмов эволюции идей, можно полностью раскрыть их содержание и значение. Именно такое двунаправленное движение мысли — от понимания исторического контекста к осмыслинию с позиций современной науки — позволяет избежать как догматического традиционализма, так и плоского «модерноцентризма», и выявить подлинную глубину отношений между историей и современностью в политической мысли.

Л.С. Мамут говорит о важности понимания исторического контекста и внутренней логики учений. С.В. Кодан поднимает эту задачу на метауровень, разрабатывая теорию и

методологию историографии как специальной дисциплины, которая размышляет над самим процессом накопления и развития историко-правового знания.

Исследования профессора С.В. Кодана представляют собой один из наиболее разработанных теоретико-методологических подходов к проблематике историографии в юридических науках. Его концепция формируется через последовательное раскрытие ключевых аспектов, определяющих место и роль историографии в структуре историко-правового знания.

Исходной точкой концепции ученого является констатация того, что историографическая проблематика лишь начинает выделяться в качестве специальной исследовательской проблемы в юридической науке [\[10\]](#). Преодолевая эту методологическую лакуну, С.В. Кодан разрабатывает целостное понимание предмета историографии истории политических и правовых учений как направления, изучающего процессы формирования, развития и состояния научных изысканий в сфере освоения политико-правовой мысли. Особую научную ценность представляет предложенная им пятикомпонентная структура предмета, включающая научеведческую, теоретическую, источниковедческую, методологическую и междисциплинарную составляющие. Такой синтетический подход позволяет преодолеть узкоотраслевую ограниченность и вывести историографию юридической науки на уровень современных социогуманитарных практик.

Важным вкладом ученого становится системное определение целеполагания историографических исследований. Он рассматривает историографию как динамичную систему, где цели задают общую стратегию развития, а конкретные задачи раскрывают пути их достижения. В рамках его концепции историография призвана не только фиксировать пройденный наукой путь, но и активно влиять на ее современное состояние и будущее развитие через реализацию познавательной, мировоззренческой, прогностической, коммуникативной и прикладной функций [\[10\]](#).

Особую значимость имеет разработанное С.В. Коданом учение о многомерном позиционировании историографии, которое раскрывается через пять взаимосвязанных областей знания: истории знаний, специальной, вспомогательной, прикладной и междисциплинарной области [\[10\]](#). Этот подход демонстрирует, что историография в его понимании - не просто ретроспективное описание научных достижений, а сложный интеллектуальный инструмент, необходимый современному исследователю для ориентации в научном пространстве.

Таким образом, концепция С.В. Кодана представляет собой завершенную теоретико-методологическую систему. Его подход позволяет преодолеть фрагментарность существующих представлений об историографии и создает прочный фундамент для ее дальнейшего развития как полноценного, методологически оснащенного и междисциплинарно открытого направления исследований.

Если С.В. Кодан создает системную методологию историографического исследования, то Е.А. Фролова применяет сходный структурно-системный подход к анализу конкретных политико-правовых доктрин, рассматривая их как целостные образования с философской основой, содержанием и программой.

Е.А. Фролова рассматривает историю политических и правовых учений как фундаментальную дисциплину, призванную формировать юридическое мышление. Она подчеркивает, что эта наука занимает особое место в ряду смежных дисциплин, таких как теория государства и права или философия права, и для неё принципиально важно

четкое отграничение собственного предмета [\[16, с. 70\]](#).

С точки зрения Е.А. Фроловой, предмет истории учений — это не просто энциклопедия взглядов или хронологическое чередование идей. Это наука, которая отражает в понятиях теории права и государства меняющиеся исторические условия, интересы и идеалы различных социальных групп. При этом любой общественный идеал выступает как регулятивная идея, на основе которой оценивается политico-правовая реальность и создаются проекты её преобразования или обосновывается необходимость сохранения существующего строя.

Ключевой методологической установкой Е.А. Фролова считает целостное восприятие каждой политico-правовой доктрины. Она настаивает, что любое учение, в отличие от случайной мысли, имеет структуру, включающую философско-теоретическую основу (методологию), содержательную часть и программные меры. Задачей исследователя является выявление и раскрытие всех этих взаимосвязанных элементов, а не вырывание отдельных фраз из контекста. Для объективной оценки теории важна её внутренняя логика и последовательность аргументации.

Е.А. Фролова выделяет несколько методологических трудностей, с которыми сталкивается дисциплина. Одна из них — это вопрос о принципе организации материала: следует ли выстраивать курс «портретно», вокруг отдельных мыслителей, что грозит превратиться в описательные очерки, или же группировать учения по идеологическим течениям, что может заслонить личностный, волевой аспект творчества. Другая сложность заключается в определении роли доктрины: должна ли она лишь отражать свою эпоху или же активно влиять на неё, и если влиять, то как и с какого момента оценивать это воздействие.

Важным аспектом методологии Е.А. Фроловой является подход к типологии учений. Она указывает, что критерии могут быть разными — от соотношения идеала и действительности (прогрессивные, консервативные, реакционные учения) до способов достижения целей (радикальные, реформистские, революционные).

Е.А. Фролова отмечает тесную связь истории политических и правовых учений с философией права. Она подчеркивает, что меняются не столько сами конструкции, предложенные классиками, сколько наши оценки этих учений, которые трансформируются в соответствии с потребностями новой исторической эпохи. Таким образом, дисциплина предстает как живой, развивающийся организм, постоянно переосмысливающий свое прошлое для ответа на вызовы настоящего и будущего.

В Институте государства и права РАН активно разрабатывается проблематика, способная существенно обогатить традиционные подходы к изучению истории политических и правовых учений. В центре внимания исследователей находится логика смыслополагания — анализ глубинных механизмов формирования правовых понятий и категорий в разных культурных традициях [\[2, 3\]](#). Этот подход позволяет выйти за рамки простого описания идей и понять, как различные цивилизации порождают уникальные способы осмыслиения права, что особенно актуально в условиях диалога культур.

Исходным принципом является признание вариативности правовой рациональности, что предполагает отказ от представления о единой универсальной модели. Выявлены и исследуются различные типы правового мышления: субстанциональный, характерный для континентальной Европы и России, где право понимается как система устойчивых идей, и процессуальный, свойственный англо-американской традиции, где право

раскрывается через конкретные процедуры и судебные решения. Такой подход позволяет адекватно анализировать самобытные правовые феномены, не пытаясь искусственно вписать их в чуждые концептуальные рамки.

Особое значение придается глубокому сравнительному анализу правовых культур, предполагающему реконструкцию их внутреннего мира. Это требует от исследователя способности понять, как из исходных культурных интуиций в конкретной традиции вырастают её уникальные правовые концепции. Одновременно осуществляется критический пересмотр сложившейся историографии, показывая, что западноевропейские научные каноны часто являются продуктом специфического механизма смыслообразования, исключающего иные логики. Важным направлением работы стало исследование роли языка как активного участника смыслополагания, где языковая структура непосредственно влияет на формирование правовых конструкций.

В совокупности эти направления образуют целостный методологический аппарат, позволяющий преодолеть ограничения традиционных подходов и изучать историю учений как многоголосый диалог культур, каждая из которых предлагает собственный, внутренне непротиворечивый способ осмыслиения права и справедливости.

Например, тематики — эволюция аналитического направления в англо-американской юриспруденции и развитие доктрины об источниках права — могут выступить в качестве наглядного примера плодотворного применения междисциплинарной методологии, изложенной в рамках данной статьи. Это позволяет выйти за традиционные для сравнительного правоведения рамки, которые часто ограничиваются сопоставлением форм права и констатацией доминирования судебного прецедента. Вместо изолированного анализа «логико-языкового феномена» предлагается исследовать англо-американскую правовую мысль как сложную, исторически развивающуюся систему, укорененную в широком интеллектуальном и социальном контексте.

С этой точки зрения, наследие аналитической школы, от Остина до Харта и Дворкина, предстает не как набор догм, а как динамическая «теоретическая схема» в степинском понимании, которая конструировала свои идеализированные объекты — от «основной нормы» до «правила признания» и «принципов». Этот концептуальный каркас можно проследить в его диалектическом развитии, анализируя, как он заимствовал конструкты из математически ориентированной философии Рассела или Витгенштейна и как проходил процедуру «конструктивного обоснования» через столкновение с реальной социально-правовой практикой. Одновременно глобально-историографический ракурс, вслед за Г. Иггерсом, позволяет интерпретировать распространение и доминирование этого аналитического стиля мышления во второй половине XX века не как естественный процесс, а как предмет для критического анализа в рамках глобального диалога и столкновения правовых традиций, где одна модель рациональности имплицитно навязывалась в качестве универсальной.

Такой синтез методов позволяет преодолеть «узкий дисциплинарный провинциализм», о котором писал В.Г. Графский, и изучать доктрину источников права не как простой перечень форм, а как элемент коллективной памяти и исторической культуры. Это требует рассматривать ее в увязке с риторикой судебных процессов, структурой юридического образования и публичной политической дискуссией, привлекая инструментарий социологии, лингвистики и антропологии. Типология правопонимания по В.С. Нерсесянцу, в свою очередь, дает ключ к интерпретации аналитической традиции как яркого примера «легистского» типа, отождествляющего право с официальными правилами, а ее внутреннюю полемику — как отражение фундаментального конфликта

между формальной логикой и ценностным содержанием. Наконец, подход, разрабатываемый в ИГП РАН и нацеленный на реконструкцию «логики смыслополагания», позволяет увидеть, что утверждение о мышлении англо-американских юристов «правилами», а не «нормами», — это не терминологическая деталь, а ключ к особой, процессуальной правовой рациональности, из которой произрастает уникальная, отличная от континентальной, логика формирования самой системы источников права. Таким образом, междисциплинарность трансформирует частную проблему истории учений в комплексное исследование правовой культуры, раскрывая ее глубинные механизмы и место в общем интеллектуальном ландшафте.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что будущее истории политических и правовых учений неразрывно связано с ее способностью к методологической рефлексии и активной междисциплинарной интеграции. Рассмотренные концепции, от подхода В.И. Вернадского к истории научной мысли до типологий В.С. Нерсесянца и глобального видения Г. Иггерса, едины в своем стремлении преодолеть узкие хронологические и дисциплинарные границы. Они формируют новый, синтетический образ дисциплины, где право изучается не как изолированный набор доктрин, а как часть истории научной мысли и неотъемлемый элемент культурно-исторического творчества человечества. Такой подход трансформирует историко-правовое знание из вспомогательной описательной науки в критически важный инструмент для осмысливания глобальных вызовов и сознательного направления развития человечества в ноосфере, отвечая, тем самым, на универсальный призыв научной мысли к неограниченному развитию.

Библиография

1. Вернадский, В. И. Научная мысль как планетное явление / В. И. Вернадский ; отв. ред. А. Л. Яншин ; АН СССР. – Москва : Наука, 1991. – 270, [1] с. EDN: KBQMGG.
2. Горбань, В. С. Историографические модели реконструкции политических и правовых учений / В. С. Горбань // Государство и право. – 2024. – № 11. – С. 7-22. – DOI: 10.31857/S1026945224110017. EDN: XVTNOZ.
3. Горбань, В. С. Роль историографии в философии права и формировании понятийного языка современной правовой теории / В. С. Горбань // Антиномии. – 2025. – Т. 25, № 1. – С. 107-127. – DOI 10.17506/26867206_2025_25_1_107. EDN: LUKCDL.
4. Графский, В. Г. Государство и технократия : историко-критическое исследование / В. Г. Графский. – Москва : Наука, 1981. – 289 с.
5. Графский, В. Г. История политических и правовых учений : учебник / В. Г. Графский ; Ин-т государства и права Российской акад. наук. – 3-е изд., доп. – Москва : Норма, 2009. – 735 с. EDN: QRHKJZ.
6. Графский, В. Г. О роли истории политических учений в идейно-теоретической подготовке студента / В. Г. Графский // Политические и правовые учения: проблемы исследования и преподавания : сборник статей / АН СССР, Ин-т государства и права ; редкол.: В. Е. Гулиев [и др.]. – Москва : ИГП АН, 1978. – С. 62-67.
7. Графский, В. Г. Проблема взаимоотношений власти и знания в истории политической мысли : диссертация ... доктора юридических наук : 12.00.01 / В. Г. Графский ; Ин-т государства и права. – Москва, 1992. – 350 с. EDN: ZJNXJF.
8. Гулиев, В. Е. Об исследовании политико-правовых учений / В. Е. Гулиев // Из истории политических учений : сборник статей / АН СССР, Ин-т государства и права ; редкол.: В. Е. Гулиев (отв. ред.) [и др.]. – Москва : [б. и.], 1976. – С. 3-7.
9. Иггерс, Г. Глобальная история современной историографии / Г. Иггерс, Э. Ван (при участии Суприи Мукерджи) ; пер. с англ. О. Воробьевой ; науч. ред. М. Кукарцева. – Москва : Канон+ : Реабилитация, 2012. – 432 с.
10. Кодан С.В. Историография в структуре истории политических и правовых учений:

- предметная направленность, целевые установки, задачи и функции // Genesis: исторические исследования. 2020. № 12. С. 126-137. DOI: 10.25136/2409-868X.2020.12.34729 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34729
11. Мамут, Л. С. Анализ связи истории и современности в развитии политической мысли / Л. С. Мамут // Политические и правовые учения: проблемы исследования и преподавания : сборник статей / АН СССР, Ин-т государства и права ; редкол.: В. Е. Гулиев [и др.]. – Москва : ИГП АН, 1978. – С. 47-55.
12. Нерсесянц, В. С. Из истории правовых учений: два типа правопонимания / В. С. Нерсесянц // Политические и правовые учения: проблемы исследования и преподавания : сборник статей / АН СССР, Ин-т государства и права ; редкол.: В. Е. Гулиев [и др.]. – Москва : ИГП АН, 1978. – С. 18-29.
13. Нерсесянц, В. С. Право и закон : из истории правовых учений / В. С. Нерсесянц. – Москва : Наука, 1983. – 366 с.
14. Поппер, К. Р. Нищета историцизма / К. Р. Поппер ; пер. с англ. – Москва : Прогресс : VIA, 1993. – 187 с.
15. Степин, В. С. Теоретическое знание / В. С. Степин. – Москва : Прогресс-Традиция, 2003. – 744 с.
16. Фролова, Е. А. История политических и правовых учений: методологические проблемы соотношения юридической науки и учебной дисциплины / Е. А. Фролова // Вестник Московского университета. – 2009. – № 1. – С. 70-80.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является междисциплинарность в современных исследованиях политico-правовых феноменов и доктрин.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна. Следует согласиться с ученым в том, что традиционные методы исследования современной историко-правовой науки, ограниченные узкоотраслевыми рамками и описательностью, оказываются недостаточными для анализа постоянно меняющейся правовой реальности. Выход из этого методологического кризиса лежит на пути ее интеграции с достижениями других областей знания – от философии науки и социологии до филологии и когнитивных исследований. Междисциплинарность стала системообразующим фактором, способным "осовременить" предмет и методологию юридической историографии, превратив ее в актуальную дисциплину, отвечающую на вызовы XXI века.

Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в том, что автором предложен конкретный путь разрешения методологического кризиса, в котором оказалась современная историко-правовая наука. Ученый доказывает необходимость ее интеграции с достижениями других областей научного знания, иллюстрируя это концепциями В. И. Вернадского, В.С. Степина, Г. Иггерса, Э. Ван, С. Мукерджи, К. Поппера, В.Г. Графского, В.Е. Гулиева, В.С. Нерсесянца, Л.С. Мамута, С.В. Кодана, Е. А. Фроловой. Автором выявлено общее в

данных концепциях - все они позволяют обновить предметный профиль, проблематику и методологический аппарат юридической историографии через активную междисциплинарную интеграцию. Тем самым формируется новый, синтетический образ дисциплины, где право изучается не как изолированный набор доктрин, а как часть истории науки и неотъемлемый элемент культурно-исторического творчества человечества.

Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор доказывает тезис о том, что междисциплинарность выступает системообразующим фактором, способным обновить предмет и методологию историко-правовой науки. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи полностью соответствует ее наименованию и не вызывает особых нареканий.

Библиография исследования представлена 16 источниками (монографиями, диссертационной работой, научными статьями, учебником). С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной. Работа выполнена на достаточно высоком академическом уровне.

Апелляция к оппонентам имеется, но носит общий характер в силу направленности исследования. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества. Автором доказано, что будущее истории политических и правовых учений неразрывно связано с ее способностью к методологической рефлексии и активной междисциплинарной интеграции. Рассмотренные ученым концепции (В. И. Вернадского, В.С. Степина, Г. Иggerса, Э. Ван, С. Мукерджи, К. Поппера и др.) едины в своем стремлении преодолеть узкие хронологические и дисциплинарные границы. Они формируют синтетический образ дисциплины, где право изучается как часть истории научной мысли и неотъемлемый элемент культурно-исторического творчества человечества. Таким образом, историко-правовое знание из вспомогательной описательной науки превращается в критически важный инструмент для осмыслиения глобальных вызовов и направлений развития человечества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен, прежде всего, в сфере истории государства и права, теории государства права, истории политических и правовых учений, философии права со стороны ученых, практикующих специалистов, обучающихся. Однако работа нуждается в небольшой доработке — автору необходимо дополнить вводную часть статьи с учетом замечаний рецензента.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Аленичева Я.С. Гендерные аспекты коллаборационизма на территории Локотского окружного самоуправления // Genesis: исторические исследования. 2025. № 10. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.10.76329 EDN: HLKXMI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76329

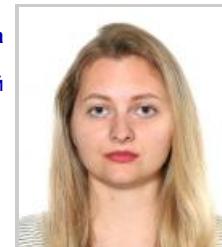
Гендерные аспекты коллаборационизма на территории Локотского окружного самоуправления

Аленичева Яна Сергеевна

аспирант; кафедра Отечественная история; ГАОУ ВО Ленинградской области "Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина"

196605, Россия, Санкт-Петербург, г. Пушкин, шоссе Петербургское, 10

✉ alenicheva.history@yandex.ru

[Статья из рубрики "Проблемы войны и мира"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.10.76329

EDN:

HLKXMI

Дата направления статьи в редакцию:

18-10-2025

Дата публикации:

30-10-2025

Аннотация: В статье анализируются формы, мотивы и социально-психологические особенности участия женщин в деятельности органов Локотского окружного самоуправления – крупнейшего коллаборационистского образования, функционировавшего на оккупированной территории СССР в 1941–1943 годах. Предметом исследования является вовлечение женщин в административные, хозяйствственные, санитарные и просветительские структуры местной власти, их профессиональные, семейные и бытовые роли, а также влияние женского труда на поддержание жизнеспособности оккупационного общества и устойчивости его социальных институтов. Работа основана на материалах фонда 2608 Государственного архива Брянской области, включающих приказы, распоряжения, переписку, ведомости, отчёты и личные заявления жителей, что позволяет детально реконструировать

реальные механизмы участия и адаптации женщин в условиях войны и оккупации. На основе микроисторического и гендерного анализа рассматриваются функциональные роли, которые женщины занимали в системе оккупационной власти, – от делопроизводственных и санитарных до образовательных и хозяйственных. Показано, что женское участие в системе самоуправления являлось не проявлением идеологической лояльности к оккупационной власти, а прежде всего вынужденной формой адаптации и выживания в условиях разрушенного социального и морального порядка. Женщины становились посредницами между административными структурами и населением, поддерживая функционирование санитарии, просвещения, снабжения, медицинской и бытовой инфраструктуры. Именно через их повседневный труд сохранялись элементарные формы социальной организации, создававшие «невидимый каркас» жизни оккупированного общества и позволявшие людям удерживать ощущение нормальности. В результате исследование выявляет женский коллаборационизм как сложный социально-психологический феномен, в котором переплетаются принуждение, трудовая необходимость, чувство долга и индивидуальные стратегии самосохранения. Работа восполняет существенный пробел в отечественной историографии и подчёркивает необходимость включения гендерного измерения в анализ опыта войны и оккупации.

Ключевые слова:

женский коллаборационизм, Великая Отечественная война, немецкая оккупация, гендерная история, повседневность, адаптация, Локотское самоуправление, сотрудничество с немцами, Вторая Мировая война, СССР в войне

Вопрос о коллаборационизме на территории Советского Союза в годы Великой Отечественной войны остаётся одной из наиболее дискуссионных тем отечественной историографии. На протяжении десятилетий советская историческая наука и литература избегали его открытого обсуждения, поскольку «он не вписывался в официальную историю великой победы советского народа» [\[4\]](#). Только, начиная с 1990-х годов, начали появляться исследования, в которых явление коллаборационизма стало рассматриваться с разных, порой противоположных позиций [\[2; 7; 8; 10; 12; 13\]](#). Однако в этих работах внимание преимущественно сосредотачивалось на политических, военных и административных формах сотрудничества с оккупантами, тогда как гендерный аспект долгое время оставался вне поля научного анализа.

Женский опыт в условиях оккупации традиционно интерпретировался сквозь призму жертвенности, насилия и бытового выживания. Женщина рассматривалась, прежде всего, как объект страдания, но не как субъект действия. Такая установка исключала возможность анализа её активной роли – в хозяйственных, санитарных, образовательных и административных сферах, где она часто выступала связующим звеном между населением и властью. Только в исследованиях последнего десятилетия началась попытка переосмыслить этот опыт и рассмотреть женский коллаборационизм как самостоятельное социальное и психологическое явление [\[17\]](#).

Современные гендерные подходы, применяемые в историографии Европы и постсоветского пространства, позволяют по-новому взглянуть на участие женщин в структурах оккупационных режимов. Работы показывают, что женщины могли не только подвергаться принуждению, но и становиться частью механизмов легитимации власти –

через труд, просвещение, санитарные инициативы, культурную и пропагандистскую деятельность [Там же]. В публикациях оккупационной прессы именно «женские рубрики» часто служили инструментом адаптации традиционных гендерных ролей к целям германской пропаганды [7]. Однако российская историография по-прежнему не располагает системными региональными исследованиями, где бы на конкретных примерах прослеживались формы и мотивы женского участия в оккупационных структурах.

Особое значение в этом контексте приобретает пример Локотского окружного самоуправления — уникального административного эксперимента, действовавшего на юго-западных территориях РСФСР в 1941–1943 годах. Локотское самоуправление, созданное при поддержке немецких военных властей, обладало широкой автономией в вопросах управления, юстиции, пропаганды и хозяйственной жизни. Его структура включала значительное число женщин, занятых в делопроизводстве, санитарных службах, образовании, торговле и снабжении. Документы местных органов власти, хранящиеся в Государственном архиве Брянской области [5], позволяют выявить реальные масштабы и направления их участия, реконструировать конкретные биографические ситуации и осмыслить женский опыт как часть социальной динамики оккупационного общества.

Целью настоящего исследования является анализ гендерных аспектов коллаборационизма на территории Локотского окружного самоуправления в 1941–1943 годах на основе архивных источников и современных междисциплинарных подходов. Среди задач — выявление социальных и психологических мотивов участия женщин в структурах самоуправления, определение функциональных ролей, которые они занимали в системе власти и хозяйства, а также реконструкция их адаптационных стратегий в условиях оккупации. Научная новизна работы заключается в том, что впервые предпринята попытка рассмотреть женский коллаборационизм в Локотском округе как сложный социально-психологический феномен, объединяющий элементы принуждения, труда, заботы и адаптации, и ввести в научный оборот корпус ранее не публиковавшихся документов фонда 2608 Государственного архива Брянской области.

Тем самым исследование расширяет представление о феномене коллаборационизма, демонстрируя его внутреннюю дифференциацию по гендерному признаку и включая женскую перспективу в более широкий контекст истории оккупационного режима на юго-западных территориях Советского Союза.

Архивные материалы Брасовской волости дают возможность рассмотреть участие женщин в деятельности Локотского окружного самоуправления не как периферийное явление, а как важный элемент повседневного функционирования оккупационного общества. Женщины здесь выполняли не только традиционные хозяйствственные обязанности, но и занимали реальные позиции в административной, санитарной и профессиональной структурах власти, что позволяет говорить о сложной системе гендерных ролей, складывавшейся в условиях войны и социального распада.

В повседневной жизни оккупации женщина оказывалась одновременно и объектом заботы, и носителем ответственности. Волостные приказы фиксируют случаи, когда именно женщинам поручалось устройство сирот и ведение домашнего хозяйства в отсутствие мужчин. Так, Клюнковой Евгении Семёновне официально доверили воспитание ребёнка мобилизованной женщины, выделив для этого натуральное довольствие в виде ржи и дров [5, л.9]. Это решение не столько акт милосердия, сколько

форма перераспределения обязанностей по уходу в сообществе, где государство существовало лишь в виде старости и подписи под приказом. Женщина становилась опорой социальной системы, принимая на себя функции государства — опекунские, хозяйствственные и воспитательные.

Та же логика прослеживается в многочисленных заявлениях и прошениях, где женщины обращаются к властям с просьбой о помощи, работе или защите. Заявление Ефросинии Токаревой о потере коровы и лошади, якобы угнанных партизанами, отражает типичный мотив — стремление не к привилегии, а к минимальной устойчивости семьи. Образ женщины в этих документах — не пассивная жертва, а человек, действующий в административном пространстве, способный формулировать просьбу, аргументировать и добиваться решения. В случае жалобы «жён бойцов» на отказ в выделении сенокоса [\[5, Л.50\]](#) именно обращение женщин становится причиной наказания местного старосты. Власть, пусть ограниченно, откликалась на их заявления, превращая жалобу в форму участия в управлении.

На более структурном уровне женский труд поддерживал работу всего местного аппарата. Приказы фиксируют многочисленные назначения на должности уборщиц, делопроизводительниц, бухгалтеров, заведующих складами и аптекой. Эти посты не предполагали идеологического участия, но обеспечивали стабильность административной машины — бухгалтерский учёт, санитарную чистоту, хранение медикаментов и продовольствия. В назначении Васильевой заведующей аптекой [\[5, Л.130\]](#) или Шерманкиной заведующей складом [\[5, Л.162\]](#) отражается доверие к их компетенции и опытности. Женщины заполняли кадровые пробелы, образовавшиеся после мобилизации мужчин, и брали на себя материальную ответственность — иногда с риском для себя, как показывает случай помощницы бухгалтера Степановой, уволенной «за недостачу в кассе» [\[5, Л.138\]](#). Эти эпизоды демонстрируют постепенное «институциональное взросление» женского труда: от уборки и кухонной работы к позициям, требующим отчётности, доверия и профессиональных навыков.

Особое место занимала санитарная и медицинская сфера. В период эпидемий тифа женский труд становился жизненно необходимым. В распоряжениях встречаются десятки имён сиделок и санитарок — Березня, Грачева, Карповская, Черняева [\[5, Л.22; Л.25\]](#). Их работа оплачивается, регламентируется приказами, сопровождается строгими предписаниями по санитарии: очистка улиц, ремонт бань, контроль за чистотой жилищ [\[5, Л.136\]](#). Таким образом, забота превращалась в административную категорию, а женская сфера — в основу биополитики оккупационного режима. На уровне переживаний этот труд был не только физическим, но и психологическим испытанием: ухаживать за больными в бараках означало ежедневно сталкиваться с тифом, смертью, отчаянием.

Ещё одно измерение женского участия связано с профессиональной самореализацией. Встречаются примеры, выходящие за рамки бытовых ролей. Землестроитель Еременко Екатерина Карниловна, окончившая Одесский сельскохозяйственный институт, подала прошение о приёме в волостной землестроительный отдел, а вскоре была назначена заведующей геокамерой [\[5, Л.126\]](#). Появление женщин-инженеров в Локотском округе — уникальный случай для оккупированных территорий, свидетельствующий о сохранении профессиональной идентичности и стремлении использовать свои навыки даже в условиях чужой власти. Похожим образом учительницы, такие как Карповская и Азарова, совмещали педагогическую и переводческую деятельность, выполняя функции посредников между немецкими структурами и местным населением [\[5, Л.157; Л.194-196\]](#). За

внешней лояльностью здесь скрывался мотив адаптации: сохранить профессию и тем самым — себя.

Но труд и профессиональная мобильность имели и другую сторону — постоянный контроль, подозрение и зависимость. Учёт имущества, транспортных средств, поставок превращал женщину в объект мелкого административного давления. В делах о регистрации велосипедов [\[5, л.46\]](#) и реквизициях имущества [\[5, л.111\]](#) речь идёт не только о дисциплине, но и о лишении инструментов передвижения, необходимых для работы. Аналогично в делах о молокопоставках женщины оказываются между необходимостью кормить детей и угрозой штрафа за «недосдачу» [\[5, л.187-191\]](#). Проверки сопровождались слухами и доносами, и контроль над женской домашней экономикой становился формой морального надзора.

Несмотря на административное давление, женщины продолжали искать возможности легализовать своё положение. В архивах сохранились десятки заявлений о приёме на работу, где просительницы — Чичерина, Вдовенкова, Алексашкина, Халименкова, Лукьянова — аргументируют свои просьбы необходимостью прокормить семью, воспитывать детей, «проживать без пищи невозможно» [\[5, л.172; л.179; л.207\]](#). Эти документы фиксируют одновременно экономическую нужду и чувство достоинства: почти каждое заявление написано в официально-деловом стиле, с точным указанием дат и должностей. Даже отпускные прошения («Работаю с 12/XII 41 г.... прошу дать отпуск», [\[5, л.213\]](#)) показывают, что женщины стремились действовать в рамках законности, поддерживая иллюзию нормального трудового порядка посреди хаоса войны.

За каждой биографией стоит своя мотивация. Одни женщины участвовали в самоуправлении из-за страха и необходимости содержать детей; другие — из профессионального интереса, стремления сохранить статус, обрести хоть какую-то уверенность в завтрашнем дне. Были и те, кто воспринимал сотрудничество как вынужденный компромисс ради безопасности семьи. Гендерный анализ показывает: коллаборационизм женщин в Локотском округе не сводился к идеологическому выбору. Он был, прежде всего, социально-психологической стратегией выживания, где за каждым решением стояла не вера в «новый порядок», а попытка удержать нормальность, работу, дом, детей.

Женский опыт в Локотском округе разрушает бинарное противопоставление «жертвы» и «сотрудницы». Женщины выступали одновременно агентами заботы, элементами местной бюрократии и хранительницами быта, на которых держалась жизнь оккупированного села. Их участие в структурах самоуправления сочетало труд, страх, лояльность и сопротивление. И если мужской коллаборационизм чаще принимал форму службы с оружием или управления, то женский — форму труда, ухода и адаптации.

Архивные документы Брасовской волости открывают не только факты, но и эмоции, скрытые между строк — усталость, желание сохранить привычное, попытку обрести хоть какую-то защиту в мире, где не осталось надёжных ориентиров. В этих историях проявляется главное: женщина в оккупации — не статист и не фон, а активный участник истории, чьи решения и сомнения становятся ключом к пониманию самой природы человеческого поведения в условиях тотального насилия.

Документы фондов Государственного архива Брянской области [\[5\]](#) показывают, что оккупационная власть и местные органы Локотского самоуправления осознанно использовали женский труд как инструмент стабилизации тыла и поддержания

жизнеспособности повседневной инфраструктуры. Женщины активно включались в административные, санитарные, хозяйственные и просветительские практики, выполняли распоряжения, направленные на поддержание порядка, снабжения и санитарии, участвовали в учётных и образовательных процессах. Эти формы вовлечения редко имели добровольный характер: в большинстве случаев они продиктованы необходимостью сохранить семью, жильё и минимальные условия существования.

В гендерном измерении коллаборационизм в Локотском округе проявился как комплекс социальных стратегий, где границы между выживанием, служебной обязанностью и вынужденным сотрудничеством оставались подвижными. Женщины оказывались посредницами между административным аппаратом и населением — в сфере санитарного контроля, школьного обучения, снабжения, торговли, делопроизводства. Их деятельность имела амбивалентный статус: формально лояльная по отношению к оккупационной власти, она фактически обеспечивала поддержание базовых структур жизни общества в условиях разрушенного государственного механизма.

Поставленные в исследовании задачи получили комплексное решение на основе анализа источников. Во-первых, выявлены социальные и психологические мотивы участия женщин в структурах оккупационной администрации. Материалы дела демонстрируют, что ключевыми побудительными факторами были экономическое выживание, стремление защитить детей и престарелых родственников, а также желание сохранить ощущение стабильности и полезности в разрушенном социальном порядке. Принятие должности уборщицы, делопроизводительницы, медсестры или переводчицы воспринималось как способ выжить и сохранить смысл повседневности, а не как форма сознательного сотрудничества с врагом.

Во-вторых, анализ документов позволил определить функциональные роли женщин в системе Локотского самоуправления. Они занимали позиции делопроизводительниц, бухгалтеров, заведующих складами и аптекой, санитарных уполномоченных, сиделок и медсестёр, переводчиц и учительниц, а также землеустроительниц и технических специалистов. Этот спектр показывает, что женский труд обеспечивал функционирование ключевых направлений местной администрации — документооборота, санитарии, просвещения, здравоохранения и снабжения.

В-третьих, проведённое исследование выявило особую психологическую специфику женского участия в оккупационной системе. За внешней лояльностью часто скрывались адаптационные стратегии — стремление сохранить профессию, избежать насилия, легализовать своё положение или просто выжить. Женщины часто обращались в администрацию не из убеждения, а из безысходности, пытаясь найти работу и продовольственную помощь. Их деятельность трудно оценивать в категориях «добровольного сотрудничества» или «сопротивления» — она скорее отражала попытку удержаться на границе дозволенного, не разрушая собственного морального мира.

Наконец, документы показывают, что именно женский труд создавал невидимую, но структурно значимую основу повседневной жизни оккупационного общества. Без сиделок и санитарок не могли функционировать больницы; без делопроизводительниц и уборщиц — волостные управления; без учительниц — школы, где сохранялась хотя бы видимость нормальности. Через их работу власть воспроизводила минимальный порядок, а общество — возможность существования.

Проведённый количественный анализ корпуса документов фонда [\[5\]](#) дополняет качественные наблюдения. В приказах, ведомостях, заявлениях и актах проверок

зарегистрировано 293 человека, вовлечённых в работу Брасовской волостной управы и подведомственных ей учреждений; из них около 23 % (67 чел.) — женщины, что указывает на заметное, хотя и второстепенное, присутствие женского труда в административно-хозяйственном механизме самоуправления. Распределение женских позиций по сферам выглядит так: административно-технический аппарат — 32 %; медицинская и санитарная сфера — 13 %; социально-бытовой сектор — 27 %; образование и просвещение — 7 %; заявительницы и частные лица по вопросам пособий, снабжения или трудоустройства — 21 %. Для сравнения, мужские кадры (77 %) концентрировались преимущественно в полицейских, хозяйственно-ремонтных, транспортных и снабженческих подразделениях. В сумме женский труд составлял около четверти кадрового потенциала волостной администрации и при этом сосредоточивался в низкооплачиваемых и обслуживающих должностях; однако именно через эти звенья поддерживались санитария, снабжение, документооборот и просвещение.

Таким образом, женский коллаборационизм в Локотском округе предстает не как единое явление, а как сложный социально-психологический феномен, включающий принуждение, адаптацию и индивидуальные стратегии выживания. Женщины действовали на стыке личного и общественного, между долгом и страхом, между заботой и подчинением. Их опыт показывает, что система самоуправления существовала не только благодаря административным и военным структурам, но прежде всего — за счёт женского труда, поддерживавшего ритм жизни на захваченной территории. Рассмотрение этого опыта позволяет выйти за рамки дилеммы «предательства» и «лояльности» и увидеть в повседневных женских практиках отражение более общей проблемы — того, как человек ищет формы человеческого существования внутри пространства войны и насилия.

Библиография

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.
2. Будницкий О. В. Гарвардский проект: рассекреченные свидетельства о Великой Отечественной войне. – М.: РОССПЭН, 2018. – 514 с.
3. Будницкий О. В. Свершилось! Пришли немцы. Идейный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] // Rulit. URL: <https://www.rulit.me/books/mys-strahov-ip-read-415171-1.html>.
4. Булыга О. В. Проблема коллаборационизма в СССР в годы Великой Отечественной войны в советской и российской историографии // Вестник Московского университета. Серия 8: История. – 2018. – № 6. – С. 97-110. EDN: ZBKEEH
5. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. 2608. Оп. 1. Д. 2. Материалы о деятельности гражданских и санитарных учреждениях Локотского округа (1942–1943 гг.).
6. Герасёв И. Ю. Петрозаводск. Сентябрь 1941 года. – Петрозаводск: Петропресс, 2023. – 224 с.
7. Грибков И. Журнальная измена: русские коллаборационистские журналы на оккупированной территории СССР // Пособники. Исследования и материалы по истории отечественного коллаборационизма. – 2020. URL: <https://www.academia.edu/43849815>

8. Дробязко С. И. Коллаборационизм в СССР: формы и масштабы. – М.: Вече, 2010. – 480 с.
9. Ермолов И. Г. Возникновение и развитие советского военно-политического коллаборационизма на оккупированных территориях СССР в 1941–1944 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 – Отечественная история. – Тверь, 2005. – 279 с. EDN: NNHDRL
10. Ермолов И. Г. Три года без Сталина. Оккупация 1941–1944. – М.: Центрполиграф, 2010. – 383 с. – EDN: QPOTGJ.
11. Иващенко А. С. Дискуссионные вопросы истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в отечественной историографии // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2020. – № 3. – С. 45-58.
12. Ковалев Б. Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации [Электронный ресурс] // Военная литература. URL: http://militera.lib.ru/research/kovalev_bn03/index.html.
13. Кринько Е. Ф. Коллаборационизм в СССР в годы Великой Отечественной войны и его изучение в российской историографии // Вопросы истории. – 2004. – № 11. – С. 157-167.
14. Миллер А. И. Историческая политика в XXI веке. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 648 с.
15. Молодова И. Ю. Нацистский оккупационный режим на территории Западного региона РСФСР: власть и население: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 – Отечественная история. – Брянск, 2010. – 263 с. EDN: ZOBWIT.
16. Осьмачко С. Г. Советский коллаборационизм (1941–1945 гг.): актуальность дефиниции и социокультурный дискурс // Верхневолжский филологический вестник. – 2019. – № 2 (24). – С. 156-161.
17. Пушкаренко Е. А. Белорусский женский коллаборационизм как инструмент немецкой пропаганды в годы Второй мировой войны // История: факты и символы. – 2022. – № 2 (31).
18. Словински К. Историческая политика партии "Право и справедливость" // Современная Европа. – 2020. – № 1. – С. 102-112. DOI: 10.15211/soveurope12020102112 EDN: PKKYNW
19. Хисамутдинова Р. Р. Проблема коллаборационизма в СССР в годы Великой Отечественной войны в современной российской историографии и зарубежной литературе // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. – 2013. – № 3 (7). – С. 117-125. EDN: RBESJP

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия скрыта по просьбе автора

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Чжао Д. Роль военного сотрудничества России и Китая в формировании многополярного мирового порядка // Genesis: исторические исследования. 2025. № 10. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.10.76561 EDN: KPDRTM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76561

Роль военного сотрудничества России и Китая в формировании многополярного мирового порядка

Чжао Дунсой

аспирант, кафедра истории России; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы
117198, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Миклухо-Маклая, д. 10 к. 2

✉ zhaodongxu123@foxmail.com

[Статья из рубрики "История и политика"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.10.76561

EDN:

KPDRTM

Дата направления статьи в редакцию:

25-10-2025

Дата публикации:

01-11-2025

Аннотация: Предметом исследования является военное сотрудничество России и Китая как фактор трансформации современной системы международных отношений и формирования новой архитектуры глобальной безопасности. Объектом исследования выступает российско-китайское взаимодействие в сфере обороны, военно-технического обмена и стратегического планирования в контексте становления многополярного мирового порядка. Автор подробно рассматривает историческую эволюцию, современные формы и институциональные механизмы военного взаимодействия двух держав, включая рамки Шанхайской организации сотрудничества и двусторонние форматы стратегического партнёрства. Особое внимание уделяется влиянию российско-китайской координации на архитектуру глобальной и региональной безопасности, а также её роли в укреплении принципов равноправия, невмешательства и коллективной

ответственности. Анализ охватывает как военно-технические аспекты, так и политики-нормативные измерения, раскрывая, каким образом данное сотрудничество способствует формированию устойчивой и сбалансированной модели международной стабильности. В работе применяются методы системного и сравнительного анализа, принципы политического реализма и конструктивизма, а также элементы теории комплексной взаимозависимости и институционального подхода. Научная новизна исследования заключается в раскрытии роли российско-китайского военного сотрудничества как ключевого фактора институционализации многополярного мирового порядка. В работе показано, что военное взаимодействие двух государств выходит за рамки традиционной оборонной политики, приобретая характер стратегического инструмента укрепления международной стабильности и равноправия. Анализ продемонстрировал, что совместные действия России и Китая способствуют формированию новых центров силы, снижению глобальной напряжённости и развитию альтернативной модели коллективной безопасности, основанной на доверии и взаимной выгоде. Особое внимание уделено роли данного сотрудничества в укреплении позиций Глобального Юга и продвижении принципа суверенного равенства государств. Сделан вывод, что российско-китайское военное партнёрство выполняет стабилизирующую и интеграционную функцию в системе международных отношений XXI века, способствуя развитию более сбалансированного и справедливого мирового порядка.

Ключевые слова:

Российско-китайское сотрудничество, Военная безопасность, Многополярный мир, Международные отношения, Геополитика Евразии, Стратегическое партнёрство, Шанхайская организация сотрудничества, Баланс сил, Институционализация безопасности, Конструктивистский подход

Введение

В начале XXI века международная система переживает глубокую трансформацию, связанную с ослаблением западноцентричной модели мирового порядка и усилением роли новых центров силы. На этом фоне отношения между Россией и Китаем приобретают особое значение, отражая общую тенденцию к формированию многополярности и поиску альтернативных форм глобального управления. Военное сотрудничество между двумя державами становится одним из наиболее наглядных проявлений этого процесса, служа не только инструментом обеспечения безопасности, но и механизмом структурирования новой архитектуры международных отношений [\[11\]](#).

Актуальность темы определяется необходимостью теоретического осмысления роли российско-китайского военного взаимодействия в условиях трансформации мировой системы. Усиление военно-политической активности Запада, расширение НАТО, а также развитие конфликтов в Восточной Европе и Индо-Тихоокеанском регионе способствуют росту интереса к внеблоковым форматам сотрудничества, основанным на принципах равноправия и невмешательства. Российско-китайская модель взаимодействия демонстрирует возможность построения устойчивого партнерства без формального альянса, что делает её ценным объектом научного анализа.

Объект исследования российско-китайское военное сотрудничество как элемент внешней политики и международных отношений. Предмет исследования влияние этого сотрудничества на трансформацию мировой системы и формирование многополярного

порядка. Цель исследования проанализировать, каким образом военное взаимодействие между Россией и Китаем способствует институционализации многополярного мира и укреплению принципов равноправного международного взаимодействия.

Методологическую основу исследования составляют принципы системного и сравнительного анализа, методы политического реализма и конструктивизма, а также элементы теории комплексной взаимозависимости. Используются подходы геополитического и институционального анализа для оценки роли акторов в формировании региональных и глобальных режимов безопасности.

Научная новизна работы заключается в том, что российско-китайское военное сотрудничество рассматривается не только как элемент оборонной политики, но и как нормативно-политический инструмент формирования многополярного мирового порядка, способствующий институциональному укреплению альтернативных моделей глобальной безопасности.

Историческая эволюция военного сотрудничества России и Китая

Военное сотрудничество между Россией (СССР) и Китаем имеет сложную и многослойную историю, проходящую через периоды союзничества, конфронтации, нормализации и институционализации. Эта эволюция отражает не только изменения в международной системе, но и трансформации идеологических, стратегических и геополитических установок двух стран. Формирование современной модели российско-китайского военного взаимодействия невозможно понять без анализа её исторических оснований.

На первом этапе (1950–1959 гг.) отношения между СССР и КНР носили ярко выраженный союзнический характер. Заключённый 14 февраля 1950 года Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи зафиксировал обязательство сторон о взаимной поддержке в случае внешней агрессии, прежде всего со стороны Японии и её союзников. В рамках этого соглашения Советский Союз оказал Китаю масштабную помощь в создании национальной оборонной системы. Особую роль играла передача технологий, вооружений и обучение офицерского состава НОАК. СССР активно способствовал становлению военно-морского флота КНР, передав эсминцы, подводные лодки и истребители, а также оказав содействие в подготовке китайских военно-морских специалистов в советских академиях [\[2\]](#).

Военное сближение сопровождалось идеологической солидарностью в рамках социалистического лагеря, а также общей заинтересованностью в сдерживании США на Тихоокеанском направлении. Таким образом, альянс 1950-х годов представлял собой классический пример двустороннего военно-политического блока в условиях биполярной конфигурации международных отношений [\[3\]](#).

Однако уже к началу 1960-х годов союз начал распадаться под влиянием углубляющихся идеологических и стратегических противоречий. КНР не приняла курс десталинизации и идею «мирного сосуществования», проводимую Москвой, что породило напряжённость между двумя державами. Обострение отношений сопровождалось резким сокращением военного сотрудничества, сворачиванием советской помощи и усилением военной конфронтации на границе. Кульминацией стала вооружённая стычка на острове Даманский в 1969 году, символизировавшая глубокий кризис в двусторонних отношениях.

Период 1960–1978 годов характеризовался отсутствием доверия, взаимными обвинениями и милитаризацией границы. Это обстоятельство стало определяющим в

дальнейшем построении новой модели безопасности, основанной на принципах транспарентности и предсказуемости. Исследователи А. С. Арчугова и Л. В. Пономаренко подчёркивают, что опыт конфронтации сформировал у обеих сторон устойчивую стратегическую память, повлиявшую на осторожность при возобновлении диалога в конце XX века [\[4\]](#).

Нормализация отношений началась с визита Михаила Горбачёва в Пекин в 1989 году, ознаменовавшего восстановление двустороннего диалога. Вслед за этим последовали встречи министров обороны, в рамках которых обсуждались меры по снижению военной напряжённости. В 1993 году было подписано пятилетнее соглашение о военном сотрудничестве, а в 1994 году Соглашение о предотвращении опасных военных действий. Эти документы закрепили важнейшие механизмы доверия: предварительное уведомление о манёврах, запрет на создание помех в воздушном пространстве, совместные инспекции и обмен наблюдателями [\[5\]](#).

Ключевыми вехами институционализации военного сотрудничества стали соглашения, подписанные в Шанхае (1996) и Москве (1997). Они установили демилитаризованную зону в 100 км по обе стороны границы, ограничили размещение тяжёлого вооружения и предусматривали регулярные обмены информацией о военной активности. Эти шаги стали не только практическим инструментом снижения напряжённости, но и политическим сигналом о готовности к более глубокому партнёрству [\[6\]](#). По сути, речь шла о переходе от конфронтационной модели пограничной безопасности к модели взаимного сдерживания и согласованной прозрачности.

Параллельно с процессом доверительного урегулирования началось восстановление военно-технического сотрудничества. Уже с середины 1990-х годов Россия стала крупнейшим поставщиком вооружений для Китая. Были заключены контракты на поставку истребителей Су-27, зенитных ракетных комплексов С-300, подводных лодок и авиационных двигателей. Китай, в свою очередь, воспринимал российские технологии как важнейший ресурс для модернизации НОАК, особенно на фоне ограниченного доступа к западным военным технологиям [\[7\]](#).

Завершением переходного этапа стал 2001 год, когда был подписан Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. В нём стороны закрепили принцип ненаправленности взаимодействия против третьих государств и зафиксировали стратегический характер партнёрства. Военное сотрудничество стало рассматриваться как неотъемлемый элемент нового международного порядка, основанного на многополярности, суверенном равенстве и отстаивании принципа недопустимости гегемонии в международных делах [\[8\]](#).

Современные исследования Р. А. Явчуновская подчёркивают, что российско-китайское военное взаимодействие развивается по уникальной модели, сочетающей высокий уровень координации с отсутствием формального союзного договора [\[9\]](#). Такое партнёрство позволяет двум державам адаптироваться к быстро меняющейся международной среде, укреплять свои оборонные потенциалы и одновременно избегать блокового мышления, характерного для периода холодной войны.

После подписания в 2001 году Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве отношения между Россией и Китаем в военной сфере вступили в качественно новый этап. От прежнего курса на военно-технические поставки и нормализацию политического климата стороны перешли к институционализации стратегического взаимодействия,

делая акцент на системной координации и стратегическом планировании.

Одним из ключевых направлений стала практика совместных военных учений. С 2005 года Россия и Китай регулярно проводят совместные тренировки, наиболее известные из которых серия учений «Мирная миссия» в рамках ШОС, а также военно-морские манёвры серии «Морское взаимодействие». По данным ChinaPower, к середине 2025 года проведено не менее 113 совместных военных мероприятий, охватывающих как сухопутные, так и морские и воздушные компоненты [\[10\]](#). Особенno показательно участие России и Китая в морских манёврах в Японском море в августе 2025 года, где отрабатывались элементы противолодочной обороны, совместного ПВО, огневой поддержки и коммуникационной совместимости.

С 2023 года важное значение приобрели совместные патрулирования в Тихоокеанском регионе, включая стратегическую авиацию. Пролёты российских и китайских бомбардировщиков с дозаправкой в воздухе и сопровождением истребителей фиксировались вблизи Японии и Корейского полуострова, что трактуется экспертами как демонстрация оперативной совместимости и силы в ответ на активность США и союзников.

Ещё одной важной тенденцией стало расширение военно-морского взаимодействия в формате многосторонности. В марте 2025 года состоялись совместные учения России, Китая и Ирана "Security Belt-2025" в Оманском заливе, в ходе которых отрабатывались задачи по борьбе с пиратством, защите морских коммуникаций, десантированию и координации между флотами разных стран [\[11\]](#). Это подтверждает растущие амбиции стран по созданию альтернативных систем региональной безопасности вне рамок западных альянсов.

На фоне западных санкций, особенно после начала конфликта на Украине в 2022 году, усилилось взаимодействие в военно-технической и образовательной сфере. По данным западных разведисточников, Россия активно делится с Китаем тактико-техническим опытом, полученным в ходе конфликта, включая методы противодействия западным дронам, системам ПВО и киберугрозам [\[12\]](#). В 2024–2025 годах в России обучались китайские военные специалисты, включая подразделения радиоэлектронной борьбы и артиллерии, что свидетельствует о стратегической глубине обмена.

При этом в стратегическом диалоге фиксируется всё большая институционализация военного партнёрства. В мае 2025 года в ходе визита китайского лидера в Москву стороны подписали совместное заявление о расширении стратегического взаимодействия в сфере обороны, в том числе по линиям обмена разведданными, кибербезопасности, координации логистики и совместного использования инфраструктурных объектов [\[13\]](#). Это заявление официально зафиксировало намерение двух стран укреплять оборонную устойчивость в условиях формирования «новой многополярной архитектуры безопасности».

Тем не менее, эксперты отмечают отсутствие формализованного военного союза. Россия и Китай сохраняют стратегическую автономию и избегают взаимных обязательств, аналогичных НАТО. Такое партнёрство можно охарактеризовать как асимметричную, но стабильную стратегическую координацию, не направленную формально против третьих стран, но объективно способствующую сдерживанию американского влияния.

Для наглядного представления ключевых этапов эволюции двустороннего военного взаимодействия представим краткую хронологическую таблицу, отражающую основные

события и документы, оказавшие решающее влияние на формирование современной модели сотрудничества:

Таблица 1. Этапы эволюции двустороннего военного сотрудничества России и Китая (1950–2025 гг.)

Период	Этап и ключевые события	Основные документы / инициативы
1950–1959	Союзнический период: подписание Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи (14.02.1950); масштабная военная помощь СССР КНР, передача технологий и обучение офицеров НОАК	Договор 1950 г.; программы военной помощи и подготовки кадров
1960–1978	Период разрыва и конфронтации: идеологические разногласия, вооружённые инциденты на границе, включая конфликт на острове Даманский (1969)	Прекращение советской помощи; пограничные вооружённые конфликты
1989–1994	Этап нормализации: визит М. Горбачёва в Пекин (1989); восстановление диалога и снижение военной напряжённости	Соглашение о военном сотрудничестве (1993); Соглашение о предотвращении опасных военных действий (1994)
1996–1997	Институционализация доверия: установление демилитаризованной зоны вдоль границы, ограничение тяжёлого вооружения	Шанхайское соглашение (1996); Московское соглашение (1997)
1990-е – начало 2000-х	Возобновление военно-технического сотрудничества: поставки вооружений и технологий	Контракты на Су-27, С-300, подводные лодки, авиационные двигатели
2001	Переход к стратегическому партнёрству	Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве (2001)
2005–2020	Период регулярных совместных учений и укрепления координации	Учения «Мирная миссия» (ШОС); «Морское взаимодействие»
2022–2025	Углубление стратегического сотрудничества, включая совместные патрули, обмен опытом и расширение оборонного взаимодействия	Учения «Security Belt-2025» (с Ираном); Совместное заявление о расширении стратегического взаимодействия (май 2025)

Источник: составлено автором

Историческая динамика военного сотрудничества между Россией и Китаем демонстрирует поступательную трансформацию от идеологического союзничества к pragmatическому стратегическому партнёрству. Если в 1950-е годы основой взаимодействия была идеологическая близость и военно-техническая зависимость Китая от СССР, то в XXI веке отношения приобрели институционально оформленный и взаимодополняющий характер. Опыт конфронтации 1960–1970-х годов способствовал формированию культуры

стратегической осторожности и взаимного уважения, что позволило сторонам выстроить устойчивые механизмы доверия и транспарентности в 1990-е годы. Современный этап характеризуется акцентом на совместных учениях, обмене военным опытом, координации в сфере безопасности и укреплении оборонного потенциала без заключения формального союзного договора. Такая модель сотрудничества отражает стремление России и Китая к сохранению стратегической автономии при одновременном укреплении многоуровневой архитектуры безопасности в Евразии.

Современные формы и направления российско-китайского военного взаимодействия

Современное российско-китайское военное сотрудничество представляет собой сложную и многомерную систему, сочетающую практические, технологические и институциональные аспекты. Его развитие происходит на фоне глобальной трансформации системы международных отношений, где ключевыми тенденциями стали эрозия американской гегемонии, рост значения региональных коалиций и возрастание роли «гибких» форм стратегического партнёрства. В этом контексте взаимодействие Москвы и Пекина в военной сфере можно рассматривать как инструмент не только укрепления национальной безопасности, но и формирования альтернативной модели международной стабильности модели, основанной на принципах равноправия, невмешательства и стратегической автономии.

Совместные военные учения одна из наиболее динамичных форм взаимодействия России и Китая, отражающая постепенное превращение двустороннего партнёрства из политico-декларативного в практическое. С 2005 года в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) регулярно проводятся антитеррористические учения серии «Мирная миссия», в которых принимают участие вооружённые силы обеих стран. Их цель не только отработка совместных боевых действий против условного противника, но и демонстрация способности координировать усилия в области борьбы с транснациональными угрозами, включая экстремизм и сепаратизм.

Эти учения имеют ярко выраженный политico-стратегический характер: они укрепляют доверие между странами-участницами ШОС, но при этом транслируют сигнал внешним акторам о формировании на евразийском пространстве альтернативного центра силы. По мнению ряда китайских исследователей Ван Хайюнъ, регулярность и расширение масштабов данных манёвров свидетельствуют о постепенном «обучении» России и Китая стратегической совместимости, что в перспективе формирует устойчивую инфраструктуру безопасности нового типа [\[14\]](#).

Немаловажное значение приобрели и морские манёвры «Морское взаимодействие», проводимые с 2012 года в различных акваториях от Японского и Восточно-Китайского морей до Балтики и Аравийского моря. Эти учения выходят далеко за рамки демонстрации силы: они отражают стремление двух стран развивать навыки оперативной совместимости флотов, координировать действия при защите морских коммуникаций и проводить комплексные операции по противолодочной обороне, десантированию и эвакуации. Участие кораблей России в учениях в Южно-Китайском море имеет дополнительное значение, так как оно демонстрирует политическую поддержку позиции Китая в регионе, одновременно подтверждая стремление Москвы укреплять присутствие в Индо-Тихоокеанском пространстве.

В последние годы особое внимание уделяется совместным патрулированиям стратегической авиации и обмену опытом в сфере кибербезопасности и космических

технологий. С 2023 года фиксируются пролёты российских и китайских бомбардировщиков над Японским морем и Восточно-Китайским морем, что трактуется аналитиками как демонстрация растущей оперативной координации. Эти действия представляют собой своеобразный индикатор перехода от символического взаимодействия к реальной интеграции элементов военного планирования, пусть и в ограниченных рамках.

Таким образом, регулярные учения и обмен опытом не только укрепляют техническую совместимость армий, но и формируют особый тип практической дипломатии безопасности, где военные манёвры выполняют функцию политического послания подтверждения готовности к координации без создания формального альянса.

Военно-техническое взаимодействие России и Китая наиболее устойчивое и материально ощутимое направление партнёрства. В 1990-е и начале 2000-х годов именно поставки вооружений стали фундаментом восстановления доверия после десятилетий конфронтации. Россия передала Китаю истребители Су-27 и Су-30, зенитно-ракетные комплексы С-300 и С-400, подводные лодки, авиационные двигатели и радиолокационные системы. Эти поставки сыграли ключевую роль в модернизации Народно-освободительной армии Китая (НОАК) и обеспечили Пекину технологический задел для собственных разработок.

Однако с середины 2010-х годов характер взаимодействия изменился. Китай превратился из импортёра вооружений в партнёра по совместным разработкам, что отражает новый баланс в двусторонних отношениях. Совместные проекты в области авиации, двигателестроения, кибербезопасности и противовоздушной обороны демонстрируют переход от иерархической модели (где Россия выступала донором технологий) к партнёрской модели инновационного обмена [\[15\]](#).

Это изменение имеет двойственный эффект. С одной стороны, оно усиливает паритет и взаимную заинтересованность сторон, создавая устойчивую платформу технологического сотрудничества. С другой вызывает осторожность в российском экспертном сообществе, опасающемся утраты конкурентных преимуществ в сфере оборонных технологий. Тем не менее, Китай рассматривает сотрудничество с Россией как стратегический способ компенсировать ограниченный доступ к западным технологиям, а Москва как возможность поддерживать оборонно-промышленный комплекс и укреплять свои позиции на азиатских рынках вооружений.

Особое место занимает военное образование и подготовка кадров. Китайские офицеры проходят стажировки в российских академиях, а российские специалисты участвуют в консультациях по вопросам военного планирования. Это не просто обмен опытом, а механизм передачи стратегической культуры и управленческих традиций. Таким образом, военно-техническое сотрудничество трансформируется в комплексную систему обмена знаниями, где взаимное обучение становится элементом стратегического сближения.

Институционализация российско-китайского военного партнёрства стала важнейшим фактором его устойчивости. Центральную роль играет Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), выступающая как площадка для координации политики безопасности и выработки общих стандартов в сфере военного взаимодействия [\[16\]](#). В отличие от НАТО, ШОС не является военно-политическим блоком, однако выполняет функции координационного центра, где решения принимаются на основе консенсуса и уважения суверенитета участников.

Для Москвы и Пекина это особенно важно, поскольку позволяет избегать асимметричных обязательств, сохраняя при этом высокий уровень координации. Совместные заседания министров обороны, подкомиссий по кибербезопасности, техническому сотрудничеству и подготовке кадров формируют институциональную архитектуру доверия, позволяющую странам вырабатывать согласованные позиции по вопросам региональной и глобальной безопасности.

Кроме того, двусторонние комитеты по военному сотрудничеству, ежегодные взаимные визиты министров обороны и встречи на уровне генеральных штабов создают плотную сеть коммуникаций, которая минимизирует риски недопонимания и усиливает прозрачность. Именно эта институциональная устойчивость делает российско-китайское военное взаимодействие отличным от большинства постсоветских союзных форматов, которые нередко остаются декларативными.

Таким образом, специфика российско-китайской модели заключается в сочетании гибкости и стратегической глубины. Отказ от формального союзного договора не является проявлением недоверия, а, напротив, отражает осознанную установку на «партнёрство без зависимости», позволяющее двум державам сохранять стратегическую автономию при сохранении согласованной внешнеполитической линии. Такая модель может рассматриваться как прообраз новой формы международной военной кооперации в условиях многополярности сотрудничества не по линии обязательств, а по линии совпадения интересов.

Роль российско-китайского военного сотрудничества в формировании многополярного мирового порядка

Российско-китайское военное сотрудничество, оформившееся в конце XX — начале XXI века как одна из ключевых составляющих стратегического партнёрства двух держав, оказывает заметное влияние на процесс формирования многополярного мирового порядка. Этот процесс следует рассматривать не как механическое перераспределение сил, а как структурную трансформацию самой международной системы, где военная координация России и Китая играет роль стабилизирующего, а иногда и компенсаторного фактора по отношению к западноцентричной модели глобальной безопасности.

В первую очередь, двустороннее взаимодействие России и Китая формирует новое стратегическое равновесие в Евразии и Азиатско-Тихоокеанском регионе. После окончания холодной войны архитектура безопасности оставалась ориентированной на США и их союзников, что выражалось в расширении НАТО, военном присутствии США в Японии и Южной Корее, а также в попытках контроля над Центральной Азией через операции в Афганистане. В этих условиях координация между Москвой и Пекином стала естественным ответом на односторонность западных подходов. Совместные военные учения, включая серии «Мирная миссия» и «Морское взаимодействие», представляют собой не только демонстрацию силы, но и стратегический инструмент сдерживания, направленный на стабилизацию регионального баланса. Их значение заключается не в прямом противостоянии США и НАТО, а в утверждении идеи, что ни одна держава не обладает монополией на определение правил безопасности в Евразии.

Важно отметить, что в основе подобного подхода лежит концепция «многополярности», которую активно развивает российская и китайская дипломатическая мысль [\[17\]](#). Согласно этой концепции, равновесие сил должно основываться не на соперничестве, а на координации автономных центров силы, обладающих собственной культурной и цивилизационной идентичностью. Россия, как военная держава с глобальным опытом

стратегического планирования, и Китай, обладающий растущим экономическим и технологическим потенциалом, формируют модель взаимодействия, где военная кооперация становится элементом не экспансии, а самосохранения инструментом защиты суверенитета в условиях давления со стороны Запада.

Существенным следствием российско-китайского военного сближения стало постепенное размывание монополии западных военно-политических альянсов. Расширение практик двусторонних и многосторонних учений, совместные инициативы по борьбе с терроризмом и киберугрозами, взаимодействие в рамках ШОС и БРИКС всё это создаёт альтернативные форматы коллективной безопасности. При этом важно подчеркнуть, что Россия и Китай не стремятся копировать натовскую модель взаимных обязательств. Их формат сотрудничества строится на принципе гибкости и отказе от обязательств, которые могли бы ограничивать стратегическую автономию сторон. Таким образом, речь идёт о формировании новой модели безопасности, выходящей за рамки традиционных военно-политических союзов, в которой устойчивость обеспечивается не юридическими гарантиями, а взаимным доверием, практической совместимостью и совпадением геополитических интересов.

С точки зрения международных теорий, подобная модель ближе всего к неореалистической концепции баланса сил, но с элементами конструктивистского подхода [\[18\]](#). Если традиционный реализм трактует военные союзы как инструмент выживания в анархической системе, то в случае России и Китая речь идёт о выстраивании нормы стратегического равенства. Это своеобразная «реалистическая многополярность» (realistic multipolarity), в которой военная мощь служит не средством давления, а гарантией политического плюрализма. Таким образом, российско-китайская координация не разрушает глобальный порядок, а способствует его структурному усложнению, создавая условия для появления нескольких центров силы с различными, но совместимыми интересами.

Отдельного внимания заслуживает влияние российско-китайского взаимодействия на стабильность Центральной Азии. После вывода войск НАТО из Афганистана и обострения региональных рисков именно Москва и Пекин стали ключевыми гаранторами безопасности этого стратегического пространства. Через механизмы ШОС реализуются совместные операции по обмену разведданными, учения по борьбе с транснациональными угрозами, а также проекты по укреплению оборонного потенциала приграничных государств. Сочетание экономической активности Китая в рамках инициативы «Один пояс, один путь» и военной инфраструктуры России в регионе создаёт уникальный симбиоз «геополитический дуэт стабильности», где экономические и военные инструменты взаимно дополняют друг друга.

В глобальном контексте российско-китайское военное сотрудничество способствует укреплению концепции многополярного мира, основанного на признании культурной и политической диверсификации. Принцип суверенного равенства, активно продвигаемый обеими странами, становится идеологическим противовесом универсалистскому либеральному дискурсу Запада. При этом речь идёт не о создании антагонистического блока, а о попытке институционализировать многообразие мирового порядка, где каждое государство имеет право на самостоятельное определение своей модели безопасности.

С философской точки зрения, можно утверждать, что российско-китайское взаимодействие в военной сфере воплощает переход от униполярной логики контроля к многополярной логике равновесия [\[19\]](#). В отличие от системы, основанной на «жёсткой» гегемонии, современная модель сотрудничества демонстрирует возможность

гармоничного сосуществования различных центров силы при условии взаимного уважения и отказа от вмешательства. В этом контексте Россия и Китай становятся не только участниками, но и архитекторами новой системы международных отношений, где военная мощь обретает смысл не как средство доминирования, а как гарантия стратегической автономии и баланса интересов.

Таким образом, российско-китайское военное сотрудничество можно рассматривать как один из фундаментальных механизмов перехода к многополярному миру. Его геополитическое значение заключается не в формировании нового блока против Запада, а в создании более устойчивой архитектуры глобальной безопасности, где взаимодействие строится на принципах взаимного признания, транспарентности и стратегического равенства. Эта модель, опирающаяся на исторический опыт, институциональные механизмы и идею цивилизационного плюрализма, формирует концептуальную основу для будущего международного порядка, в котором глобальное управление перестаёт быть прерогативой одного центра силы.

Заключение

Проведённое исследование показало, что российско-китайское военное сотрудничество является не просто элементом двусторонних отношений, а значимым фактором трансформации глобальной архитектуры безопасности. Его специфика заключается в сочетании стратегического прагматизма и концептуальной направленности на формирование многополярного мирового порядка, основанного на суверенном равенстве и балансе сил.

Военная координация России и Китая демонстрирует, что современная система международных отношений способна развиваться за пределами евроатлантической модели. Совместные учения, военно-техническое взаимодействие и механизмы диалога в рамках ШОС формируют альтернативный формат обеспечения безопасности гибкий, внеблоковый и основанный на доверии. Эта модель не направлена против третьих сторон, а служит укреплению региональной стабильности и снижению рисков конфронтации, особенно в Евразии и Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Одним из ключевых результатов анализа стало выявление того, что российско-китайское сотрудничество способствует диверсификации центров военной и политической силы, тем самым снижая монополию Запада на интерпретацию норм международного права и принципов безопасности. Оно не создаёт нового блока, но формирует пространство стратегического плюрализма, где различные государства могут выстраивать отношения, исходя из собственных интересов и идентичностей. В этом проявляется сущность многополярности не в количественном увеличении центров силы, а в качественном изменении логики взаимодействия между ними.

Кроме того, исследование подтвердило, что российско-китайская военная кооперация имеет нормативное значение: она укрепляет такие принципы, как невмешательство, уважение к суверенитету, равноправие государств и отказ от универсализма в сфере безопасности. Эти принципы находят отклик среди стран Глобального Юга и становятся идеологической основой альтернативной модели международного порядка, где безопасность понимается как коллективная, а не навязанная извне категория.

Таким образом, российско-китайское военное сотрудничество выполняет функцию стабилизатора в условиях мировой турбулентности. Оно не только усиливает оборонный потенциал двух стран, но и способствует институциональному оформлению многополярности как структурного принципа XXI века. С этой точки зрения, военное

взаимодействие России и Китая, это не реакция на кризис существующей системы, а осознанная попытка построить новую конфигурацию международной стабильности, где баланс интересов и взаимное признание становятся ключевыми гарантиями мира.

Итогом исследования стало понимание того, что роль российско-китайского военного сотрудничества заключается не в противостоянии существующим центрам силы, а в сбалансировании и гармонизации глобального порядка. Оно способствует формированию международной среды, в которой отношения между государствами развиваются не по логике доминирования и конфронтации, а по логике координации, взаимного признания и стратегического доверия. В этом проявляется его главная стратегическая и концептуальная ценность для современного мира: российско-китайское партнёрство становится одним из ключевых инструментов институционализации многополярности и укрепления принципов равноправного международного взаимодействия.

В перспективе дальнейшие исследования могут быть направлены на оценку влияния российско-китайского военного сотрудничества на глобальные режимы безопасности, анализ его восприятия в странах Глобального Юга, а также изучение влияния новых технологий кибербезопасности, искусственного интеллекта и космических систем на характер двусторонней военной координации. Такой подход позволит более полно осмыслить потенциал российско-китайского взаимодействия как одного из структурообразующих факторов будущей системы международных отношений.

Библиография

1. Дунсюй Ч. Региональные и глобальные аспекты военно-политического сотрудничества между Россией и Китаем в 1991–2020 годах // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2023. – № 2. – С. 98-102.
2. Ли В.Н. Стратегическое партнерство России и Китая в военно-морской сфере // Международные отношения. 2024. № 3. С. 16-27. DOI: 10.7256/2454-0641.2024.3.71262 EDN: ZYFHFA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71262
3. Колдунова Е. В. Военная дипломатия Японии, Китая и России в Юго-Восточной Азии: стратегии и тактика реализации // Японские исследования. – 2024. – № 1. – С. 111-125. DOI: 10.55105/2500-2872-2024-1-111-125
4. Арчугова А. С., Пономаренко Л. В. Российско-китайское сотрудничество в военной области по материалам газеты "Жэньминь жибао" в 2014–2022 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. – 2023. – Т. 15, № 4. – С. 443-462. DOI: 10.22363/2312-8127-2023-15-4-443-462
5. Дунсюй Ч. Военно-политическое сотрудничество между Россией и Китаем в 1991–2020 гг. // Казачество. – 2022. – № 63(6). – С. 91-96.
6. Харичкин И. К., Навдаева М. Е. Российско-китайское военно-морское сотрудничество в условиях геополитической напряжённости в мире // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2024. – Вып. 49. – С. 55-73. DOI: 10.26516/2073-3380.2024.49.55
7. Ли В.Н. Взаимодействие России и Китая в военно-технической области: особенности и тенденции // Конфликтология / nota bene. 2025. № 1. С. 65-74. DOI: 10.7256/2454-0617.2025.1.73872 EDN: SYXBOG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73872
8. Явчуновская Р. А., Полончук Р. А. Российско-китайское сотрудничество в сфере обороны и безопасности: достижения, вызовы, управленческие аспекты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное

- управление. – 2024. – Т. 11, № 3. – С. 374-381. DOI: 10.22363/2312-8313-2024-11-3-374-381
9. Явчуновская Р. А., Абдрахимов Л. Г. Потенциал международного сотрудничества в военной сфере в национальных интересах России и Китая // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2023. – Вып. 18-1. – С. 298-300.
10. Chinese and Russian Warplanes Patrol the Pacific in a Show of Strengthening Military Ties // TIME Magazine. – Декабрь 2024 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://time.com/6237811/russia-china-bomber-patrol-military/> (дата обращения: 31.05.2025).
11. China-Iran-Russia "Security Belt 2025" Naval Exercise Wraps Up // China Military Online. [Электронный ресурс]. – URL: http://eng.chinamil.com.cn/CHINA_209163/Exchanges/News_209188/16375043.html (дата обращения: 31.05.2025).
12. Russia Is Helping Prepare China to Attack Taiwan, Documents Suggest // The Washington Post. – 26 сентября 2025 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2025/09/26/russia-china-weapons-sales-air-assault/> (дата обращения: 31.05.2025).
13. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия в новую эпоху... // Президент России. – Май 2025 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6309> (дата обращения: 31.05.2025).
14. Ван Хайюнь. Семьдесят лет российско-китайских военных отношений: итоги и размышления // Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии. – 2019. – № 4. – С. 37-48.
15. Ребкало А. П. Российско-китайские отношения (1991–2021 гг.): дипломная работа. – Минск: Белорусский государственный университет, 2022. – URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/283879> (дата обращения: 31.05.2025).
16. Дэн Хао. Новые изменения в Шанхайской организации сотрудничества на фоне украинского кризиса и меры реагирования // Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии. – 2023. – № 3. – С. 1-19.
17. Солуянов В. С. Концепция многополярности: многообразие подходов и интерпретаций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2021. – Т. 23, № 3. – С. 424-445. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-424-445
18. Зобнин А. К. К определению принципа баланса сил: опыт неоинституционального подхода к международной среде // Международные процессы. – 2025. – Т. 12, № 3. – С. 55-73.
19. Дегтерев Д.А., Худайкулова А.В. Баланс сил в международно-политической науке: теоретические концепции и прикладной анализ // Национальная безопасность / nota bene. 2018. № 1. С. 1-12. DOI: 10.7256/2454-0668.2018.1.25193 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=25193

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия скрыта по просьбе автора

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Тимофеева Р.А., Чумак Р.Н. Опытно-конструкторские работы конструкторского бюро инженера Кондакова 1932–1938 годов (кроме авиационных и динамореактивных орудий) // Genesis: исторические исследования. 2025. № 10. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.10.72334 EDN: JNCKEO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72334

Опытно-конструкторские работы конструкторского бюро инженера Кондакова 1932–1938 годов (кроме авиационных и динамореактивных орудий)

Тимофеева Римма Александровна

ORCID: 0000-0002-9051-0391

кандидат искусствоведения

доцент; кафедра истории и теории искусства; Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

194064, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29, корпус 2, кв. 32

 rimma.a.timofeeva@gmail.com

Чумак Руслан Николаевич

кандидат технических наук

Начальник отдела фондов; Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи

197046, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Александровский Парк, 7

 rimmaa@gmail.com

[Статья из рубрики "История науки и техники"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.10.72334

EDN:

JNCKEO

Дата направления статьи в редакцию:

14-11-2024

Дата публикации:

02-11-2025

Аннотация: Предметом исследования в данной статье является проектно-

конструкторская деятельность конструкторского бюро инженера Михаила Николаевича Кондакова (г. Ленинград) в период 1932–1938 гг. в контексте формирования отечественной научной школы проектирования вооружения. Дается общая характеристика основных направлений разработок конструкторского бюро в области стрелково-пушечного вооружения (кроме авиационных и динамореактивных орудий). Выявляются главнейшие научно-исследовательские работы и опытно-конструкторские разработки указанного периода и выполняется их описание. Анализируются разработки универсальных орудий, автоматических пушек (кроме авиационных), тяжелого пехотного вооружения, образцы самоходной артиллерии и перечисляются другие проекты (дульные газодинамические устройства, образцы казематного вооружения, образцы индивидуальной бронезащиты и другие), детальная проработка которых относится к следующему периоду деятельности конструкторского бюро в 1940-е годы. Комплекс использованных методов включал в себя обработку архивных материалов, историко-научный анализ основополагающих трудов по теме и сравнительно-исторический метод. Анализ деятельности конструкторского бюро инженера Кондакова периода 1932–1938 гг. и выявление его роли в развитии отечественной школы проектирования стрелково-пушечного вооружения не получило сколь-нибудь значимого освещения в отечественном оружиеоведении. Причиной такого положения дел является значительная разрозненность архивной документации по данной теме и фрагментарная степень сохранности в различных музейных собраниях образцов опытно-конструкторских работ. На основании вновь выявленных сведений в статье впервые выстроен тематический ряд разработок конструкторского бюро инженера Кондакова 1932–1938 гг. Выявлена роль данной организации для развития отечественного вооружения в довоенный период. Благодаря введению в научный оборот ранее не публиковавшейся и рассекреченной в начале 2020-х годов отчетной и конструкторской документации, становится возможным последовательное изучение деятельности КБ Кондакова, в частности, расширение представлений об одном из ключевых этапов формирования отечественной научной школы проектирования стрелково-пушечного вооружения.

Ключевые слова:

история оружия, проектирование вооружения, 1930-е гг., конструкторское бюро, М. Н. Кондаков, автоматические пушки, безоткатные пушки, динамореактивные пушки, универсальные пушки, самоходная артиллерия

Данная статья посвящена общей характеристике проектно-конструкторской деятельности «Конструкторского бюро инженера Кондакова» (КБ Кондакова, КБ-КОН) 1932–1938 гг. Рассматриваются основные направления разработок в области стрелково-пушечного вооружение (кроме авиационных и динамореактивных орудий).

Деятельность КБ Кондакова до недавнего времени оставалась за рамками отечественной историографии. В обобщающих работах отечественных исследователей отсутствовали даже упоминания основополагающих разработок данной организации [1; 2]. Публикации популярного характера [3], не имеющие научно-справочного аппарата, к сожалению, содержали неточности и носили фрагментарный характер. В то время как последовательное изучение деятельности данной проектно-конструкторской организации позволяет проследить основные этапы формирования отечественной научной школы проектирования стрелково-пушечного вооружения, начиная с 1920-х годов.

Благодаря введению в научный оборот ранее не публиковавшейся и рассекреченной в начале 2020-х годов отчетной и конструкторской документации, становится возможным всесторонний анализ научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ конструкторского бюро инженера Кондакова.

Основное содержание опытно-конструкторских работ КБ Кондакова в период 1932–1938 годов было связано с проектированием автоматического артиллерийского вооружения авиации и с «вопросами автоматизации средних калибров» [\[4, л. 16 об.\]](#), данная сфера рассматривалась в ряде публикаций [\[5; 6\]](#). Безусловно, значимым было направление проектирования динамореактивных орудий, что нашло отражение в отработке теории ДРП в рамках НИР кафедры внутренней баллистики Артиллерийской академии. Объективные причины сворачивания этого направления, связанные с личностью Л. В. Курчевского и особенностями его работ в области создания орудий данного типа, заслуживают отдельного исследования.

Тем не менее, иные направления работ конструкторского бюро инженера Кондакова представляют особый интерес, так как позволяют наглядно продемонстрировать разнообразие решаемых здесь задач. Широкий профиль и высокая научная сложность разработок стала результатом, к которому пришла отечественная школа проектирования стрелково-пушечного вооружения, благодаря развитию связей с профильными учебными заведениями и изменениям, произошедшим в промышленности за период 1930-х годов.

Универсальные орудия

1930-е годы являются важным периодом в развитии многих видов вооружения, в том числе орудий полевой артиллерии. Одним из направлений работы отечественных конструкторов-артиллеристов в то время было создание 76-мм универсальных полевых дивизионных пушек, способных вести стрельбу как по наземным, так и по воздушным целям. К разработке орудий данного типа привлекались различные артиллерийские КБ. Несколько проектов таких орудий представлялись и от Артиллерийской академии [\[7, л. 155\]](#): конструкции Засосова в виде дипломного проекта, вариант «ДУК» в виде эскизного проекта, разработанного под руководством Кондакова в 1933 году и проект «УДП», разработанный под руководством инженера Толочкива (доработка варианта Засосова) (по отношениям Артиллерийской академии №0072cc от 19 ноября 1933 года, №076c от 11 января 1934 года и №01124c от 10 июня 1934 года соответственно).

Проект Кондакова был разработан Артиллерийской академией в инициативном порядке и представлен в Главное артиллерийское управление (ГАУ) РККА для обсуждения на Пленуме 7–10 мая 1933 года, где он рассматривался вместе с проектами орудий аналогичного типа, разработанными Артиллерийским научно-исследовательским институтом (АНИИ), а также заводами №38 и «Красный Путиловец» [\[8, л. 136\]](#). Орудие, предложенное Кондаковым, имело качающуюся часть, заимствованную из проекта 76-мм зенитной пушки, разработанной Артиллерийской академией в 1931 году, значительно превышенную по сравнению с техническими требованиями баллистику и обладало рядом конструктивных особенностей: переменная высота оси цапф в зависимости от углов возвышения, трехстанинnyй лафет с подъемной передней ногой, вдвигаемой в нижний станок на походе (это производилось автоматически при сведении двух задних станин) и др. [\[8, л. 147\]](#). Основные характеристики проекта 76-мм дивизионной универсальной пушки ДУК конструкции Кондакова приведены в таблице 1.

Таблица 1. Основные характеристики 76-мм дивизионной универсальной пушки ДУК

конструкции Кондакова (проект)

Начальная скорость снаряда весом 7,1 кг	805 м/с
Полная длина ствола орудия	3409 мм (45 клб.)
Вертикальный обстрел	-3° +75°
Горизонтальный обстрел	-80° – 360°
Масса в боевом положении	2350 кг (без оси с колесами)

По итогам обсуждения проектов универсальных дивизионных пушек, 9 мая 1933 года комиссия приняла решение к 15 июля того же года произвести переработку проекта Кондакова «в целях получения дополнительного решения по универсальным пушкам». За проявленную инициативу и для возмещения всех расходов по разработке предполагалось выдать КБ-КОН вознаграждение в размере 4000 рублей.

Дальнейшее развитие проекта универсальной пушки Кондакова предполагалось вести в направлении увеличения ее дивизионных качеств (стрельба с колес вместо использования предусмотренной ранее специальной опускаемой на землю опоры – «башмака») и уменьшения массы в боевом положении (на момент обсуждения масса в боевом положении составляла 2350 кг, в походном – 2670 кг) [\[7, л. 162\]](#). Внесенные впоследствии в проект пушки корректировки касались уменьшения начальной скорости снаряда (710 м/с вместо 805 м/с), произошел отказ от тумбы с переменной высотой оси цапф и был переработан механизм перевода орудия из походного в боевое положение и пр. [\[7, л. 155 об.\]](#).

45-мм автоматическая пушка АКОН-45

После рассмотрения в ГАУ в 1934 году проекта 45-мм пушки МЮЦ-17 конструкции М. Ю. Цирульникова, был объявлен конкурс на создание качающейся части 45-мм автоматической пушки с возможностью ее установки на универсальный или самоходный лафет. Задание на ее разработку было направлено в профильные организации – Артиллерийскую академию, АНИИ, ИНЗ №2, завод №8, Тульский оружейный завод и завод «Красный Путиловец» (г. Ленинград). Участвовало в этой работе и КБ-КОН с 45-мм автоматической пушкой Кондакова АКОН-45 с газоотводной автоматикой. Пушка изначально проектировалась под штатный 45-мм бронебойный патрон, но в дальнейшем, по отношению начальника Научно-технического отдела Артиллерийского управления (НТО АУ) РККА бригадинженера Л. М. Железнякова, к ней был разработан новый 45-мм патрон с осколочным снарядом, ранее спроектированным в АНИИ для пушки ГК-45 [\[9, л. 82\]](#) и специальной гильзой конструкции ОКБ. Работы по разработке новых образцов проводились отделом боеприпасов АНИИ и были достаточно масштабны. Акцент был сделан, как и ранее, на выработку наиболее рациональных конструкциях и параметрах боеприпасов. Эта гильза имела практически ту же длину что и гильза штатного 45-мм патрона, но обладала большей бутылочностью и конусностью корпуса, что способствовало ее оптимальному функционированию в автоматическом оружии. Снаряд имел массу 1,2 кг и был снабжен измененным по габаритам взрывателем В-105. М. Н. Кондаков посчитал целесообразным внесение ряда изменений в систему орудия. По невыясненным причинам вместо предполагаемого образца осколочного снаряда КБ получило осколочно-фугасный снаряд, который был длиннее штатного на 40 мм (масса 1,44 кг, взрыватель Рдултовского), что задержало предварительную отладку автомата стрельбой. Пушка АКОН-45 проектировалась до 1938 года, причем в процессе работ ее

конструкция подверглась различными изменениями, в 1937 году разрабатывался также проект ее установки в танках Т-26 (технические требования на проектирование 45-мм универсальной полуавтоматической самоходной пушки на шасси Т-26 были утверждены НТУ ГАУ в 1934 году) [\[10, л. 163–164\]](#) и Т-46 [\[11, л. 118\]](#).

К 1936 году относится разработка упрощенного варианта пушки АКОН-45, оснащенной мощным дульным тормозом [\[12, л. 123\]](#). Данная работа выполнялась конструкторским бюро Кондакова с опорой на теоретическое исследование В. Е. Слухоцкого [\[13, л. 36\]](#). Планом работ АНИИ предусматривалось исследование возможности оснащения дульными тормозами и других пушек Кондакова, в том числе, 37-мм автомата АКТ-37. Исследования дульных тормозов, проводившиеся в КБ-КОН, отражали один из путей решения актуальной для 1930-х годов задачи создания мощных автоматических пушек с параметрами отдачи, допускающими их установку на легкие самоходные носители.

Тяжелое пехотное вооружение: 37-мм противотанковое ружье

В области тяжелого пехотного вооружения, разрабатывавшегося в КБ Кондакова, достаточно интересным является проект противотанковой пушки – т. н. 37-мм противотанкового ружья с выкатом. Особенностью образца являлась организация выстрела во время движения ствола вперед в накате [\[14, л. 1\]](#). Такое решение позволяло существенно снизить отдачу при выстреле и уменьшить общий вес образца. ПТР разрабатывалось в рамках опытных и научно-исследовательских работ, законченным к весне 1936 года, при этом образец ружья был изготовлен в июне того же года [\[12, л. 155\]](#). Снаряд, под который первоначально создавалось ружье, впоследствии предполагалось заменить новым, ввиду неудовлетворительных бронепробивающих свойств снаряда первоначального образца (договор на опытный заказ в 500 штук гильз нового образца №2061 от 2 ноября 1936 года) [\[15, л. 68–73\]](#). Полигонные испытания 37-мм ПТР были запланированы на май 1937 года, но они так и не состоялись по причине недопуска ружья из-за его чрезмерной массивности и признания принципа выката опасным в обращении [\[16, л. 19\]](#).

Самоходная артиллерия

Следующее направление деятельности КБ-КОН было связано с созданием техники для мотомеханизированных и танковых войск, в частности – самоходной артиллерии. По итогам работ 3-го отдела научно-технического управления (НТУ) ГАУ за 1932 год за Артиллерийской академией РККА значится ряд конструкторских разработок данного вида вооружений, в числе которых есть самоходные артиллерийские установки [\[17, л. 126\]](#). В частности, 1932 годом датированы чертежи проекта САУ на базе танка Т-28 [\[18, л. 5\]](#), отличающейся от известных проектов и построенных САУ вооружением и бронированием. САУ имела открытую сверху бронированную рубку с установленной в ней 152-мм мортикой образца 1931 года «НМ» и два курсовых пулемета ДТ. Описание и тактико-технические характеристики этой установки на данный момент не обнаружены, но характер вооружения и бронезащиты позволяет предположить, что проект отражал перспективное направление развития самоходных артиллерийских установок, предназначенных для непосредственного участия в бою. Машины такого типа (штурмовые орудия) впервые появились в Германии в конце 1930-х годов и положительно зарекомендовали себя в сражениях Второй Мировой войны. Однако проект орудия данного типа, созданный в СССР и существенно опередивший немецкие разработки, развития не получил.

Другие работы КБ Кондакова исследуемого периода

Помимо разработки образцов вооружения, по заданиям ГАУ КБ Кондакова совместно с АНИИ вело работы по созданию отдельных частей к артиллерийским орудиям, разрабатываемым или модернизируемым в изучаемый период. Например, в середине 1930-х годов по заданию ОМА АУ в АНИИ выполнялось научное обоснование и расчет различных дульных газодинамических устройств. В частности, по плану на 1936 год в рамках научно-исследовательской работы проводилось изучение возможности создания дульных тормозов с наибольшим коэффициентом поглощения. Эта работа велась с опорой на теоретическое исследование воен инженера В. Е. Слухоцкого I отделом и иными структурными подразделениями АНИИ, при этом сотрудники КБ Кондакова также принимали в ней непосредственное участие. Инженером Е. С. Рашковым был предложен вариант дульного тормоза с перекрывающимися заслонами. А. А. Толочков разработал образцы дульных тормозов к 76-мм орудиям – к пушке 1931 года и др. – вопрос, который в то время имел особенно важное значение.

Конструкторские интересы инженера Кондакова в 1930-е годы были намного шире разработок в области артиллерии. Так, в 1934 году им был предложен вариант установки оптического прицела на снайперскую винтовку, характерным отличием конструкции которого был способ крепления с использованием упругой деформации стержня для регулировки оси [\[19, л. 4\]](#). 20 кронштейнов системы Кондакова были включены в план опытных заказов АУ РККА на 1935 год для Тульского оружейного завода [\[20, л. 7\]](#), но сведения об их изготовлении пока не выявлены.

Также в 1932–1938 годах в КБ Кондакова велось проектирование средств индивидуальной бронезащиты, образцов казематного вооружения (наиболее ранний по времени проект – спаренная установка 45-мм танковой пушки и 7,62-мм пулемета в долговременной огневой точке) и гладкоствольных орудий (протокол №3 от 9 августа 1941 года совещания подкомиссии академика Семенова Н. Н. «О работе по оборонным темам НИИ-13» пункт 7, Предложение №168) [\[21, л. 17\]](#) для стрельбы оперенными снарядами-минами на короткие дистанции с большой начальной скоростью.

Выводы

Как отмечало ранее [\[5\]](#), основное содержание опытно-конструкторских работ КБ Кондакова в период 1932–1938 годов было связано с проектированием автоматического артиллерийского вооружения авиации и с «вопросами автоматизации средних калибров» [\[4, л. 16 об.1\]](#). Безусловно, значимым было направление проектирования динамореактивных орудий, что нашло отражение в отработке теории ДРП в рамках НИР кафедры внутренней баллистики Артиллерийской академии. Объективные причины сворачивания этого направления, связанные с личностью Л. В. Курчевского и особенностями его работ в области создания орудий данного типа, заслуживают отдельного исследования.

В целом, данный период работы КБ Кондакова можно характеризовать как крайне насыщенный научно-исследовательскими и опытно-конструкторскими работами весьма высокой сложности в совокупности со сжатыми сроками их исполнения. Однако ни один из разработанных в этот период в КБ Кондакова образцов артиллерийских орудий не вышел за переделы опытных изделий и на вооружение не принимался. Тем не менее, именно этап 1932–1938 гг. составил основу для последующей плодотворной деятельности конструкторского бюро в 1940-е гг.

Библиография

1. Болотин Д. Н. История советского стрелкового оружия и патронов. СПб.: Полигон, 1995. 303 с.
2. История отечественной артиллерии. Т.3. Артиллерия Советской Армии до Великой Отечественной войны (октябрь 1917 г. – июнь 1941 г.). Кн. 8. Советская артиллерия в период между гражданской и Великой Отечественной войнами (1921 г. – июнь 1941 г.). М. – Л., 1964. 720 с.
3. Широкорад, А. Б. Тайны русской артиллерии. Последний довод царей и комиссаров. М.: Язуа; Эксмо, 2003. 477 с.
4. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 32439. Оп. 1. Д. 249.
5. Тимофеева, Р. А., Антонов, В. А., Чумак, Р. Н. Автоматические пушки конструкторского бюро Кондакова (1930-е гг.) // Мир оружия: история, герои, коллекции. Сборник материалов XI Международной научно-практической конференции. Воронеж: Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Тульский государственный музей оружия»; АО «Воронежская областная типография», 2023. С. 50–54.
6. Тимофеева, Р. А., Антонов, В. А. Разработка вооружения ОКБ-43 в период эвакуации: к постановке вопроса // Технологос. 2024. №2. С. 87–97. DOI: 10.15593/perm.kipf/2024.2.07
7. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.). Ф. Р-1788. Оп. 29. Д. 1064.
8. ЦГА СПб. Ф. Р-1788. Оп. 29. Д. 940.
9. РГВА. Ф. 20. Оп. 38. Д. 1049.
10. РГВА. Ф. 31811. Оп. 3. Д. 248.
11. Научный архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС). Ф. 6Р. Оп. 1. Д. 126.
12. Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 6Р. Оп. 1. Д. 176.
13. Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 7Р. Оп. 7. Д. 69.
14. РГВА. Ф. 20. Оп. 38. Д. 1204.
15. Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 6Р. Оп. 1. Д. 164. Л. 118.
16. РГВА. Ф. 20. Оп. 38. Д. 2545.
17. Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 6Р. Оп. 1. Д. 741.
18. Научный архив ВИМАИВиВС. 6Р. Оп. 3. Акт 50. Д. 5.
19. Российский государственный архив (РГА) в г. Самаре. Ф. Р-1. Оп.47-5. Д. 2056.
20. Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 6Р. Оп. 1. Д. 603.
21. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб.). Ф. 25. Оп. 12. Д. 36.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

"Русская история есть неистощимый источник для всякого драматика и трагика" - так В.Г. Белинский оценивал наше родное прошлое. Помимо героизма русских солдат на поле боя - Куликовская битва, Бородино, Сталинград, - не менее важна слава русского оружия. И действительно, уже не одно десятилетие наша страна является одним из лидеров по экспорту вооружения. В этой связи вызывает важность изучение различных аспектов истории российского оружия.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является опытно-конструкторские работы конструкторского бюро инженера Кондакова 1932–1938 годов. Автор ставит своими задачами проанализировать научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы конструкторского бюро инженера Кондакова.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор отмечает, что "КБ Кондакова до недавнего времени оставалась за рамками отечественной историографии". Научная новизна заключается также в привлечении архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 20 различных источников и исследований. Источниковая база статьи представлена прежде документами из фондов Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, Российского государственного военного архива, Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга и др. Из используемых исследований укажем на труды Д.Н. Болотина и А.Б. Широкорада, в центре внимания которых находится история русского оружия. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по её теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историей русского оружия, в целом, так и русской артиллерией, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определённой логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что "содержание опытно-конструкторских работ КБ Кондакова в период 1932–1938 годов было связано с проектированием автоматического артиллерийского вооружения авиации и с «вопросами автоматизации средних калибров». В работе показано, что "широкий профиль и высокая научная сложность разработок стала результатом, к которому пришла отечественная школа проектирования стрелково-пушечного вооружения, благодаря развитию связей с профильными учебными заведениями и изменениям, произошедшим в промышленности за период 1930-х годов". Хотя автор отмечает, что "один из разработанных в этот период в КБ Кондакова образцов артиллерийских орудий не вышел за переделы опытных изделий и на вооружение не принимался", "именно этап 1932–1938 гг. составил основу для последующей плодотворной деятельности конструкторского бюро в 1940-е гг."

Главным выводом статьи является то, что

"данный период работы КБ Кондакова можно характеризовать как крайне насыщенный научно-исследовательскими и опытно-конструкторскими работами весьма высокой сложности в совокупности со сжатыми сроками их исполнения".

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а её материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале

"*Genesis: исторические исследования*".

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Уланов К.А. Молотовые мастера Екатеринбургского завода первой половины XVIII в // Genesis: исторические исследования. 2025. № 10. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.10.76261 EDN: FISBGI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76261

Молотовые мастера Екатеринбургского завода первой половины XVIII в.

Уланов Кирилл Андреевич

ORCID: 0009-0008-9781-3097

кандидат исторических наук

доцент, департамент «Исторический факультет»; Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

620000, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Тurgенева, 4, оф. 471

✉ ulanov.kir@gmail.com

[Статья из рубрики "История отдельных регионов России"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.10.76261

EDN:

FISBGI

Дата направления статьи в редакцию:

14-10-2025

Аннотация: Статья посвящена реконструкции биографий молотовых мастеров Екатеринбургского завода первой половины XVIII в. Предмет исследования – профессиональная и социальная группа молотовых мастеров Екатеринбургского завода первой половины XVIII века как ключевой элемент производственной структуры горнозаводского Урала. Исследование охватывает особенности формирования и функционирования сообщества мастеров, их трудовые и социальные отношения, условия профессионального роста. Особое внимание уделяется индивидуальным биографиям мастеров, отражающим специфику заводского быта, динамику карьерных траекторий и влияние административных и экономических факторов на положение работников. Через анализ личных судеб раскрываются закономерности развития промышленной среды и социальной организации уральских заводов XVIII века. Цель работы – реконструкция биографий представителей этой профессиональной группы и выявление факторов, определявших их социальный статус, профессиональные связи и роль в

производственном процессе. Методологическую основу составляют принципы «новой биографической истории», ориентированной на изучение индивидуальных судеб как инструмента познания социальных и культурных процессов эпохи. Новизна исследования заключается в систематизации разрозненных фактических данных о жизни и деятельности молотовых мастеров и выявлении механизмов самоуправления мастеровой среды. В ходе исследования на основе архивных документов установлены сведения и профессиональные траектории более двадцати мастеров. Проанализированы условия труда, структура мастеровых бригад, система оплаты и дисциплинарного контроля. Выявлены трудовые династии, определявшие преемственность ремесленных традиций, и элементы внутренней саморегуляции профессионального сообщества, выражавшиеся в самостоятельном выборе уставщиков и старост. Определено, что средний возраст мастера составлял около 45 лет, что отражает зрелость профессиональных кадров и устойчивость производственной среды. Полученные результаты конкретизируют социальную структуру заводского общества XVIII в., демонстрируя взаимосвязь между административным контролем и внутренней корпоративной этикой. Полученные результаты дополняют представления о социальной стратификации и трудовой культуре горнозаводского Урала XVIII в. Выводы исследования позволяют рассматривать молотовых мастеров как ключевой элемент производственной и социальной организации горнозаводского Урала, а метод «новой биографической истории» – как эффективный инструмент изучения микроисторических аспектов промышленного развития России.

Ключевые слова:

молотовые мастера, Екатеринбург, Урал, XVIII век, горнозаводское производство, Геннин, социальная структура, Татищев, биографический метод, промышленное освоение Урала

Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 24-18-00080 «Антропология горнозаводского центра: социальная стратификация раннего Екатеринбурга в 1723–1781 гг.».

Концепция «новой биографической истории» основывается на стремлении исследовать судьбы людей, не входивших в число известных исторических фигур, но чья жизнь позволяет понять социальные и культурные процессы своего времени. Как отмечает Л. П. Репина, обращение к антропологически ориентированным исследованиям, посвящённым представителям «незаметных» социальных групп — придворной даме, ремесленнику, торговцу, — демонстрирует, что биография может служить инструментом познания общества. Такой подход предполагает не описание исключительных достижений личности, а реконструкцию её жизненного опыта как отражения эпохи, раскрытие механизмов взаимодействия человека с социумом и выявление через частное — закономерностей исторического развития [\[1, с. 287-324\]](#).

Цель статьи – не только представление опыта реконструкции биографий плеяды мастеров горнозаводского Урала 1720-х – середины 1750-х гг., но и попытка исследовать социальные взаимодействия внутри профессиональной группы и факторы оказывающие влияние на социальное положение молотовых мастеров в дискурсе новой биографической истории – не затмевая профиль личности общими фразами о ее вкладе в развитие той или иной области или отрасли. Как замечает Л. П. Репина, реконструкция «истории одной жизни» может быть обозначена и в качестве стратегической цели

исследования, и в качестве средства познания того социального контекста, в котором жили и который творили люди своего времени [\[2, с. 256\]](#).

Первый специальный комплексный труд, краткий биографический справочник, посвященный деятельности на Урале представителей самых различных социальных слоев и профессий, принадлежит А. Г. Козлову [\[3\]](#). Эта работа стала первой, где основным объектом исследования стали исключительно персоналии.

Во второй половине 1990-х — начале 2000-х годов интерес к персоналиям уральской горно-металлургической истории получает новое развитие. Старт этому направлению положили труды Н. С. Корепанова, который ввёл в научный оборот значительный корпус архивных материалов, позволивших существенно расширить представления о биографиях отечественных и иностранных мастеров [\[4, 5\]](#). Последующие его работы также насыщены сюжетами жизнедеятельности многих русских и иностранных мастеров [\[6, 7\]](#).

Продолжением этого подхода стала серия биографических очерков, созданная С. И. Цеменковой [\[8, 9\]](#) и А. В. Черноуховым, чьи исследования сосредоточены на социальной истории Урала XVIII в. [\[10, 11, 12\]](#) Важный вклад в изучение жизненных траекторий горнозаводских деятелей внесла также А. М. Сафонова [\[13, 14, 15, 16\]](#). Работы этих исследователей объединяет стремление показать человека в многослойном контексте — в пространстве повседневности, профессиональных отношений и исторической эпохи. В русле этой традиции были подготовлены новые обобщающие издания: в 2022 г. — биографический справочник руководителей горнозаводской администрации первой половины XVIII в. [\[17\]](#), а в 2025 г. — справочник, посвящённый мастерам и иностранным специалистам, внёсшим вклад в развитие уральской промышленности [\[18\]](#).

Важнейшей для функционирования Екатеринбургского завода социальной группой были мастеровые люди. Их первая партия приехала на Урал вместе с В. де Генниным с Олонецких заводов. Это были русские и иностранные специалисты — мастера, подмастерья, ученики. На строительство завода на Иsetи они прибыли на сорока девяти подводах, общей численностью не менее двадцати человек. Среди них были представители разных направлений производства: плавильные, укладные, машинные, молотовые мастера, колясники, а также знатоки стального и проволочного дела. В последующие годы В. И. де Геннин продолжал активно пополнять штат мастеровых, приглашая с Олонецких предприятий квалифицированных угольных, якорных и медеплавильных мастеров, гармахеров, маркшейдеров и других специалистов. Количество мастеровых на Екатеринбургском заводе постепенно увеличивалось: в 1728 году их насчитывалось около 240 человек (вместе с ремесленниками — 269), в 1734 году — 303, а к 1744 году — уже порядка 306. Рост численности отражал расширение производственных мощностей, хотя общий состав этой группы оставался строго регламентирован горнозаводскими штатами [\[19\]](#).

Биографии екатеринбургских молотовых мастеров Герасима, Михайло и Федора Семеновых несколько уточняют события первых лет промышленного освоения Урала и передачи Невьянского завода Н. Демидову. Многие строители и мастера по переписи мая 1702 г. попали к нему в вечное владение. Но некоторые пришли позднее и «свою волею» работали «по договору из найма». Среди них и оказались Семеновы [\[20, л. 281\]](#).

В «сказке» и по документам отмечено: Герасим — 1667 г. рождения, из Московского

уезда Павловских железных заводов, «оттуда сошел самовольно без отпуску и работал молотовым мастером из найму» у Демидова. А в 1723 г. взят В. И. Геннинным в Екатеринбург. В 1735 г. в 68-летнем возрасте вместе с сыновьями трудился мастером [\[20, л. 219\]](#).

Федот и Михайло — братья Герасима из Московского же уезда, работали на Сорочинских заводах, а далее также «съехали добровольно» к Демидовым, в 1723 г. — в Екатеринбург. В 1728 г. «за старостию, дряхлостию и болезнями» Михайло «от службы оставлен» в Екатеринбурге. А Федот в 1732 г. трудился на Синячихинском заводе. Умер он в 1746 г. Оба брата имели сыновей, они продолжили традиции отцов и трудились в молотовых фабриках [\[21, л. 680-681\]](#).

Молотовые и дощатые мастера с бригадой создавали различные изделия из чугуна. На 1731 г. только молотовых насчитывалось 142 мастера, из которых в Екатеринбурге трудилось 29 [\[22, л. 46-48\]](#). С пуском новых заводов их количество росло. Среди них сформировалось много трудовых династий. Их жизненный уклад схож: появление семьи, ведение хозяйства, работа на заводе, отбытие «на свое пропитание». Как, например, молотовой мастер Иван Елисеев: в 1713 г. взят из крестьян работником на Каменский завод, далее — подмастерье в Екатеринбурге, с 1728 г. — мастер на Верх-Исетском заводе. Отработав мастером 30 лет, 68-летний «стал быть стар, худосилен и руками болен». Отправлен на свое пропитание, на прежнее жилище [\[23, л. 636-648 об.\]](#).

Бедой в материальном положении для молотовых мастеров являлась частая нехватка воды в заводских прудах в зимнее время. Они оказывались «праздны от работы», получали за «прогульные» дни лишь от 3 до 5 коп. Просили в конторах «в засчет будущей работы» в долг денег. Просьбы удовлетворяли, но уровень жизни от этого не повышался [\[20, л. 88-96\]](#).

У каждого мастера в бригаде были подмастерье и два работника. Оплата была сдельной. Заметим, мастер сильной бригады мог заработать в месяц 5-6 руб. — сумма солидная. Но необходимо помнить и о тяжелом труде. Постоянная работа с горячим металлом требовала физической силы. Слабосильных здесь не было, но и крепкие здоровьем получали профессиональные заболевания: болезнь глаз, «чехотную», «кожную» болезни [\[24, с. 30-31\]](#).

20 июня 1734 г. в Сибирском обер-бергамте по инициативе В. И. Геннина было принято решение — итоговую выковку железа молотовых мастеров считать понедельно. Определено: на новом угле каждый мастер должен сдать от 55 до 60 пуд., на старом — от 50 до 55 пуд. Кто делал больше, считались лучшими мастерами. «Буде же кто сделает менее, за то тех штрафовать смотря по не выковке держанием в цепях накладывая на шеи по дню, по два, по три и по неделе». Такая система не была отменена на протяжении всей первой половины XVIII в. В документах часто перечисляются мастера, которые «от нерачения были штрафованы держанием в цепях, смотря по недоковке» [\[25, л. 150-152\]](#).

С 1724 г. на старших молотовых мастеров В. И. Геннин возложил обязанности «пробщиков» — браковщиков. Выделил им дополнительное жалованье от 6 до 24 руб. в год в зависимости от количества молотов в фабрике и написал: «Когда пробы железу не бывает, то употреблять их к ковке железа под молотами» [\[26, л. 403-404\]](#). В 1735 г. команда В. Н. Татищева не изменила систему, лишь старших мастеров переименовала в

старосты, а сумму дополнительно выплачиваемых денег всем сократила до 4 руб. в год. По штату 1737 г. введена была особая должность уставщика. Он, получая 60 руб. годового оклада, стал главным «при всех заводах» [\[27, л. 342-346\]](#).

В качестве примера жизненного пути молотового мастера приведем биографию Евсения Ошанина [\[3, с. 94\]](#). Он родился в 1679 г., службу начал в 1696 г., на Урал прибыл с Олонецких заводов мастером [\[28, л. 157-159\]](#). В документах 30-х гг. XVIII в. часто отмечался как молотовой староста. В разных прошениях мастеров его фамилия всегда первая: например, в просьбе от 1736 г. о том, что смолоть хлеб на мельнице сложно, люди ждут неделями [\[29, л. 107-110\]](#). Уважаемый был человек в Екатеринбурге. У него был брат Петр – также молотовой мастер, но в 1734 г. был он от заводских работ отставлен «за старостью и дряхлостью и что правую руку при работе молотом раздавило», дан свободный паспорт, «с коим велено ему явиться на Олонце в Канцелярию» [\[30, л. 40-41\]](#).

В 1743 г., как человек «доброго состояния», из старших мастеров определен в молотовые уставщики. Но уже в 1749 г. в Канцелярии главного заводов правления (далее КГЗП) «было усмотрено», что стал Е. Ошанин «стар и дряхл», ездить на заводы не может. Решено было, хотя он этого и не просил, его сменить [\[25, л. 123-137 об.\]](#). Е. Ошанина, «по ево еще могуте», определили на Уктуssкие заводы «у присмотру угля и прочих фабрик и у наряду работников при строениях», но годовой оклад положили лишь 24 руб. [\[31, л. 237\]](#)

Необычен путь, связанный с разбирательством в горной администрации, в молотовые уставщики, Павла Иванова. Будучи из мастерских детей Каменского завода, в 1723 г. «определен при том заводе дощатого дела в ученики». По Табели 1726 г. уже в Екатеринбурге «при платных делах в досчатой платной фабрике у разбивки меди на платные доски подмастерьем». В 1728 г. отправлен на Синячихинский завод учить мастеров готовить «крышечные доски» [\[32, л. 19\]](#). Об этом просили служители строящегося Троицкого Тюменского монастыря, прислали даже чертеж-рисунок [\[33, л. 123-125, 157-161\]](#). В Штате 1734 г. вновь в Екатеринбурге, «при дощатом деле мастером», в этом же году он переквалифицировался в «молотового дела мастера». В 1735 г. совершил проступок: «За фальшивую пробу при деле крышечных аршинных и трехчетвертных досок наказан был при собрании мастеровых и работных людей батожьем» [\[25, л. 137\]](#).

В 1743 г. П. Иванов претендовал на должность уставщика, но выбрали мастера Е. Ошанина – «по старшинству и искусству». Через шесть лет, вновь при выборе уставщика, мастера не посчитали его достойным и предложили П. Федорова. Здесь уже П. Иванов не сдержался – написал донесение в КГЗП «об обиде». Отметим, что мастер доказывал свое превосходство, говорил, что часто ранее ездил уже по заводам, а «против братии мастеров и в ординарной и обыкновенной ковке по образцам сходного железа не через один год делано всегда с излишеством». Не забыл написать, что П. Федоров «за некоторые конфузии назад тому будет лет з десять наказан на публичном месте вместо кнута плетми». Разбор ситуации занял около года, но в феврале 1750 г. П. Иванов был утвержден уставщиком с окладом в 60 руб. [\[25, л. 124-137.\]](#)

Будет уместно дать пояснения в отношении П. Федорова, чье назначение уставщиком так возмутило П. Иванова. Петр Федоров родился в 1698 г., в службе с 1716 г. на Олонецких заводах. В марте 1723 г. по требованию В. И. Геннина прислан на Уктуss, определен «для дела белой жести учеником». Жалованье получал по два алтына в день.

Прошел обучение у иностранца Ваплера, он в 1725 г. аттестовал его в мастера [\[25, л. 129\]](#).

По Табели 1726 г. и Штату 1734 г. числился уже «при жестяном деле мастером» в Екатеринбурге. В 1735–1738 гг. временно трудился при расковке меди на денежном дворе, когда «жестяного дела на бывает». Здесь случилась беда — кто-то украл шесть пудов меди. Чтобы возместить («покрыть недостаток»), мастер Ф. Черемников дал П. Федорову шесть пудов окалины, которая оставалась после расковки. Этот факт обнаружили. Оба получили наказание: «Вместо кнута бить плетми насчадно» [\[25, л. 129 об.\]](#).

После случившегося решением КГЗП П. Федоров «от жестяного дела к ковке полосового железа определен» мастером, а с 1743 г. стал старшим мастером. В 1749 г., «ибо он человек доброй и не подозрительной, не пьяница и в молотовых фабриках при ковке железа установил совершенно знающей», рекомендован опытнейшими мастерами во главе с Наумом Питерским в уставщики. Однако как уже было сказано выше кандидатура в результате жалобы П. Иванова была отклонена. Но в качестве старшего мастера П. Федоров трудился и в 50-е гг. XVIII в. [\[25, л. 127–129\]](#)

Таб. 1. Молотовые мастера Екатеринбургского завода 1744 г. [\[34, л. 288–348\]](#)

№	Фамилия, имя	Возраст	Год начала службы	Год определения мастером
1	Ошанин Евсей	71	1696	1743
2	Семенов Герасим	82	1694	1704
3	Семенов Михайло	67	1692	1704
4	Питерский Наум	61	1723	1724
5	Герасимов Антон	42	1723	1726
6	Прибавкин Петр	42	1726	1727
7	Федоров Никула	49	1710	1723
8	Мингалев Иван	50	1715	1727
9	Федоров Петр	47	1716	1737
10	Ермаков Иван	44	1725	1727
11	Максимов Миней	51	1722	1726
12	Гудошинов Сила	42	1727	1734
13	Борисов Самсон	41	1727	1737
14	Чюркин Тимофей	40	1721	1737
15	Морозов Терентий	42	1727	1734
16	Иванов Павел	42	1723	1734
17	Орлов Тимофей	47	1724	1727
18	Рыков Федор	48	1724	1742
19	Кропивин Степан	30	1735	1742
20	Голиков Антон	41	1726	1770
21	Тихонов Денис	43	1725	1742
22	Колесников Артемей	46	1727	1742

Представленный перечень молотовых мастеров Екатеринбургского завода представляет собой фрагмент именного списка за 1744 год, преследовавшего своей целью учет жителей завода-крепости, подчинявшихся горнозаводскому ведомству, что, в свою очередь, было необходимо региональной администрации для адекватного распределения человеческих ресурсов между заводами Урала и Сибири.

В числе мастеров встречаются представители старшего поколения — Евсей Ошанин (71 год), Герасим Семёнов (82 года), Михайло Семёнов (67 лет), чьи трудовые биографии охватывали несколько десятилетий. Их деятельность сочетала не только производственные функции, но и элементы наставничества, обеспечивая передачу ремесленных традиций молодому поколению. Наряду с ними работали более молодые мастера, такие как Степан Кропивин (30 лет), что свидетельствует о естественном процессе смены поколений внутри профессиональной среды.

Анализ таблицы показывает, что большинство мастеров начали службу в 1720-х годах — в период становления Екатеринбургского завода. Многие из них получили статус мастера спустя 10–15 лет после начала службы, что указывает на наличие сложившейся системы профессионального роста. Представленные данные отражают высокую степень стабильности трудовых коллективов и подтверждают существование преемственности в ремесленных династиях, формировавших производственное ядро екатеринбургского металлургического центра.

Таким образом, рассмотренные биографии молотовых мастеров Екатеринбургского завода позволяют проследить карьерный путь работника, связавшего свою жизнь с металлургическим производством на Уральских заводах XVIII в. Средний возраст молотового мастера на Екатеринбургском заводе равнялся 45 годам, к этому моменту работник уже становился сформировавшимся специалистом, дорожившим своей репутацией в профессиональном сообществе. Стремление занять должность уставщика показывает не только желание улучшить свое финансовое положение, но и воспринимается как признание умений и заслуг. В целом, применение методов новой биографической истории позволило обобщить разрозненные факты о личности мастеров и охарактеризовать организацию молотового производства на Екатеринбургском заводе как четко структурированную деятельность не только со строгим административным контролем, но и с внутренней профессиональной регуляцией, проводимой сообществом мастеров посредством самостоятельного выбора уставщиков у документального указания на провинности друг друга в случае возникновения спорных ситуаций. Выводы исследования позволяют охарактеризовать молотовых мастеров как носителей производственной компетенции и профессиональной этики, чья деятельность сочетала элементы строгого административного подчинения и автономного профессионального самоуправления. Биографический метод подтвердил эффективность при изучении микроисторических аспектов формирования индустриального общества России XVIII века.

Библиография

1. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX – XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: "Кругъ", 2011. EDN: REKHBФ.
2. Репина Л. П. От "истории одной жизни" в "персональной истории" // История через личность. Историческая биография сегодня. М., 2010. С. 55-74.
3. Козлов А. Г. Творцы науки и техники на Урале. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1981.
4. Корепанов Н. С. В раннем Екатеринбурге (1723–1781 гг.). Екатеринбург: Банк

- культурной информации, 1997.
5. Корепанов Н. С. Никифор Клеопин. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2000.
 6. Корепанов Н. С. Первый век Екатеринбурга. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2005.
 7. Корепанов Н. С. Генний на Урале. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006.
 8. Цеменкова С. И. "Незаменимые были": несколько сюжетов из биографии Евдокима Яковлева // Документ. Архив. История. Современность: сборник научных трудов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. Вып. 19. С. 338-345. EDN: DLCWQQ.
 9. Цеменкова С. И. Первые картографы горнозаводского Урала: Михаил Сильич Кутузов // Диалог со временем. 2021. № 75. С. 359-372. DOI: 10.21267/aquilo.2021.75.75.019. EDN: KEOXHK.
 10. Цеменкова С. И., Черноухов А. В. Екатеринбургский завод в первые годы: человеческий фактор в системе управления // Документ. Архив. История. Современность: Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 80-летию Исторического факультета Уральского федерального университета. Екатеринбург, 16-18 ноября 2018 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 345-351.
 11. Цеменкова С. И., Черноухов А. В. "Горное дело производить сильно рукою...": формирование состава "высших и низких управителей" горнозаводского Урала в 20-40-е гг. XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность: сборник научных трудов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. Вып. 20. С. 41-56. EDN: PUUUYU.
 12. Цеменкова, С. И., Черноухов А. В. Константин Артемьевич Гордеев (1700-1741): от взлета до падения // Документ. Архив. История. Современность: сборник научных трудов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022. Вып. 22. С. 72-90. EDN: GLHAVD.
 13. Сафонова А. М. Деятельность английского доктора медицины Джейкоба Грива в России в первой половине XVIII в. // Quaestio Rossica. 2025. Т. 13, № 2. С. 707-722. DOI: 10.15826/qr.2025.2.989. EDN: YNUAUC.
 14. Сафонова А. М. Первые учителя Екатеринбурга (1724-1750 гг.). Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2023.
 15. Сафонова А. М. Подъячие казенных заводов Урала в Петровскую эпоху: формирование контингента, условия труда и быта // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10, № 3. С. 976-990. DOI: 10.15826/qr.2022.3.712. EDN: NYVIOU.
 16. Сафонова А. М. Ректор и первый учитель немецкой школы Екатеринбурга Бернгард Штермер (1735-1740) // Научный диалог. 2019. № 7. С. 366-381. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-7-366-381. EDN: ZZGDBB.
 17. Цеменкова С. И., Черноухов А. В. Руководители аппарата горнозаводской власти Урала в 20-е - 50-е гг. XVIII в.: биогр. справ. СПб.: Алетейя, 2022. EDN: SGQCTS.
 18. Черноухов А. В., Уланов К. А. Русские мастера и иностранные специалисты на горнозаводском Урале и в Сибири в 20-х - 50-х гг. XVIII века: биографический справочник. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2025.
 19. Бородина Е. В., Цеменкова С. И. Структура и численность населения раннего Екатеринбурга (1723-1744 годы) // Научный диалог. 2023. Т. 12, № 9. С. 352-353.
 20. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24. Оп. 1. Д. 1020.
 21. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1094.
 22. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 303.
 23. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 920.
 24. Копырина С. Н., Черноухов А. В. Становление медицинской инфраструктуры на казенных заводах Урала в первой трети XVIII века // Вестник гуманитарного образования. 2020. № 2 (18). С. 20-34. DOI: 10.25730/VSU.2070.20.016. EDN: TUFSVQ.
 25. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1254.

26. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 589.
27. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 917.
28. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 44.
29. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 591.
30. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1052.
31. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1637.
32. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 168.
33. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 160.
34. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1071.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная статья «Молотовые мастера Екатеринбургского завода первой половины XVIII в.» посвящена исследованию жизненного пути и профессиональной деятельности представителей ключевой для уральской металлургии социальной группы через призму методологии новой биографической истории. Предметом исследования выступают не просто отдельные мастера, а их сообщество как целостный социальный и профессиональный феномен, раскрываемый через совокупность индивидуальных биографий. Автор ставит целью не только реконструкцию биографий, но и анализ социальных взаимодействий внутри профессиональной группы, а также факторов, влиявших на их положение, что соответствует заявленному подходу, при котором частная жизнь становится инструментом познания общих исторических закономерностей.

Методологическая основа работы четко обозначена и является ее безусловной сильной стороной. Автор последовательно применяет принципы «новой биографической истории», сформулированные Л.П. Репиной, фокусируясь на «незаметных» исторических акторах. Это позволяет перейти от истории технологии и администрации к антропоцентрической истории повседневности и профессионального сообщества. Использование просопографического метода, проявляющегося в составлении и анализе сводной таблицы, позволяет выявить общие черты и типичные жизненные траектории, что значительно усиливает доказательную базу и переводит исследование с уровня отдельных *case studies* на уровень системного анализа.

Актуальность работы не вызывает сомнений. Она находится в русле современных тенденций исторической науки, ориентированной на микроисторию, изучение человеческого фактора в индустриализации и социальную историю имперских периферий. Исследование вносит вклад в преодоление анонимности рядовых участников исторического процесса и позволяет лучше понять механизмы функционирования раннеиндустриального общества в России. Научная новизна заключается в комплексном подходе к изучению именно молотовых мастеров как профессиональной корпорации. Ввод в научный оборот новых архивных данных, почерпнутых из фондов ГАСО, и их интеграция в уже существующий историографический контекст, заданный трудами Н.С. Корепанова, А.В. Черноухова, С.И. Цеменковой и других, позволяют автору создать более детализированную и объемную картину.

Стиль статьи в целом соответствует научным стандартам, однако структура могла бы быть более сбалансированной. Введение содержит обстоятельный и качественный историографический обзор, но последующее изложение порой приобретает характер несколько фрагментарного изложения биографических справок. Яркие и показательные сюжеты, такие как карьерное соперничество Павла Иванова и Петра Федорова, штрафные практики или проблема «прогульных» дней, тонут в перечислении фактов. Логика движения от общего к частному и обратно к общему в выводах прослеживается, но внутренняя структура основной части могла бы быть более четкой, например, через выделение тематических блоков (рекурирование и состав, условия труда и быта, карьерные стратегии, корпоративные отношения).

Библиография статьи впечатляет своей полнотой и релевантностью. Автор демонстрирует отличное знание как классических, так и новейших исследований по теме, а также активно использует широкий круг архивных источников, что является несомненным достоинством работы. При этом хотелось бы видеть более активную апелляцию к возможным контраргументам или альтернативным точкам зрения в рамках самой дискуссии о социальной истории Урала. Автор уверенно занимает свою позицию, но явная полемика с коллегами могла бы придать работе дополнительную остроту и теоретическую глубину.

Основные выводы работы убедительны и логично вытекают из проведенного анализа. Автору удалось показать молотовых мастеров не как пассивных исполнителей, а как носителей производственной компетенции и профессиональной этики, чья деятельность сочетала строгое административное подчинение с элементами автономного профессионального самоуправления, что ярко иллюстрируется историей выбора уставщика. Утверждение о том, что организация производства была четко структурированной деятельностью, подтверждено примерами регламентации, штрафов и иерархии должностей.

В заключение следует отметить, что статья, несмотря на отдельные замечания к структуре, представляет собой методически выверенное исследование, которое опирается на широкий пласт надежных источников. Оно, без сомнения, вызовет интерес у читательской аудитории журнала «Genesis: исторические исследования» – как у специалистов по истории Урала и горнозаводской промышленности, так и у историков, занимающихся социальной историей, историей повседневности и антропологически ориентированными исследованиями имперского периода. Работа вносит конкретный вклад в изучение формирования индустриального общества в России и демонстрирует высокую эффективность биографического метода для решения подобных исследовательских задач. Статья может быть рекомендована к публикации после незначительной стилистической правки и, возможно, некоторой перекомпоновки материала для усиления его аналитического звучания. Рекомендуется усилить структуру статьи, введя тематические разделы и подзаголовки.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Соловьев К.А. Две концепции исторической памяти России: П. Я. Чаадаев и А. С. Пушкин // Genesis: исторические исследования. 2025. № 10. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.10.72514 EDN: FJDFQH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72514

Две концепции исторической памяти России: П. Я. Чаадаев и А. С. Пушкин

Соловьев Константин Анатольевич

доктор исторических наук

профессор, кафедра истории государственного и муниципального управления факультета государственного управления, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ломоносовский Проспект, 27, оф. 2

✉ ksoloviov@spa.msu.ru

[Статья из рубрики "История и политика"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.10.72514

EDN:

FJDFQH

Дата направления статьи в редакцию:

30-11-2024

Аннотация: Предметом исследования является процесс концептуализации исторической памяти, как феномена общественного сознания России первой трети XIX в. Цель данной статьи – выявление специфических черт двух индивидуальных концепций исторической памяти России: П.Я. Чаадаева и А.С. Пушкина. Для достижения этой цели необходимо провести анализ одного из главных историко-философских текстов второй четверти XIX в. – первого «Философического письма» П.Я. Чаадаева, с тем, чтобы обозначить содержащиеся в этом тексте элементы исторической памяти, как альтернативной концепции, по отношению к той модели, которая лежала в основе исторической политики Российской империи XVIII – первой четверти XIX вв. Дополнительная задача – выявить элементы конструкции исторической памяти, предложенной А.С. Пушкиным в качестве первой реакции на текст Чаадаева. Базовый метод, используемый при решении этих задач – семантический анализ, позволяющий выявить как содержательную сторону, так и символическое значение тех семантических единиц, которые были использованы Чаадаевым и Пушкиным, при изложении их воззрений на историю России.

В качестве выводов следует указать на то, что для Чаадаева исторический процесс – это самораскрытие народа, то есть, в первую очередь – выявление его потенций и возможностей для самореализации, а затем, собственно движение к прогрессу, к получению все большей и большей свободы. Роль исторической памяти, в таком понимании, состоит в отборе и закреплении таких элементов исторической конструкции (событий, дат, мест и героев), которые могут стать вехами в этом развитии и символами исторического движения. Отсутствие исторической памяти в России, по Чаадаеву, ведет к необходимости сознательного исторического пути. Исторический процесс для Пушкина – это драма, тоже действие, но действие не имеющее цели раскрыть внутренние возможности человека или народа. Пушкин видит в истории величие: поступка, чувства, мысли, страданий и борьбы. Отобрать и закрепить в сознании народа формы исторического величия – вот задача исторической памяти в его индивидуальной концепции.

Ключевые слова:

история России, Историческая политика, Символическая политика, Историческая память, Чаадаев, Пушкин, Философические письма, Девятнадцатый век, Общественная мысль России, Историческое сознание

В современных исследованиях, посвященных коммеморативным практикам и их изучению, историческая наука противопоставляется исторической памяти, поскольку в науке важно индивидуальное начало, а в памяти – коллективное [15, с. 45]. Исследователи, обращаясь к прошлому, формируют концепции, объясняющие прошлое. Коллективная память, в свою очередь, базируется на мифах [2, с. 109], фиксирующих приоритет прошлого по отношению к современности. Стремясь преодолеть разрыв между индивидуальной памятью каждого и коллективной памятью поколений (а, соответственно, между концепцией и мифом), Ф. Анкерсмит предлагает ввести понятие «возвышенный исторический опыт», который, в его концепции, «представляет собой, грубо говоря, слияние объективного и субъективного опыта прошлого» [1, с. 369]. Введение понятия «исторический опыт» объективизирует представления человечества о своем прошлом, но не объясняет того, как этот опыт перевоплощается в миф, обладающий потенциалом мобилизации людей на коллективное действие или же на то, чтобы «заглушить» мобилизационный порыв [2, с. 11].

Историческая политика, как способ реализации тех или иных интересов, не может не использовать сочетания поведения рационального (формирование целеполагания и подбор инструментария) и иррационального (апелляция к чувствам, а не к разуму). Сочетание рациональных и иррациональных элементов, в своей совокупности, формирует модель исторической политики, действующую в тот или иной исторический момент. В основе каждой модели исторической политики находится собственный вариант исторической памяти, то есть непротиворечивый набор элементов, составляющих картину прошлого, предлагаемую современности. Этот набор элементов выглядит следующим образом:

Элемент первый – целеполагание, которое выглядит как четкий и недвусмысленный ответ на вопрос: зачем нужно помнить о том или ином событии в прошлом. Целеполагание в исторической политике формируются по двум траекториям: траектория славы/торжества/триумфа и траектория скорби/жертвы/покаяния [21, с. 11-12].

Элемент второй – историческая мифология закрепляющая целеполагание в народной памяти и формирующая непротиворечивую картину прошлого, в которой может доминировать одна из двух выше обозначенных стратегий или же возникает их сочетание.

Элемент третий – набор символов выражающих целеполагание и формирующих непротиворечивую картину прошлого. Единство символов (визуальных, речевых, музыкальных, представленных в датах, местах событий, а также героях и их деяниях) составляет «инфраструктуру исторической памяти» [\[13, с. 49\]](#) и опорный аппарат для формирования ее инструментария.

Элемент четвертый – инструменты позволяющие а) поддерживать в сознании людей сложившуюся картину исторической памяти; б) реализовать символический потенциал политики памяти в деятельности по мобилизации на какие-либо коллективные действия. Использование этих элементов в последнее время все чаще именуют «коммеморативными практиками» [\[5, с. 21; 4, с. 180, 184\]](#).

Для того, чтобы соединение этих элементов было непротиворечивым, необходимо «проговорить» (или «прописать») содержание данной модели исторической памяти, выразить его в коротких, но емких высказываниях, которые должны служить общим выражением единства народа и власти. Общее содержание такого рода высказываний, в любую эпоху и у любого народа выражается в двух взаимосвязанных тезисах. Первый: «мы самые лучшие». Второй: «они – не мы». Конкретное наполнение этих тезисов должно обозначить, кто – «мы» и кто «они»; в чем состоят различия, есть ли от «них» угроза и в чем она состоит. Именно для того, чтобы обозначить ключевые позиции исторического объяснения взаимодействия «нас» и «их» возникают концепции исторической памяти, которые в максимально краткой форме фиксируются короткими тезисами, такими как «Москва – третий Рим», «Россия есть Европейская держава», «Кто не с нами – тот против нас».

Отдельные концепции памяти создаются для того, чтобы: а) конкретизировать (или актуализировать) действующую модель на разных этапах ее доминирования; б) обозначить вектор трансформации действующей модели в интересах того или иного субъекта исторической политики; в) обосновать несогласие с действующей моделью исторической памяти и предложить альтернативу. В том случае, когда альтернативная концепция получает признание части политически активного населения у нее появляется возможность перехода из частной концепции в альтернативную модель.

В каждой концепции исторической памяти можно выделить несколько частей:

- указание на те элементы прошлого, которые имеют ключевое значение для понимания современности;
- выявление символического значения этих элементов;
- базовая конструкция исторического мифа, полностью или частично отличающегося от того, что существует в действующей на данный момент модели;
- вывод о том, как надо действовать в современности по отношению к историческому наследству в базовых вариантах: а) сохранять и приумножать, б) помнить, годиться, но идти дальше; в) преодолеть (отринуть) прошлое ради движения к будущему.

Цель данной статьи – выявление специфических черт двух индивидуальных концепций

исторической памяти России из которых одна (П. Я. Чаадаева) стала триггером общественной полемики по вопросам исторической памяти и символической политики в российском государстве, а вторая (А.С. Пушкина) – легла в основу одной из позиций, в этой полемике отстаиваемых. Для достижения этой цели необходимо провести анализ одного из главных историко-философских текстов второй четверти XIX в. – первого «Философического письма» П. Я. Чаадаева, с тем, чтобы обозначить содержащиеся в этом тексте элементы исторической памяти, как альтернативной концепции, по отношению к той модели, которая лежала в основе исторической политики Российской империи XVIII – первой четверти XIX вв. Дополнительная задача – выявить элементы конструкции исторической памяти, предложенной А.С. Пушкиным в качестве первой реакции на текст Чаадаева. Базовый метод, используемый при решении этих задач – семантический анализ, позволяющий выявить как содержательную сторону, так и символическое значение тех семантических единиц, которые были использованы Чаадаевым и Пушкиным, при изложении их взглядов на историю России.

При всем богатстве и разнообразии литературы сложившейся вокруг первого «Философического письма», проблема исторической памяти, как специфической реакции на прошлое, практически в ней не отражена. Основная причина в том, что первое «Философическое письмо», начиная с книги М. О. Гершензона 1908 г. [\[7, с. 62, 68, 147, 153\]](#) и до современности [\[10; 17; 20\]](#), воспринимается как изложение «историко-философской концепции», то есть в парадигме осмысления исторического процесса, но не в парадигме восприятия истории с позиций современности (в чем состоит смысл исторической памяти). Ближе всего к теме исторической памяти в творчестве Чаадаева подходят Я. Добешевский, с его концепцией «учредительного мифа» [\[5\]](#) и А.А. Карапурза, написавший о парадигме «северного переноса» византийских цивилизационных форм, как ключевого фактора ранней российской истории в представлениях Чаадаева [\[12\]](#).

В первой четверти XIX в. базовой моделью исторической памяти в России была модель «петровской традиции» с теми корректировками, которые в нее внес Н. М. Карамзин. В этой модели

целеполагание обращения к истории, может быть обозначено как усиление российской государственности для достижения прогресса (в варианте Карамзина – для сохранения стабильности в обществе); и прогресс, и стабильность рассматривались как инструменты достижения «общего блага»;

историческая мифология опиралась на образ Петра I, как преобразователя российского общества и пересоздателя российского государства; это образ героя, давшего образцы поведения во всех сферах государственной жизни; «продолжателями» этой «петровской традиции» именовались Екатерина Великая и Александр I, чье правление способствовало превращению страны в крупнейшую европейскую державу;

в качестве символов в этой модели памяти, ведущей отсчет «новой» России от начала XVIII в., служили а) исторические личности – «птенцы гнезда Петрова», б) такие «места памяти» как Санкт-Петербург и Крым, в) даты памяти – крупнейшие победы русского оружия от «Полтавской битвы», до взятия Парижа;

основным инструментом исторической памяти стало соотнесение современной России с величием России «петровской», а той – с величием Древнего Рима.

Но концепция «петровского наследия», которая лежала в основе действующей модели

исторической политики была далеко не единственной. Уже в последней четверти XVIII в. князь М.М. Щербатов в своих текстах (правда не известных обществу) часто и аргументированно критиковал «петровскую концепцию». После «наполеоновской эпопеи» никто иной как сам император Александр I выступил с пусть не проработанной в деталях, но внятной по посылу концепцией «прямого» божественного вмешательства в историю России. Наиболее ярким символическим проявлением этой концепции, стал выпуск медали «В память Отечественной войны 1812 года» с надписью «Не нам, не нам, а имени Твоему». В общественном сознании эта концепция реализовывалась в усилении интереса к истории кризисов и спасения России, прежде всего к истории Смутного времени, что привело к появлению таких произведений, как либретто оперы «Иван Сусанин» А. Шаховского (1815), «Борис Годунов» А.С. Пушкина (1825), «Дмитрий Самозванец» в «Думах» Рылеева (1825); «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» М.Н. Загоскина (1829); «Рука Всевышнего Отечество спасла» Н.В. Кукольника (1834); опера «Жизнь за царя» М.Н. Глинки (1836). Еще одна (полностью антипетровская) концепция исторической памяти начала проявляться в историософской мысли формирующегося движения «славянофилов».

Но прежде того, как «славянофилы» начали теоретическую работу по формированию собственной концепции исторической памяти, появилось первое «Философическое письмо» П.Я. Чадаева, в котором, на наш взгляд, была представлена проработанная, в основных элементах, индивидуальная концепция исторической памяти. Обозначим эти элементы в структуре, которая была описана выше.

1. Указание на те элементы прошлого, которые имеют ключевое значение для понимания современности.

П.Я. Чадаев показывает ясное понимание необходимости «опорного каркаса» памяти: «Все общества прошли через такие периоды, когда вырабатываются самые яркие воспоминания, свои чудеса, своя поэзия, свои самые сильные и плодотворные идеи. В этом и состоят необходимые общественные устои. Без этого они не сохранили бы в своей памяти ничего, что можно было бы полюбить, к чему пристраститься, они были бы привязаны лишь к праху земли своей. Эта увлекательная эпоха в истории народов, это их юность; это время, когда всего сильнее развиваются их дарования, и память о нем составляет отраду и поучение их зрелого возраста» [\[22, с. 324\]](#).

Именно в этой части («формирования общественных устоев») представления Чадаева о прошлом России коренным образом разошлись с представлениями практически всех его современников. Концепция Чадаева опирается на его убежденность в том, что в истории России таких элементов просто нет: «Эпоха нашей социальной жизни, соответствующая этому возрасту, была наполнена тусклым и мрачным существованием без силы, без энергии, одушевляемом только злодеяниями и смягчаемом только рабством. Никаких чарующих воспоминаний, никаких пленительных образов в памяти, никаких действенных наставлений в национальной традиции. Окиньте взором все прожитые века, все занятые нами пространства, и Вы не найдете ни одного приковывающего к себе воспоминания, ни одного почтенного памятника, который бы властно говорил о прошедшем и рисовал его живо и картинно» [\[22, с. 324\]](#). Отсутствие элементов позитивной исторической памяти позволяет судить о современности, но это суждение не будет иметь символической опоры. И это не значит, что символики нет совсем.

2. Выявление символического значения этих элементов.

Отказ признать в российском прошлом наличие «воспоминаний» и «наставлений» ведет к признанию того, что не на что опереться для того, чтобы сформировать традицию, полезную для современности и для будущего. Символика российского прошлого, по Чаадаеву, никчемна и бесполезна: «Сначала дикое варварство, затем грубое суеверие, далее иноземное владычество, жестокое и унизительное, дух которого национальная власть впоследствии унаследовала, – вот печальная история нашей юности. Поры бьющей через край деятельности, кипучей игры нравственных сил народа – ничего подобного у нас не было. Мы живем лишь в самом ограниченном настоящем без прошедшего и без будущего, среди плоского застоя. И если мы иногда волнуемся, то не в ожидании или не с пожеланием какого-нибудь общего блага, а в ребяческом легкомыслии младенца, когда он тянется и протягивает руки к погремушке, которую ему показывает кормилица» [\[22, с. 324\]](#).

Здесь важна символика «погремушки», поскольку это предмет: а) смысл которого в производстве внешнего эффекта (в ее «гримучести»); б) задача же состоит в отвлечении ребенка от реальности. Соответственно народ, лишенный памяти – это личность не выросшая из состояния детства, не имеющая возможности быть самостоятельной и нуждающаяся в «кормилице». Образ же «кормилицы» явно соединен с образом «национальной власти», выступающей в качестве внешней, по отношению к народу силы.

3. Базовая конструкция исторического мифа.

Начальная точка истории России, по Чаадаеву может быть описана как «неверный выбор» или «историческая ошибка». Сформулировано это следующим образом: «В то время, когда среди борьбы между исполненном силы варварством народов Севера и возвышенной мыслью религии воздвигалось здание современной цивилизации, что делали мы? По воле роковой судьбы мы обратились за нравственным учением, которое должно было нас воспитать, к растленной Византии, к предмету глубокого презрения этих народов» [\[22, с. 331\]](#). Как видно из этой цитаты, «ошибка выбора» имела два последствия: первое – это отделение от общей исторической судьбы народов Европы; второе – подчинение «растленности» вместо самостоятельного развития.

Вторым элементом этой конструкции стало новое подчинение, теперь уже завоевателю: «Все умственное движение той поры только и стремилось установить единство человеческой мысли, и любое побуждение исходило изластной потребности найти мировую идею, эту вдохновительницу новых времен. Чуждые этому чудотворному началу, мы стали жертвой завоевания» [\[22, с. 331\]](#). Это событие не создало новой исторической реальности, а лишь усугубило «ошибку выбора», тем что а) оно еще больше отделило Россию от семьи европейских народов и б) сформировало черты народа, не способствующие прогрессу, а противостоящие ему.

Наконец третий элемент конструкции исторического мифа Чаадаева – это освобождение от внешнего «рабства» с тем, чтобы создать его у себя самостоятельно: «И когда, затем, освободившись от чужеземного ига, мы могли бы воспользоваться идеями, расцветшими за это время среди наших братьев на Западе, мы оказались отторгнутыми от общей семьи, мы подпали рабству, еще более тяжкому, и притом освященному самим фактом нашего освобождения» [\[22, с. 331\]](#).

Исторический миф Чаадаева можно назвать «отказом от истории», понимаемой как целенаправленное движение от «дикого варварства» к сложным и формам

общественного устройства, с развитием «нравственных сил народа». Следствием «отказа от истории» стало прозябанье в том, что можно назвать «вечным настоящим», лишенном не только прошлого, но и будущего: «Мы так удивительно шествуем во времени, что, по мере движения вперед, пережитое пропадает для нас безвозвратно. Это естественное последствие культуры, всецело заимствованной и подражательной. У нас совсем нет внутреннего развития, естественного прогресса; прежние идеи выметаются новыми, потому, что последние не происходят из первых, а появляются у нас неизвестно откуда. Мы воспринимаем только совершенно готовые идеи, поэтому те неизгладимые следы, которые отлагаются в умах последовательным развитием мысли и создают умственную силу, не бороздят наших сознаний» [\[22, с. 326\]](#).

Нельзя сказать, что Чаадаев не хотел видеть в российском прошлом попыток выйти из этой ловушки «неверного выбора». В своем «Письме» он упоминает двух государственных деятелей, стремившихся к прогрессу и к возвращению России в число европейских народов, а, следовательно, достойных того, чтобы остаться в исторической памяти народа: «Когда-то великий человек вздумал нас цивилизовать и для того, чтобы приохотить к просвещению, кинул нам плащ цивилизации; мы подняли плащ, но к просвещению не прикоснулись. В другой раз другой великий монарх, приобщая нас к своему славному назначению, провел нас победителями от края до края Европы; вернувшись домой из этого триумфального шествия по самым просвещенным странам мира, мы принесли с собой одни только дурные идеи и гибельные заблуждения, последствием которых было неизмеримое бедствие, отбросившее нас назад на полвека» [\[22, с. 330\]](#).

Ни Петру I, ни Александру I (в конструкции Чаадаева), решить задачу поворота от застоя к прогрессу не удалось, а значит, в его исторической мифологии они выступают как «непонятые герои», отвергнутые народом или «великие проигравшие». Присмотревшись к результату этих попыток, мы обнаруживаем «дурные идеи и гибельные заблуждения», то есть воззрения декабристов. Но декабристы не правили Россией и отбросить ее в прошлое сами не могли. Это сделал тот, кого Чаадаев не мог называть, правитель России, император Николай I, в своей борьбе с «дурными идеями».

Тут возникает вопрос: почему Чаадаев пишет о том, что Россия отброшена в прошлое «на полвека», а не век, или два? Если не считать строго по годам, то полвека, от того времени, когда Чаадаев задумывал эти письма – это середина 1770-х гг., время подавления восстания Пугачева. Параллель Пугачев – декабристы (выявляющее деструктивное начало в истории), приводит к другой параллели: Екатерина II – Николай I. В 1775 г. Екатерина начала губернскую реформу и подписала документ, за которым закрепилось название «Манифест о свободном предпринимательстве». Возможно что в представлении Чаадаева, в правлении Екатерины была предпринята еще одна попытка движения к прогрессу, попытка равная усилиям Петра. И так же как предыдущая попытка – не дала результата. И это неоднократное упоминание разного рода деятельности на пути к прогрессу, не давшей необходимого результата, приводит нас к четвертому элементу концепции Чаадаева.

4. Вывод о том, как надо действовать в современности по отношению к историческому наследству.

В понимании Чаадаева два первых варианта использования исторической памяти, из обозначенных выше (приумножать и гордиться), невозможны, как невозможно преумножать пустоту или гордиться ей. Остается третий вариант – преодоление прошлого, что может означать обращение к иной, посторонней исторической памяти, как это, в

свое время сделал Петр I, выбравший для своего правления историческую память древнего Рима. Отсылка к символическим образам двух «великих» (Петра I, Александра I) и неявный образ Екатерины «спрятанный» в метафору «полувека» указывают именно на это – на попытку заменить пустоту российской исторической памяти, памятью европейской.

Однако Чаадаев не видел возможности заимствовать чужую историческую память. Прежние попытки убедили его в том что: «Мы воспринимаем только совершенно готовые идеи, поэтому те неизгладимые следы, которые отлагаются в умах последовательным развитием мысли и создают умственную силу, не бороздят наших сознаний» [\[22, с. 326\]](#).

Его идея состоит в том, что Россия должна сформировать собственную историческую память заново, отвергнув прежний, неправильный выбор и пройдя по новому пути – «всеобщего движения человечества». Именно эту мысль он высказал наиболее определенно и без метафор: «Если мы хотим подобно другим цивилизованным народам иметь свое лицо, необходимо как-то вновь повторить у себя все воспитание человеческого рода. Для этого мы имеем историю народов и перед нами итоги движения веков. Без сомнения, эта задача трудна и одному человеку, пожалуй, не исчерпать столь обширного предмета; однако, прежде всего надо понять в чем дело, в чем заключается это воспитание человеческого рода и каково занимаемое нами в общем строе место» [\[22, с. 325\]](#).

Задача «преодолеть прошлое» не была сформулирована, в качестве императива даже в петровскую эпоху, когда разрыв с предшествующей эпохой был наиболее нагляден. Во времена Чаадаева, сразу после «открытия» Карамзиным русской истории для читающей публики, призыв к отказу от только обретенного наследства, мягко говоря, понимания не нашел. Публикация первого «Философического письма» вызвала бурную реакцию российского образованного общества, в которой преобладали чувства возмущения и раздражения [\[14, с. 543\]](#). И мало кто, в 1836 г., думал о содержательной реакции на те идеи, что высказал Чаадаев [\[16\]](#). По свидетельству современника «настоящего смысла и важности этого события в ту минуту никто не только не оценивал, но даже и не подозревал... Большинство [...] на словах собиралось вооружиться уничтожающим презрением, а на деле обнаруживало распетушившееся, самое разъяренно-ненавидящее озлобление; меньшинство готовилось к спокойному, благородному [...] научно-критическому опровержению. Безусловно сочувствующих и совершенно согласных не было ни одного человека» [\[9, с. 31 и 33\]](#).

Одним из первых отреагировал на концепцию исторической памяти А.С. Пушкин. В письме от 19 октября 1836 г. он, пусть в очень сжатом виде и явно в импровизационном ключе, формирует собственное понимание истории России и символического значения ее ключевых событий. Вот необходимый нам фрагмент его письма:

«Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться. Войны Олега и Святослава и даже удельные усобицы – разве это не та жизнь, полная кипучего брожения и пылкой бесцельной деятельности, которой отличается юность всех народов? Татарское нашествие – печальное и великое зрелище. Пробуждение России, развитие ее могущества, ее движение к единству (к русскому единству, разумеется), оба Ивана, величественная драма, начавшаяся в Угличе и закончившаяся в Ипатьевском монастыре, – как, неужели все это не история, а лишь бледный и полузабытый сон? А Петр Великий, который один есть целая всемирная история! А Екатерина II, которая поставила Россию на порог Европы? А Александр,

который привел нас в Париж? и (положа руку на сердце) разве не находите вы чего-то значительного в теперешнем положении России, чего-то такого, что поразит будущего историка?» [\[19, с. 461\]](#).

Рассмотрим эти слова Пушкина по тем же четырем позициям, необходимым для создания собственной концепции исторической памяти:

1. *Набор элементов, которые могли бы стать опорой для формирования исторической памяти.*

Пушкин обозначает, в качестве опорных элементов исторической памяти, не столько события, сколько отдельные проявления исторической деятельности, выражая это целым набором отглагольных форм («брожение», «нашествие», «развитие», «пробуждение», «движение», «начавшаяся», «закончившаяся») и собственно глаголов («поставила», «привел»). Так формулируется концепция исторической жизни, постоянного движения во времени и в пространстве, в противовес чаадаевскому «отказу от истории».

2. *Выявление символического значения этих элементов.*

Значение исторической памяти вполне отчетливо выявляется в отборе тех фигур, которые Пушкин считает необходимым назвать: Олег, Святослав, Иван III, Иван IV, Петр, Екатерина II, Александр. Все они – выразители максимальной мощи России в ее государственном развитии. А три последних – это еще и мощь, проявленная на фоне мировой (или европейской) истории. Намек на воцарение Романовых (Ипатьевский монастырь) – в том же ряду. В противовес чаадаевской «погремушке» Пушкин предлагает, в качестве символа, художественный (театральный) жест, что нагляднее всего выражено в сопоставлении истории со «зрелищем», а также в семантике фраз «поставила Россию на пороге Европы» и «привел нас в Париж».

Содержание исторической памяти, по Пушкину, может быть выражено следующим образом: страна, пережившая пленение и смуту, возродилась к жизни затем, чтобы сначала встать на пороге Европы, а затем возглавить ее. Такой образ российской истории чрезвычайно сильно сближает ее с историей древнего Рима, переживавшего, на разных этапах своего существования и смуты и кризисы, но поднявшегося к мировому величию. История Рима, как образца исторического действия, была постоянным фоном литературного творчества Пушкина [\[23; 24; 18\]](#) и не могла не оказать влияния на его понимание исторической памяти. Это понимание очень близко к тому, что лежала в основе творчества Тацита: история, как отражение «славных деяний предков» [\[6, с. 62\]](#).

Концепция «славных деяний» выражена у Пушкина в символических (драматических) фигурах, что в точности соответствует историческим представлениям поздних гуманистов и, в частности В. Шекспира, о котором М.А. Барг писал: «Шекспиру, как историческому мыслителю присуща типичная черта гуманистической историографии – уверенность в том, что всякое историческое движение можно выразить только «в лицах», исторические конфликты – как конфликты личные, родовые, династические, изменения в государстве – только через смену государя и т. п.» [\[3\]](#). То же самое можно сказать о литературных произведениях Пушкина, опирающихся на исторические сюжеты. Из числа названных в рассматриваемом тексте исторических персонажей, символическую обработку в литературных произведениях Пушкина получили (с положительными коннотациями) Олег, Петр I, Екатерина II, а также (с отрицательными коннотациями) Иван IV и Александр I. Неупомянутый прямо Николай I служит скрытым символом современной Пушкину эпохи ровно так же как он является необъявленным символом новой эпохи в «Стансах» 1826

г., парным, по отношению к объявленному – все тому же Петру I.

3. Базовая конструкция исторического мифа.

Сочетание событий, отмечаемых Пушкиным с опорой на символические фигуры, создает образ России, постоянно находящейся в движении по направлению к обретению все новых и новых сил. Это накопление сил и могущества позволяет России, от эпохи к эпохе, становиться все более значимым участником мировой истории, не уступавшим по масштабу своей внутренней жизни и влиянию на судьбы мира европейским государствам. Общая конструкция исторического мифа, предлагаемого Пушкиным, чрезвычайно близка очень популярной концепции истории, как театрального действия, в котором максимально важным становится драматический эффект, то впечатление, которое получает каждый, кто обращается к событиям прошлого.

4. Вывод о том, как надо действовать в современности по отношению к историческому наследству.

Условно «тацитовская» или «шекспировская» модель исторического мифа (явно выраженная в коротком тексте Пушкина) требует театрального жеста и в современности. Оценка происходящего в современности определяется тем, в какой степени она представляет собой драму, способную увлечь («поразить») сюжетом и персонажами будущих читателей/зрителей. Но поскольку речь идет об исторической памяти будущих поколений, то Пушкин заменяет драматурга на «историка». Эта подмена носителя исторической памяти (народа), ее создателем (историком) говорит нам о том, что Пушкин (в отличие от Чаадаева) ориентируется, прежде всего, на историческую мифологию – отражение истории не в рациональном сознании, а в чувстве, возникающем, под влиянием рассказа о прошлом.

В качестве вывода обозначим главное различие в понимании Чаадаевым и Пушкиным исторического процесса и, соответственно, роли в нем исторической памяти. Для Чаадаева исторический процесс – это *самораскрытие народа*, то есть, в первую очередь – выявление его потенций и возможностей для самореализации, а затем – собственно движение к прогрессу, к получению все большей и большей свободы. Роль исторической памяти, в таком понимании, состоит в отборе и закреплении таких элементов исторической конструкции (событий, дат, мест и героев), которые могут стать вехами в этом развитии и символами исторического движения. Поскольку в прошлом России Чаадаев таких элементов не видел, он предлагал начать работу по их созданию (то есть начать историю с нуля) и не был, в этом, понят обществом. Исторический процесс для Пушкина – это *драма*, тоже действие, но действие не имеющее цели раскрыть внутренние возможности человека или народа. Пушкин видит в истории величие: поступка, чувств, мысли, страданий и борьбы. Отобрать и закрепить в сознании народа *формы исторического величия* – вот задача исторической памяти, отчетливо выраженная не только в том коротком отрывке, который мы здесь рассматривали, но и в практических в каждом литературном произведении из тех, чей сюжет базировался на исторических событиях или затрагивал их.

Библиография

1. Анкерсмит Ф. А. Возвышенный исторический опыт. М.: «Издательство -Европа», 2007.
2. Ассман А. Забвение истории – одержимость историей. М.: Новое литературное обозрение, 2019.
3. Барг М. А. Шекспир и история. М., «Наука». 1979. URL: <https://w->

- shakespeare.ru/library/shekspir-i-istoriya15.html
4. Беседина Е. А., Буркова Т. В. «От доски до доски»: конструирование мифа и поиск идентичности в знаках коммеморации (на примере мемориальных досок) // Лит. Исторический альманах. 2019. № 12. С. 178-186.
 5. Боднарук И. И. Социальная память: проблематика определения понятия в контексте подходов Я. Асмана и А. Асман // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 2. С. 21-26.
 6. Вержбицкий К. В. Тацит как историк принципата // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2009. № 3. С. 60-70.
 7. Гершензон М.О. П.Я. Чаадаев. Жизнь и мышление. СПб. 1908. С. 62, 68, 147, 153.
 8. Добешевский Я. Петр Чаадаев как учредительный миф русской философии // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2019. № 4. С. 90-103.
 9. Жихарев М.И. Петр Яковлевич Чаадаев. Из воспоминаний современника // Вестник Европы. 1871. № 9. С. 9-54.
 10. Ивонина О. И. П. Я. Чаадаев о религиозном векторе русской истории // Философия и культура. 2017. № 2. С. 57-68.
 11. Корнющенко-Ермолаева Н. С. Диалектика отношений коллективной памяти и истории: *pro et contra* // Векторы благополучия: экономика и социум. 2022. № 3 (46). С. 43-60.
 12. Кара-Мурза А. А. «Северная» идентичность России как предмет цивилизационной самокритики (от Петра Чаадаева до Василия Шульгина) // Философский журнал. 2022. № 2. С. 5-16.
 13. Красильникова Е. И., Вальдман И. А. Политика памяти: исторические символы и коммеморативные практики в системе социально-политической саморегуляции Сибирского региона в XX – начале XXI вв. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. № 1. С. 47-54.
 14. Козмин Н.К. Николай Иванович Надеждин. Жизнь и научно-литературная деятельность. 1804–1836. СПб., 1912.
 15. Мегилл А. История и память: за и против // Философия и общество. 2005. № 2 (39). С. 132-165.
 16. Мильчина В. А., Осповат А. Л. Дневник Александра Тургенева и «Философическое письмо» Чаадаева: хроника московского быта (по архивным материалам) // Шаги/Steps. 2022. № 2. С. 146-175.
 17. Нижников С. А. П. Я. Чаадаев: от мифологического образа к реальному лицу // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2017. № 4. С. 488-494.
 18. Никола М. И. «Повесть из римской жизни» А. С. Пушкина // Наука и школа. 2019. № 3. С. 11-18.
 19. Пушкин А. С. Письмо Чаадаеву от 19 октября 1836 г. // Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 2. М.: Наука. 1991. С. 460-461.
 20. Смирнов В. Н., Евлампиев И. И. Система Гегеля и романтизм: два полюса исторических воззрений П.Я. Чаадаева // Вестник РХГА. 2020. № 4-2. С. 126-138.
 21. Тульчинский Г. Л. Соотношение исторической и культурной памяти: практики забвения // Социально-политические науки. 2016. № 4. С. 10-13.
 22. Чаадаев П.Я. Философические письма. Письмо первое. Письмо второе // Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 1. М.: Наука. 1991. С. 320-354.
 23. Якубович Д.П. Античность в творчестве Пушкина // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941. Вып. 6. С. 92-159.
 24. Янушкевич А. С. «Прочтение» и изображение мирообраза Рима в русской поэзии 1800-1840-х гг. // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2013. № 5. С. 98-115.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

В статье подробно и со знанием дела рассматривается современная концепция исторической памяти. В качестве примеров для конкретно-исторического рассмотрения вопроса избраны эпистолярные тексты П.А. Чаадаева и А.С. Пушкина.

Преимущественное внимание уделяется работам Франклина Анкерсмита и Алейды Ассман. Показана эффективность разделения изучаемого явления на четыре составляющих: целеполагание, историческая мифология, набор символов, инструментов поддержания картину исторической памяти. Вывод о том, что исторический процесс, по Чаадаеву, – это самораскрытие народа, выявление его возможностей для самореализации, а по Пушкину, это драма, тоже действие, но действие не имеющее цели раскрыть внутренние возможности человека или народа – убедительно, но нельзя сказать, что в получении такого результата помогла именно концепция исторической памяти.

Необходимо высказать несколько замечаний по статье.

Во-первых, отсутствует внятное объяснение выбора текстов Чаадаева и Пушкина как ключевых для рассмотрения концепции исторической памяти на отечественном материале. Главным контраргументом для такого выбора могло бы послужить известное специалистам источниковедческое обстоятельство: из оживленной переписки Пушкина с Чаадаевым нам известно очень немногое, так как Чаадаев сжег всю свою переписку («Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1100, примеч.; ср. «Пушкин и его соврем.», вып. VIII, 1908, стр. 53), в этом смысле эпистолярные источники могут заранее считаться недостаточными для обоснованного вывода.

Во-вторых, концептуально в таком сравнении много интересного (хотя его и нельзя назвать редким или оригинальным), но удивительным образом из сравнения таких, казалось бы, контрастных взглядов полностью исчезла развивающаяся в этот самый исторический период антитеза западников и славянофилов, прямо относящаяся к построению концепции исторической памяти в XIX веке. Оба автора, несмотря на точно подмеченные автором различия в мнениях и оценках, в историографии единодушно относятся к условным западникам.

В-третьих, в статье есть ссылка к работе Ассман «», но кажется, что в контексте обсуждаемого вопроса более удачной рамкой для рассмотрения могла бы стать её же «Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика» (М., 2014). Несмотря на понятную лапидарность теоретического введения нельзя не заметить, что интересно было бы понять, как можно увидеть обсуждение Чаадаевым и Пушкиным исторической памяти в контексте «социальных рамок памяти» Мориса Хальбвакса, или «изобретения традиции» в духе Эрика Хобсбаума и Хью Тревора-Ропера, или даже «воображаемых сообществ» Бенедикта Андерсона.

Стиль статьи – строгий академический, структура – логичная обоснованная, содержание соответствует названию и постановке проблемы, библиография – достаточно полная. Выводы – самостоятельные, обоснованные, интерес читательской аудитории к статье обеспечен. Несмотря на высказанные замечания, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Сидорчук И.В., Ульянова С.Б. Роль транспорта в повседневности жителей пригородов Петрограда/Ленинграда в 1920–1930-е гг // Genesis: исторические исследования. 2025. № 10. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.10.75842
EDN: FLBVZO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75842

Роль транспорта в повседневности жителей пригородов Петрограда/Ленинграда в 1920–1930-е гг.

Сидорчук Илья Викторович

ORCID: 0000-0001-9760-2443

доктор исторических наук

профессор; Гуманитарный институт; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

195251, Россия, г. Санкт-Петербург, Калининский р-н, ул. Политехническая, д. 29 литеру Б

✉ sidorchuk_iv@spbstu.ru

Ульянова Светлана Борисовна

ORCID: 0000-0003-2059-6430

доктор исторических наук

профессор; Гуманитарный институт; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

195251, Россия, г. Санкт-Петербург, Калининский р-н, ул. Политехническая, д. 29 литеру Б

✉ oulianova@mail.spbstu.ru

[Статья из рубрики "История науки и техники"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.10.75842

EDN:

FLBVZO

Дата направления статьи в редакцию:

10-09-2025

Аннотация: К настоящему моменту тема субурбанизации является неотъемлемой составляющей дискуссий о потенциале развития крупных городов. Санкт-Петербург, окруженный большим количеством пригородов, уникальных по своей исторической судьбе, в данном случае не является исключением. Комплексная оценка вопроса

требует внимания к их прошлому, особенно через анализ специфики повседневности жителей. В частности, речь должна идти в том числе и о такой ее составляющей, как транспортная инфраструктура, оценке влияния которой на конфигурацию практик населения пригородов Петрограда / Ленинграда в 1920–1930-е гг. посвящено настоящее исследование. Оригинальность полученных результатов во многом обеспечивается привлечением широкого спектра источников, включая неопубликованные материалы о работе горсоветов и партийных организаций пригородов, периодику, эго-документы, отчеты горсоветов и наказы избирателей им. В исследовании широко использовались историко-антропологические методы, которые позволили реконструировать особенности мировосприятия жителей пригородов через обращение к рутинной деятельности и быту. Методологические ориентиры работы также связаны с социальнофилософской теорией практик, согласно которой они конституируют и воспроизводят идентичности или «раскрывают» основные способы социального существования. В результате удалось установить, что модернизация пригородного сообщения позволяла существенно увеличить радиус мобильности, а транспортная доступность оказывала принципиальное влияние на качество жизни и готовность поселиться за городом. Для населения пригородов транспорт был жизненно важен – для поездок на работу, за продуктами и другими товарами, ради решения вопросов в городских бюрократических инстанциях и пр. При этом на протяжении всего периода сохранялась масса проблем: малое число поездов и условия поездок в них, неудачное расписание, преступность на транспорте и привокзальных территориях, высокая стоимость билетов и др. Развитие маятниковой миграции увеличивало значимость и болезненность нерешенности этих транспортных затруднений. Также показательным является то, что работа по их решению скорее была связана с активным освоением пригородов как мест отдыха для ленинградских трудящихся и гостей города и удовлетворением их пожеланий, а не местного населения.

Ключевые слова:

транспорт, повседневность, советское общество, железная дорога, пригороды, автобус, Петергоф, Детское Село, Ораниенбаум, миграция

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-20042, <https://rscf.ru/project/25-28-20042/> и гранта Санкт-Петербургского научного фонда, проект № 25-28-20042

Одним из последствий научных прорывов XIX – начала XX в. стало проникновение в человеческую повседневность современных транспортных технологий. Качество жизни отныне все больше определялось именно через доступ к ним и во многом определяло специфику трансформации городского пространства и судьбу отдельных территорий страны. Императорский Санкт-Петербург не был исключением, более того, именно столица оказывалась зачастую наиболее вероятным местом для старта технологических инициатив. Спустя несколько десятилетий после строительства первой в стране железной дороги на поездах можно было добраться до большинства самых красивых пригородов. Важным фактором их территориального и экономического роста был и особый статус Царского Села, Гатчины и Петергофа как «дворцовых городов» и соответствующие преимущества, включая высокое финансирование транспортной инфраструктуры, что благотворно сказывалось не только на жизни членов императорской семьи, но и простых жителей [1]. Железная дорога способствовала

зарождению дачной культуры и позволила быстро открыть и «освоить» многие территории губерний, которые до этого были малоизвестны публике [2, с. 216-219]. Одновременно быстрое развитие транспорта вело к постепенной демократизации как загородного, так и курортного отдыха, так как затраты на дорогу отныне стали существенно ниже [3, с. 66].

Ситуация кардинально поменялась после революции, когда разруха, отсутствие средств не только на закупку нового, но подчас и ремонт существовавшего транспорта, а также дорог, миграция или гибель большого числа обитателей престижных дачных мест, не говоря уже о владельцах усадеб, нарушила привычный уклад. Тем не менее, как местное население пригородов, так и жители Петрограда / Ленинграда, не перестали зависеть от транспортных технологий. В настоящей статье внимание сконцентрировано на вопросе о степени влияния транспортной системы на пригородную повседневность в 1920-1930-е гг. и том, как она формировалась и определяла ее специфику. Достаточно широкие хронологические рамки связаны с тем, что данный межвоенный период целесообразно выделить как цельный этап в развитии пригородов. Также это позволяет продемонстрировать динамику эволюции транспортной инфраструктуры, вызовов и предлагаемых путей решения проблем, с которыми сталкивалось население.

Статья построена по принципу последовательного внимания к наиболее принципиальным моментам, связанным с влиянием транспорта на повседневность жителей пригородов. Проанализирована специфика железнодорожного транспорта,являвшегося в данное время основным, альтернативные виды транспорта, приведено сравнение качества жизни загородных территорий с высокой и низкой транспортной доступностью. Затем показаны основные проблемы, с которыми сталкивались жители – зависимость от расписания, траты на билеты, низкая степень комфорта и преступность на объектах транспортной инфраструктуры.

Источниковую основу исследования составили архивные материалы, содержащие сведения о работе горсоветов и партийных организаций пригородов, а также загородных музеев и парков. Кроме этого, широко использовалась периодика, привлекались эндо-документы, справочные издания, отчеты горсоветов и наказы избирателей им. В работе применялись такие методы исследования источников как дискурсивный, культурологический и качественной интерпретации.

Для достижения поставленной цели авторы обратились к комплексу различных исследовательских методов и подходов. Так, среди использованных общенациональных методов можно назвать исторический, анализа и описания. Среди специально-исторических методов стоит выделить социокультурный подход, позволивший изучить повседневные практики как часть трансформированной политической культуры и пространства. Сравнительно-исторический метод дал возможность, опираясь на принцип аналогии, сравнить последовательные события ради реконструкции прошлого и уяснения принципиальных моментов временной эволюции объекта и добиться его комплексного изучения. Проблематика, характерная для исследований по истории повседневности, предопределила обращение к «новой городской истории», в рамках которой город понимается как организм и антропологический феномен, а также коммуникативное пространство, на формирование и развитие которого влияет в том числе и транспортная инфраструктура. Внимание к социальной истории техники предопределило обращение к ряду положений акторно-сетевой теории, рассматривающей технические средства как действующие единицы социальных отношений. Также была использована концепция доместикации технологий Р. Сильверстоуна для объяснения процесса рутинизации

технологий в повседневности.

Говоря об историографии вопроса, можно отметить, что история городского и пригородного общественного транспорта только начинает утверждаться как одно из направлений в историографии. Немногочисленные исследования встраиваются в проблематику истории повседневности, истории науки и техники, локальной истории [4; 5; 6; 7; 8]. Стоит также отметить внимание городской антропологии к изучению пространственных перемещений горожан [9; 10; 11]. При этом вопросы транспорта в контексте городской повседневности попадают в центр внимания преимущественно исследователей прошлого крупных городов [12; 13; 14 и др.]. Это определяет актуальность обращения к теме на примере пригородов.

В рассматриваемый период основным и самым массовым видом транспорта, соединявшим город и пригороды, был железнодорожный. Ходили поезда сравнительно часто, хотя примерно в два раза реже чем в наши дни. Например, летом с Балтийского вокзала до Ораниенбаума (едет через Петергоф) около 20 поездов в день, с Витебского в Павловск и Поселок (едет через Детское Село) чуть меньше. При этом, в отличие от сегодняшнего времени, первые утренние поезда отправлялись сравнительно поздно, в восьмом, а то и девятом часу. То же можно сказать и о вечерних – в 1930 г. из Ленинграда последний отходил в 1 ч. 45 мин., а из Петергофа – в 00 ч. 28 мин. [15; 16, л. 26]. До Петергофа поезд шел 52 мин. (сейчас около 40 мин.), до Ораниенбаума – 1 ч. 12 мин. [16, л. 26]. Проезд в том же году до Петергофа составлял 50 коп. [16, л. 26]. До Детского Села обратный билет стоил 70 коп., поезд шел 40 мин., до Слуцка (Павловска) – 80 коп. и поезд шел на 10 мин. дольше [17, с. 5]. В середине 1930-х гг. летом по выходным запускали дополнительные маршруты для многочисленных посетителей дворцово-парковых ансамблей. Для массовых экскурсий в этот период профсоюзами могли заказываться даже целые поезда [18, с. 364].

От Нарвской заставы до Стрельны можно было доехать на Оранеле – трамвае Ораниенбаумской электрической линии. Ее строительство началось до революции и изначально линию планировали довести до Ораниенбаума (отсюда и название), однако в период Гражданской войны недостроенный участок был разобран и впоследствии ее решили не завершать. Тем не менее, это был важный опыт использования электрического железнодорожного транспорта для пригородных сообщений. Первые «электрички» были пущены весной 1933 г. от Балтийского вокзала до Лигово, а в сентябре 1935 г. была принята в эксплуатацию электролиния до Ораниенбаума [19]. Это позволило существенно сократить время в пути.

В некоторые пригороды, например тот же Петергоф, Кронштадт или Шлиссельбург, можно было добраться по воде. Правда, ходили пароходы намного реже, стоило это дороже и занимало намного больше времени. Например, в Кронштадт в 1926 г. ходило только два парохода в день. Как и в случае с поездами, их число могли увеличивать ради туристов и дачников [20].

Автобусное сообщение в Ленинграде возобновилось только в 1926 г., а организацию маршрутов в пригороды стали активно обсуждать в начале 1930-х гг. В частности, это было заявлено одним из пунктов Проекта мероприятий по увеличению посещаемости Петергофских музеев, составленного в феврале 1931 г. [21]. В 1932 г. от Ленинграда уже можно было доехать на автобусе до Сестрорецка и Курорта, стоимость билета

составляла 3 руб. [\[22, с. 45\]](#). С 1933 г. стал ходить автобус с Финляндского вокзала в Колтуши и от Гостиного Двора в Шувалово [\[23, с. 427–428\]](#). С 1934 г. – от «Электросилы» в Детское Село, а от Гостиного Двора в село Мурино. В дни отдыха, также от Гостиного двора, ходили автобусы «Экспресс» по маршрутам Ленинград – Сестрорецк – Курорт, в Детское Село и в Петергоф [\[24, с. 404–408\]](#). Во второй половине 1930-х гг. летом их число увеличили для удобства отдыхающих ленинградцев [\[25; 26\]](#). На личных автомобилях в пригороды ездили преимущественно немногочисленные представители советской элиты [\[27, р. 48\]](#). Можно было воспользоваться грузовой попуткой, но автотранспорта в целом за городом было мало. Например, в 1931 г. Ораниенбаум совсем не имел машин, в 1932 г. – 6 машин, в 1933 г. – одну легковую и 9 грузовых, в 1934 г. – 39 машин [\[28, с. 24\]](#). Не стоит также забывать про все еще сохранявшийся гужевой транспорт, хотя обеспечить пассажиропоток он, конечно, не мог.

При этом наличие или отсутствие транспортной доступности для пригородных мест играло принципиально важную роль, учитывая более протяженные, чем в городе, расстояния, которые подчас требовалось преодолевать. Например, в 1939 г. директор Петергофских дворцов и парков П. А. Конопелько обратился к секретарю Ленсовета К. А. Зиминой с докладной запиской, в которой объяснял необходимость приобретения легковой машины, так как территория парка очень большая, и это просто насущная необходимость [\[29\]](#).

Обделенные вниманием и финансированием дорог и транспортной инфраструктуры пригороды, а особенно их окраины, представляли собой плачевное зрелище, например, рабочий поселок Лобовка, расположавшийся в районе Сосновой Поляны, то есть между Автово и Стрельной. В середине 1930-х гг. он выглядел следующим образом: «От завода до трамвайной остановки на протяжении километра лежит ровное, гладко вымощенное шоссе. Но по этому шоссе не попасть в рабочий поселок Лобовку, расположенный тут же на пригорке. У остановки шоссе обрывается и начинаются ямы, выбоины и ухабы». Осенью и весной непролазная грязь, в которой «вязнут машины, теряют галоши люди». Рабочим поэтому приходится ходить домой в обход, по скользким шпалам железнодорожной ветки [\[30\]](#). Несмотря на сравнительную близость и к Ленинграду, и к достаточно развитым пригородам, подобная труднодоступность транспорта вела к деградации и поселка и его жителей: «Неподалеку от свинарника стоит низкий дом. По внешнему виду он трудно отличим от свинарника; он также выстроен из старых шпал. Это общежитие, в котором живет 30 кадровых рабочих завода. <...> Живущих там рабочих заедают клопы и муравьи. В хорошую погоду, спасаясь от насекомых, рабочие спят на улице». Дети предоставлены сами себе, их любимое развлечение – хулиганство, например, цепляться за проезжающие машины [\[30\]](#). М. А. Новикова (1915 г. р.), впоследствии работавшая поваром, вспоминала свое детство в Лигово (с 1960-х гг. в черте города), который тогда был бывший дачным поселком к юго-западу от Ленинграда, рядом с Сосновой Поляной. В первой половине 1930-х гг. она обучалась в школе, но смогла окончить только 8 классов. Причина была проста – в школу надо было ходить пешком, а не у каждого ребенка в ее семье была обувь: «Тогда и ходить не в чем было. Сапог не было. Мы ждали друг друга. Кто-нибудь придет, я уже на пути: “Дай ботинки!” И побежала в школу. Я приду – Танька меня ждет. Знаете, вот так все время» [\[31, с. 189\]](#).

Если брать другие, более благополучные пригороды, то и там зачастую ситуация оставляла желать лучшего. Так, с началом индустриализации большое внимание уделялось Колпино, градообразующим предприятием которого был Ижорский завод. Его многотиражная газета, «Ижорец», в ноябре 1929 г. сообщала следующую новость: «В

рабочем поселке имени Х октября третий год к домам не подъехать не подойти. Нельзя подвести дров и прочую кладь. Лошади вязнут в грязи. Дрова приходится носить на своем горбу» [\[32\]](#). Когда стахановцам завода дали землю под строительство индивидуального жилья на Московской улице, оказалось, что туда «ни проехать, ни пройти – всюду грязь, ухабы». В результате рабочим пришлось таскать стройматериалы буквально на себе. Причем, когда дома все-таки были достроены, проблема дороги так и не была решена [\[33\]](#). Неудивительно поэтому, что инженеры и мастера Ижорского завода комментировали принятый в 1935 г. план реконструкции Ленинграда следующими словами: «За 18 лет существования власти рабочих пригород города Ленина стал неузнаваем. Сейчас он должен в корне преобразиться. Красивейшие жилые дома, цветущие парки, асфальтированные проспекты, театры, клиники, автобусные и трамвайные магистрали, телефоны и музей – прекрасные, радующие – в изобилии вырастут на недавно еще пустынных окраинах. <...> Нужно, чтобы Колпино было связано с Ленинградом усовершенствованной сетью шоссе, трамвайных и авто-магистралей» [\[34\]](#).

Вопрос транспорта становился все более актуальным по мере роста населения пригородов. В 1920-е гг. оно, как и в Петрограде/Ленинграде, постепенно восстанавливалось после резкого падения в период Гражданской войны. Например, в Детском Селе в 1924 г. числилось 8713 чел., а в 1926 г. – 11599 чел. [\[35, л. 12 об.\]](#). Одной из причин роста был квартирный кризис в Ленинграде, что вынуждало рабочих и служащих искать жилье за городом, откуда они ежедневно добирались до центра агломерации [\[36\]](#). Многочисленные дачи теперь использовались для круглогодичного проживания как теми, кто смог их сохранить в неразберихе муниципализации, а затем и демунципализации, так и их новыми обитателями [\[36, р. 196–198\]](#). С началом индустриализации и коллективизации этот процесс ускорился преимущественно за счет массово мигрирующего в города сельского населения. Так, в Петергофе число жителей увеличилась с 14 тыс. в 1930 г. до 20 тыс. к сентябрю 1931 г. [\[37, л. 32\]](#). Интересно, что были и обратные ситуации, когда люди жили в Ленинграде, но работали в пригородах. Например, из 28 экскурсоводов, работавших в Петергофских дворцах-музеях, только 8 проживало либо в Петергофе, либо в Ораниенбауме [\[38\]](#). Дирекция по возможности предоставляла жилье сотрудникам [\[39\]](#), но с учетом его недостатка это получалось далеко не всегда, что было главной причиной текучки и дефицита кадров [\[40, л. 7 об., 14 об.\]](#).

Одним из принципиальных факторов, влиявших на повседневность ряда пригородов Ленинграда, была высочайшая туристическая нагрузка. Как было сказано в тексте самообразовательной экскурсии по Сестрорецку, изданной в 1927 г., «с наступлением весны, с началом теплых и ясных дней, каждого горожанина невольно тянет за-город на лоно природы» [\[41, с. 3\]](#). От транспорта принципиально зависело качество этих «вылазок»: дорога в переполненном вагоне, высокая стоимость билета, подходящее расписание и другие неприятности существенно снижали их привлекательность [\[42, с. 484–492\]](#). Интенсивный рост числа посетителей начался в 1930-е гг., когда был взят курс на превращение ряда загородных резиденций в парки культуры и отдыха, главной задачей которых являлось обеспечение трудящихся города Ленина полноценным отдыхом и развлечениями [\[43; 44; 45\]](#). В 1933 г. дворцы и парки Детского Села, Петергофа, Слуцка (Павловска) и Стрельны посетил 1.935.000 человек, в 1934 г. – 2.032.000, а в 1935 г. – 2.086.000 [\[46\]](#). Периодические массовые гулянья, приуроченные к праздникам, только в Петергофском парке могли одновременно собирать более 100

тыс. человек [47, с. 4]. Прекрасное завершение подобного дня выглядело следующим образом: «И, когда незаметно наступил вечер, бесшумные «электрички» увозили в город последние группы немного утомленных от гулянья и непривычной свежести воздуха трудящихся города Ленина» [48]. Директор Детскосельских дворцов и парков И. Р. Филиппов в сентябре 1935 г. указывал: «В Детском Селе большое внимание должно быть уделено транспорту. Наличие железнодорожного транспорта с небольшой пропускной способностью недостаточно. Нужно включить в план реконструкции Ленинграда проведение линии электропоездов и трамвая» [49]. Кроме туристов, запрос на улучшение транспортного сообщения в 1930-е гг. стал громче звучать от увеличившегося числа дачников [50]. Таким образом, стимулом к решению транспортного сообщения пригородов во многом было стремление удовлетворить пожелания ленинградцев и гостей города, а не местного населения.

Целью поездок в Ленинград была не только работа, но и покупка товаров в городских магазинах. Так, в середине 1930-х гг., то есть сравнительно благополучное время, из Красного Села приходилось ездить за такими элементарными продуктами, как хлеб, мыло, папиросы и овощи, так как они отсутствовали в местных магазинах [51]. Еще хуже была ситуация с непродовольственными товарами. Например, в Петергофе, Шлиссельбурге и Детском Селе не хватало учебников, тетрадей, готовален и других школьных принадлежностей, а в селах ситуация была еще хуже [52; 53]. Показателен также рассказ о движении женщин-общественниц, жен инженерно-технических работников на Ижорском заводе. Чтобы пригласить фокусников и сделать все нужные покупки для организации детского праздника они были вынуждены они были вынуждены ездить в Ленинград [54].

Частые поездки в город также диктовались административным подчинением ряда организаций региональному центру. В частности, тех же дворцов и парков, представители которых регулярно ездили в Управление Ленинградскими и Пригородными дворцами и Парками Ленсовета, или научных институтов, расположенных в пригородах. Решение ряда организационных вопросов или споров можно было устроить только в Ленинграде, там же проходили различные заседания, пленумы и пр., подразумевавшие обязательное участие.

При всей сравнительной развитости железнодорожного сообщения с городом источники свидетельствуют о массе неудобств, которые приходилось терпеть пассажирам. Например, из-за неудачно составленного расписания, не принимавшего во внимание время началаочных и дневных смен. Из-за этого рабочим Ижорского завода, проживавшим не в Колпино, приходилось «по 2–3 часа сидеть в неотапленном вокзале, рядом со всемозможными проходимцами, которых в Колпинском вокзале уйма» [55]. Еще хуже было тем рабочим завода, кто жил в поселке Московская Славянка, так как вокзала не было совсем, и приходилось ждать поезд осенью и зимой под дождем и на морозе [56]. Актуальной ситуация была также для Института земного магнетизма, Аэрологического института и ряда других, расположенных в Слуцке (Павловске). Многие его работники жили в Ленинграде, но из-за занятий, продолжавшихся после 10 вечера, они не успевали на последний поезд [57]. При этом важно понимать, что опоздание на поезд могло означать длительное ожидание следующего. Весьма ярко это описала в своих воспоминаниях Т. В. Чернавина (Сапожникова), которая в период Гражданской войны работала в Павловске. Она сильно задержалась в Петрограде, где ей нужно было во что бы то ни стало получить деньги в издательстве за рукопись, иначе семья могла

умереть с голода. В итоге она все-таки смогла их получить: «Я аккуратно сложила и засунула в перчатку тысячи, простились, вышла.

4.35 – до поезда 20 минут, успею, если полдороги бегом; иначе ждать до восьми.

Забыв, что ноги только что плохо держали меня от голода, я торопилась, бежала, где можно, задыхалась и все-таки бежала» [\[58, с. 350\]](#).

В 1931 г. среди наказов избирателей, данных Детскосельскому Горсовету VI созыва, была просьба увеличить число поездов в Ленинград и решить проблему отопления пассажирских вагонов [\[59, с. 5\]](#). На вокзале этого же пригорода случались давки во время одновременного прибытия и отправления поездов [\[60\]](#). В середине 1930-х гг. были специальные вагоны, отведенные для детей и инвалидов, однако проводники обычно не следили, чтобы в них не ездили пассажиры без ребят [\[61\]](#).

С учетом низких доходов значительной части населения регулярно поднимался вопрос о льготах, скидках и возможности предоставить бесплатный проезд. Например, для массовых вылазок-экскурсий [\[62\]](#) или проживающих в пригородах детей для поездок на экскурсии в Ленинград и окрестности [\[59, с. 11\]](#). Показательно письмо из уголовного розыска в Управление Оранэлзы зимой 1927 г. с просьбой выделить 12 бесплатных проездных билетов: «В районе линии Ораниенбаумской электрической ж. д. в местности Путиловского завода, Лигово, Стрельно, Сергиево и т. д., за последнее время наблюдается ряд уголовных преступлений, с нападением на прохожих рабочих, служащих ж. д. и т. д. а равно и укрывательства социально-опасного элемента, в особенности в летнее время, в этом же районе». Для борьбы с преступниками требовалось направлять сотрудников, но проблема была в отсутствии у них бесплатных билетов и, соответственно, они должны были платить из своего кармана. В результате Управление лишь частично удовлетворило просьбу, дав 6 бесплатных проездных [\[63\]](#).

Упомянутая выше преступность была еще одной составляющей повседневности пригородных поездок. Вокзалы – традиционные места концентрации сомнительных личностей, например беспризорников, проституток, криминальных элементов и пр. [напр.: 59, с. 14, 19; 64]. Потенциально опасной была и пешая дорога от вокзала до дома. Если она недостаточно освещалась, то становилась излюбленным местом деятельности хулиганов и грабителей. Тем более, что жертвы могли выбирать не длинную освещенную дорогу, а кратчайший путь. Так, например, поступали жители Слуцка (Павловска). Вокзал в этом городе непосредственно примыкает к парку, за которым уже находятся многие жилые дома. Вместо того, чтобы идти по ул. Революции (Садовой), огибающей парк, но освещенной, люди шли вечерами через парк, где на них совершались нападения. Показательно, что просьба осветить парк от вокзала до дворца, высказанная в наказах избирателей, была отклонена за нецелесообразностью – городской совет предлагал им ходить в обход [\[65, с. 9\]](#).

Возвращавшиеся домой пассажиры тоже не всегда отличались примерным поведением. Пьянство, хулиганские выходки, конфликты с другими пассажирами – все это было хорошо знакомо и городскому транспорту [\[13\]](#). Бывали и вопиющие случаи, как, например, избиение кондукторши пьяным рабочим, возвращавшимся на трамвае в Стрельну [\[66\]](#).

Свои опасности были и при использовании автотранспорта. Для водителей существовали жесткие правила, например, согласно изданным в 1923 г. Троцким (Гатчинским) уездным

отделом местного хозяйства «при проездах автомобилей через города и селения скорость движения не должна превышать 20 верст, а для грузовика 10 верст в час», а вне городов и селений – не выше 50 верст в час [\[67\]](#). На практике это не всегда соблюдалось, к тому же не менее актуальной была проблема пьянства шоферов, что, несмотря на малое число машин, вело к авариям, в том числе и со смертельным исходом [\[68\]](#). По понятным причинам повышенную осторожность должны были проявлять женщины, садясь в машину к мужчинам. Например, в Пулково был эпизод, когда шофер с приятелем катали колхозниц, а потом завезли в поле и изнасиловали [\[69\]](#).

Развитие пригородного сообщения было механизмом присвоения пространства, увеличением радиуса мобильности, одним из факторов интенсификации общественной жизни. Для населения пригородов транспорт был жизненно важен – для поездок на работу, за продуктами и другими товарами, ради решения вопросов в городских бюрократических инстанциях и пр. Транспортная доступность могла играть принципиальную роль в качестве жизни местного населения и служить одной из причин его быстрого роста. Пригороды, как и сейчас, становились местом постоянного жительства для тех, кто работал в Ленинграде. Одновременно были и ленинградцы, работавшие в них, и для некоторых организаций вопрос транспорта оказывался ключевым при привлечении кадров – необходимость ежедневных поездок была фактором, снижающим привлекательность тех же загородных музеев и парков для квалифицированных сотрудников. Подобная мятниковая миграция увеличивала значимость и болезненность нерешенности транспортных проблем – малое число поездов и условия поездок в них, неудачное расписание, преступность, стоимость билетов и пр. При этом улучшение транспортного сообщения во многом объяснялось не запросами жителей пригородов, но стремлением удовлетворить пожелания многочисленных отдыхающих ленинградцев, качественное обслуживание которых к середине 1930-х гг. стало позиционироваться властью главной задачей пригородных дворцово-парковых ансамблей и курортов.

Библиография

1. Ефимов А. А. Преобразования в системе управления дворцовыми городами в период реформирования Министерства императорского двора в 1881–1890-х годах // Вестник Пермского университета. Серия: "История". 2019. № 2(45). С. 68-75. DOI: 10.17072/2219-3111-2019-2-68-75. EDN: WCCIQA.
2. Малинова-Тзиафета О. Ю. Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860–1914). СПб.: Изд-во Европейского университета в СПб, 2013. 336 с.
3. Грей Ф. История курортов: архитектура, общество, природа. М.: НЛО, 2009. 424 с. EDN: QLUWZP.
4. Потемкина М. Н., Храмшина Ю. Н. Организация пассажирских перевозок на трамваях в 1930–1940-е годы: опыт городов Челябинской области // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2025. Т. 25. № 1. С. 37-47. DOI: 10.37482/2687-1505-V402. EDN: OSABKC.
5. Шиловцев А. В., Сорокина Н. И., Макарова Т. Н. К вопросу об истории появления и развития общественного транспорта в г. Екатеринбурге (конец XIX – начало XXI вв.) // Право и управление. 2023. № 5. С. 116-122. DOI: 10.24412/2224-9133-2023-5-116-122. EDN: WHSPXI.
6. Чистиков А. Н. Возобновление трамвайного движения в блокированном Ленинграде: партийно-советские решения и их реализация // Петербургский исторический журнал. 2019. № 3. С. 224-237. DOI: 10.51255/2311-603X-2019-00058. EDN: JHBVZH.

7. Зяблицева С. В. Общественный транспорт Западной Сибири в 1930–1950-е годы // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2010. № 18.
8. Семенов Н. М. Совершенствование советского трамвая (1925–1940) // Вопросы истории естествознания и техники. 2007. Т. 28. № 2. С. 53–63. EDN: HZWRMB.
9. Ковалевский А. В. Периферия периферии или особенности процессов трансформации городского пространства за пределами столицы // *Периферия. Журнал исследования нестоличных пространств*. 2023. № 1. С. 113–127. EDN: LUHTRY.
10. Кузнецов А. Г. К антропологии "близкого" в городе: места, не-места, мобильности // *Этнографическое обозрение*. 2017. № 6. С. 5–13. EDN: ZWZOLH.
11. Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна. М.: НЛО, 2017. 132 с.
12. Запарий В. В. Модернизация городской инфраструктуры Екатеринбурга – Свердловска в 1923–1930 гг. // *Экономическая история*. 2023. Т. 19. № 4. С. 328–337. DOI: 10.15507/2409-630X.063.019.202304.328-337. EDN: MTOFUS.
13. Сидорчук И. В. Трамвайные аварии в советской городской повседневности 1920-х годов // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения*. 2025. Т. 25. Вып. 2. С. 173–180. DOI: 10.18500/1819-4907-2025-25-2-173-180. EDN: LDZRSN.
14. Фурман Е. Л., Луночkin А. В., Юдина Т. В. Стalingrad в конце 1920-х – начале 1930-х гг.: население, жилищно-коммунальное хозяйство, благоустройство города // *Экономическая история*. 2020. Т. 16. № 2. С. 156–166. DOI: 10.15507/2409-630X.049.016.202002.156-166. EDN: BQFMPX.
15. Расписание поездов пригородного сообщения // *Красная газета*. 1926. № 128 (2471). 5 июня. С. 8.
16. Справочник по петергофским музеям с планом Петергофа. [Б.м.], 1930 г. // Архив ГМЗ "Петергоф". ПДМП-6010ар. Л. 24–32 об.
17. Справочник для организаторов экскурсий и посетителей Детскосельских и Павловского дворцов-музеев и парков. Детское Село: [Объединение детскосельских и павловских дворцов-музеев], 1930. 22 с.
18. Интервью с Бертой Мироновной Алянской // На корме времени: Интервью с ленинградцами 1930-х годов / Под общ. ред. М. Витухновской. СПб.: Журнал "Нева", 2000. С. 357–382.
19. километра электропутей до Ораниенбаума // *Социалистический пригород*. 1935. № 202(364). 3 сентября. С. 4.
20. Пароходы в Петергоф, Шлиссельбург и Островки // *Социалистический пригород*. 1936. № 94(555). 23 апреля. С. 4.
21. Проект мероприятий по увеличению посещаемости Петергофских музеев, 20 февраля 1931 г. Научный сотрудник Н. Удаленков // Архив ГМЗ "Петергоф". ПДМП-6028ар. Л. 48.
22. Справочник движения пассажирского городского транспорта в Ленинграде Трамваи, автобус, такси, пароходы, пассажирские моторные катера. Август 1932 г. Л.: Изд-во Леноблисполкома и Ленсовета, 1932. 54 с.
23. Весь Ленинград: адресная и справочная книга: 1933. Л.: Изд-во Леноблисполкома и Ленсовета, 1933. 1172 с.
24. Весь Ленинград: адресная и справочная книга: 1934: с прил. нового пл. Ленинграда. Л.: Изд-во Леноблисполкома и Ленсовета, 1934. 1205 с.
25. Автобусы в пригороде // *Социалистический пригород*. 1936. № 79(540). 5 апреля. С. 4.
26. Пригородные автобусы летом // *Социалистический пригород*. 1936. № 94(555). 23 апреля. С. 4.
27. Tchernavin T. *We Soviet women*. New York: Dutton & co, 1936. 304 р.
28. Отчет о деятельности Ораниенбаумского Городского Совета III созыва за период с 1-

- го января 1931 года по 1-ое октября 1934 года. [Ораниенбаум]: [Гор. совет], [1934]. 31 с.
29. Секретарю Ленсовета т. Зиминой, К. А. Докладная записка от Директора Петергофских дворцов и парков Ленсовета Конопелько // Ведомственный архив ГМЗ "Петергоф". Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 79. Л. 3.
30. Витальев. Так живут в Лобовке // Социалистический пригород. 1935. № 165(327). 21 июля. С. 3.
31. Интервью с Марией Андреевной Новиковой // На корме времени: Интервью с ленинградцами 1930-х годов / Под общ. ред. М. Витухновской. СПб.: Журнал "Нева", 2000. С. 187-202.
32. Тонем // Ижорец. 1929. № 33(42). 24 ноября. С. 4.
33. Ни проехать, ни пройти // Социалистический пригород. 1936. № 65(526). 20 марта. С. 3.
34. Захаров, В. Орлов и др. Город радости // Социалистический пригород. 1935. № 205(367). 6 сентября. С. 2.
35. Отчетный доклад к IX Губернскому съезду Зав. Общими отделами и Отделениями Местного хозяйства уездных и городских Общих отделов Исполкомов, состоявшемуся 17 января 1927 г. // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-132. Оп. 1. Д. 41. Л. 12-14 об.
36. Lovell St. Summerfolk: A history of the Dacha, 1710-2000. Ithaca and London: Cornell University Press, 2003. 260 р.
37. Сводка коммунального хозяйства гор. Петергофа с 1 октября 1930 г. по 1 сентября 1931 г. // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. Р-482. Оп. 1. Д. 15. Л. 32-33.
38. Список экскурсоводов по обслуживанию одиночного посетителя в Петергофских дворцах-музеях. [1933 г.] // Архив ГМЗ "Петергоф". ПДМП-6062ар. Л. 92-92 об.
39. Трудовой соглашение № 217 (Копия) от 15 февраля 1936 г. Между Дирекцией Петергофских музеев и парков в лице ученого секретаря Гейченко Семена Степановича и экскурсовода Изыслава Ильича Волынского // Ведомственный архив ГМЗ "Петергоф". Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 23. Л. 83.
40. Объяснительная записка к годовому отчету Дирекции Петергофских дворцов и парков за 1937 год // Ведомственный архив ГМЗ "Петергоф". Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 66. Л. 3-31 об.
41. Сестрорецк: Самообразовательная экскурсия. Л.: Прибой, [1927]. 16 с.
42. Сидорчук И. В. Досуг городского населения России в 1918–1935 гг. СПб.; ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2022. 609 с. EDN: BHNMJI.
43. Бондарев С. В. Довоенный Петергоф: музейная миссия и государственная идеология // Вестник СПбГУ. История. 2016. Вып. 4. С. 124-141. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2016.410. EDN: XGRUMV.
44. Савицкий С. А. Преобразование Царскосельского парка в парк культуры и отдыха в 1930-х годах // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкоznание. Культурология. 2016. № 2(11). С. 58-69. EDN: WEZVZR.
45. Юшманова М. И. Петергофский парк культуры // Адреса Петербурга. 2018. № 67(81). С. 76-81.
46. В бывших царских апартаментах // Социалистический пригород. 1935. № 256(418). 7 ноября. С. 2.
47. Шеманский А. Петергоф и Ораниенбаум. Л.: Изд-во Леноблисполкома и Ленсовета, 1933. 69 с.
48. Баньковская Э. В выходной день // Социалистический пригород. 1935. № 116(278). 23 мая. С. 4.

49. Филиппов И. Р. Превратим Детское Село в здравницу трудящихся // Социалистический пригород. 1935. № 207(369). 9 сентября. С. 3.
50. Михайлов М. В порядке дня – дача // Социалистический пригород. 1935. № 111(273). 17 мая. С. 4.
51. Исаков. А где общественный контроль? // Социалистический пригород. 1935. № 165(327). 21 июля. С. 2.
52. Кабардинцев А. Зубков на Венкова, Венков на Зубкова, а за учебниками все же надо ехать в Ленинград // Социалистический пригород. 1936. № 4(465). 5 января. С. 3.
53. Ученик. Где купить тетрадь? // Социалистический пригород. 1936. № 58(519). 11 марта. С. 4.
54. Сожин Гр. Жены инженеров. "Женские затеи" // Социалистический пригород. 1936. № 96(557). 26 апреля. С. 3.
55. Ершов. Дорога ворует время // Красный Ижорец. 1929. № 20(29). 17 августа. С. 3.
56. Кирпичников. Половина наказов не выполнена // Социалистический пригород. 1936. № 7(468). 9 января. С. 3.
57. Пассажир. Не учли интересов пассажиров // Социалистический пригород. 1935. № 252(414). 2 ноября. С. 2.
58. Чернавин В., Чернавина Т. Записки "вредителя"; Побег из ГУЛАГа. СПб.: Канон, 1999. 490 с.
59. Наказы избирателей, данные в феврале месяце 1931 г. Детскосельскому Горсовету VI Созыва. [Детское Село]: [Горсовет], 1931. 22 с.
60. Ширяев. Откройте двери. Письмо из Детского Села // Социалистический пригород. 1936. № 6(467). 8 января. С. 3.
61. Детские вагоны только для детей // Социалистический пригород. 1935. № 211(373). 14 сентября. С. 4.
62. Предложения по докладу ОПТЭ о первых итогах обслуживания загородными экскурсиями в летний период 1931 года // Архив ГМЗ "Петергоф". ПДМП-6028ар. Л. 53.
63. Письмо из Подотдела уголовного розыска Административного отдела Ленинградского губернского исполнительного комитета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов в Управление Ораниенбаумской ж. д. от 8 февраля 1927 г. // ЦГА СПб. Ф. Р-1326. Оп. 2. Д. 4. Л. 8.
64. Борьба с детской безнадзорностью // Социалистический пригород. 1935. № 108(270). 14 мая. С. 4.
65. Отчет Слуцкого городского совета Пригородного района II созыва о выполнении наказов избирателей за 1935 г. [Слуцк]: [Б. и.], [1936]. 23 с.
66. Владимиров И. В трамвае // Социалистический пригород. 1935. № 182(344). 10 августа. С. 4.
67. Правила об автомобильном движении в городе Троцке и уезде [1923 г.] // ЦГА СПб. Ф. Р-1894. Оп. 2. Д. 1. Л. 83-84.
68. Происшествия // Социалистический пригород. 1936. № 94(555). 23 апреля. С. 4.
69. Владимиров И. Насильники // Социалистический пригород. 1935. № 168(330). 24 июля. С. 4.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст «Роль транспорта в повседневности жителей пригородов Петрограда/Ленинграда в 1920–1930-е гг.» представляет собой обращение к перспективной теме роли развития транспортной системы в истории городской повседневности на примере городской агломерации Петрограда/Ленинграда в 1920–1930-ые гг. Автор в своем исследовании опирается на значительный объем источников: архивных материалов, публикаций в СМИ, воспоминаний и т.д. Исследование носит междисциплинарный характер, находясь на пересечении нарративов социальной истории СССР периода НЭП и начала индустриализации, истории повседневности, локальной истории Петрограда/Ленинграда и пригородов, развития транспортной системы и др. Среди многих аспектов, затрагиваемых автором – криминальная ситуация в описываемый период, развитие туризма, политика властей в отношении развития транспортной системы и решения связанных с ней социальных проблем и т.д. Вместе с этим нельзя не отметить некоторые недочеты, присущие работе, в частности автор практически опускает научно-методический компонент работы (методология, круг источников (весьма разнообразный у автора, а потому требующих структурирования и комментария), обзор литературы, задачи и др.). Сам нарратив выстроен с нарушением хронологической последовательности, автор свободно перемещается из начала 1920-ых (послевоенное время) в середину 1930-ых гг. и назад, между тем разница между социально-экономическим контекстом двух этих временных точек очевидна, переход от НЭП к плановой централизованной экономике на рубеже 1920 - 1930-ых гг. по сути не зафиксирован в работе. Представляется, что работе не помешала бы более четкая структура, основанная либо на хронологическом, либо на тематическом подходе (общий уровень развития и динамика транспортной системы, политика местных властей относительно развития транспорта, решаемые социальные задачи, проблемы преступности и др.). Не помешало бы более внятное описание исходного уровня развития транспортной системы (т.е. в дореволюционный период), т.к. затем автор проводит сравнения с этим положением дел; равно как логично было бы, исходя из хронологического критерия, провести обобщение и сравнение уровня развития транспортной системы (и уровня решения сопутствующих проблем) в середине/конце 1930-ых гг. по сравнению с избранной автором временной точкой отсчета исследования. Круг источников вполне позволяет автору как расширить данный текст, так и продолжить исследования в избранном направлении, сама тема представляется весьма перспективной. В целом рецензируемый текст представляет собой осмысленное и перспективное междисциплинарное исследование, которое нуждается в научно-методическом сопровождении и более четкой повествовательной структуре. Рецензируемый текст рекомендуется к доработке по указанным выше недочетам.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная для рецензирования статья «Роль транспорта в повседневности жителей пригородов Петрограда/Ленинграда в 1920–1930-е гг.» посвящена вопросам влияния транспортной инфраструктуры на развитие пригородов. Автор ставит своей

целью исследовать «степень влияния транспортной инфраструктуры на пригородную повседневность». Предметом для изучения выступает повседневность пригородов Петрограда/ Ленинграда в первой трети XX века.

Актуальность данной работы характеризуется общей тенденцией развития исторической науки. В последние десятилетия особую популярность получили исследования повседневной жизни различных населенных пунктов и социальных групп. В данном контексте представленная работа безусловно носит актуальный характер.

На наш взгляд, работа представляет большой интерес для исследователей истории повседневности раннесоветского периода. В работе проанализирован большой пласт различных видов источников: документы архивохранилищ (Архив ГМЗ «Петергоф», ЦГА СПб, ЦГАИПД СПб), документы личного происхождения, периодика. Такой большой пласт источников делает данное исследование крайне ценным для науки. Кроме этого, в статье представлен анализ историографии изучаемой проблемы в виде ссылок на актуальные труды по теме исследования. Как нам представляется, комплексное использование историографических работ и богатой источниковской базы позволило автору достичь поставленных задач.

Авторская методология исследований достаточна интересна и включает в себя социокультурный подход, методы истории повседневности, «новой городской истории», концепции доместикации технологий Р. Сильверстоуна.

Однако, исследование не лишено ряда недостатков. На наш взгляд, некоторые аспекты в работе освещены с точки зрения современных норм и мировоззрения. Деревенские дома, грунтовые дороги, отсутствие круглогодичного транспортной доступности, стоимость проезда и т.д. были обыденными для того периода и воспринимались жителями не столь негативно, как видится автору. Таким образом, нарушен один из основополагающих принципов исторических исследований – принцип историзма.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. Но отдельные места статьи выбиваются из общей структуры. Например, «была просьба увеличить число поездов в Ленинград и решить проблему отопления пассажирских вагонов [60, с. 5]. На вокзале этого же пригорода случались давки во время одновременного прибытия и отправления поездов [61]. В середине 1930-х гг. были специальные вагоны, отведенные для детей и инвалидов, однако проводники обычно не следили, чтобы в них не ездили пассажиры без ребят [62]. Хотя были и совсем другие примеры, такие как образцовый поезд имени Ленинградского совета, ходивший в Тосно.» данный абзац представляет собой набор несвязанных предложений. Так же в тексте встречаются стилистические ошибки. Так из данного абзаца «Например, в Кронштадт в 1926 г. ходило только два парохода в день. Как и в случае с поездами, летом их число могли увеличивать ради туристов и дачников» создается ощущение, что зимой паромы тоже ходили, хотя круглогодичное паромное сообщение Кронштадта с материком началось только в 1968 году. При этом, в целом, стиль написания соответствует жанру научной статьи. Однако, есть серьезные замечания к оформлению библиографии. В списке использованной литературы дублируются названия, например статья И.В. Сидорчука «Трамвайные аварии в советской городской повседневности 1920-х годов» числится под номерами 13 и 68. Так же несколько раз упоминаются одно и тоже дело из (ЦГА СПб). Ф. Р-132. Оп. 1. Д. 41. Л. 12-14 об. (№№ 35 и 36) и др.

Выводы автора не всегда соответствуют содержанию текста. Например, в заключении статьи делается вывод: «Транспортная доступность играла принципиальную роль в качестве жизни местного населения», при этом в тексте работы есть цитата, описывающая бедственное положение жителей Лобовки, в которой не было транспортной инфраструктуры. Следующий абзац автор начинает с фразы «Если брать

другие, более благополучные пригороды, то и там зачастую ситуация оставляла желать лучшего» и приводит описание не менее бедственного положения жителей Колпино. На основе этих данных сделан вывод, что транспортная доступность улучшала условия повседневной жизни.

Учитывая все вышеизложенное, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования» только после исправления указанных недочетов.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования является комплексное влияние транспортной системы на повседневную жизнь, социальные практики и экономическое развитие пригородов Петрограда/Ленинграда в межвоенный период. Автор выходит за рамки простого описания маршрутов и расписаний, фокусируясь на таких аспектах, как мятниковая миграция, доступ к товарам и услугам, качество жизни в зависимости от степени транспортной доступности, а также сопутствующие социальные проблемы (например, преступность).

Методологическая основа статьи свидетельствует о глубокой теоретической проработке темы. Автор сочетает традиционные методы (анализ, описание) с современными междисциплинарными подходами. Применение социокультурного подхода позволяет рассмотреть транспорт не как техническую систему, а как фактор трансформации политической культуры и пространства. Обращение к «новой городской истории» помогает представить пригород как сложный организм и коммуникативное пространство. Использование элементов акторно-сетевой теории (Б. Латур) и концепции доместикации технологий Р. Сильверстоуна позволяет анализировать транспортные технологии как активных акторов социальных отношений.

Актуальность исследования несомненна. Статья вписывается в ключевые направления развития современной исторической науки: историю повседневности, социальную историю, историю техники. Изучение советской модернизации через призму пригородной транспортной системы позволяет уйти от макроуровневых обобщений и показать, как масштабные политические и социально-экономические преобразования преломлялись в жизненном опыте населения.

Научная новизна статьи определяется выбором объекта и ракурса исследования. История пригородного транспорта второго города страны в 1920-1930-х гг. ранее не становилась предметом столь детального и сфокусированного изучения. Кроме того, новизна работы заключается в комплексном анализе основных видов транспорта и их взаимовлияния. Автор вводит в научный оборот пласт ранее не публиковавшихся архивных материалов (отчеты горсоветов, наказы избирателей, ведомственная переписка). Ценным является и анализ дисбаланса между потребностями местных жителей и запросами ленинградских туристов, который выявляет социальные приоритеты власти.

Статья отличается четкой структурой. Во введении обосновывается проблема, задаются хронологические рамки, определяется цель. Основная часть последовательно раскрывает различные аспекты темы: от общего обзора видов транспорта к анализу конкретных социальных и бытовых последствий транспортной доступности/недоступности. Научный стиль изложения является доступным для понимания, чему способствует активное использование конкретных примеров и цитат из источников. Содержание отличается глубиной и доказательностью. Автор не ограничивается констатацией фактов, а анализирует причинно-следственные связи, например, показывая, как плохие дороги и отсутствие транспорта напрямую вели к социальной и бытовой деградации поселков. Эмпирическая база исследования солидна и адекватно интерпретирована.

Библиография репрезентативна и демонстрирует хорошее знакомство автора с работами по истории транспорта, города и повседневности. Источниковая база, представленная в библиографии и в тексте статьи, является ценной и служит фундаментом для выводов. Автор статьи осознает возможные контраргументы и заранее выстраивает защиту своих тезисов. Основной потенциальный упрек мог бы касаться репрезентативности отдельных ярких, но, возможно, частных примеров (как история с отсутствием обуви у школьницы из Лигово). Однако автор нигде не выдает их за распространенную практику, а использует для иллюстрации общих тенденций, подкрепленных статистикой и другими типами источников.

Выводы статьи убедительны и аргументированы. Автор доказывает, что транспорт был не просто средством передвижения, а ключевым фактором, структурировавшим пригородную повседневность, определявшим качество жизни, социальную мобильность и интеграцию в более широкое городское пространство. Подчеркивание конфликта между интересами местных жителей и рекреационными потребностями горожан является важным наблюдением, вскрывающим социальные противоречия эпохи.

Статья вызовет значительный интерес у специалистов по советской истории и истории Петрограда/Ленинграда/Петербурга, исследователей в области истории техники, урбанистики, социологии и антропологии.

Статья рекомендуется к публикации в ее настоящем виде.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Митленко В.И., Асташова Е.Н., Исаев А.В., Полякова А.С. Инженерное наследие Я. М. Гаккеля: неизвестные страницы биографии, новые источники и интерпретации // Genesis: исторические исследования. 2025. № 10. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.10.75947 EDN: FNETAS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75947

Инженерное наследие Я. М. Гаккеля: неизвестные страницы биографии, новые источники и интерпретации

Митленко Владимир Иванович

Директор; ФГБУК «Центральный музей железнодорожного транспорта РФ»

190068, Россия, г. Санкт-Петербург, Адмиралтейский р-н, ул. Садовая, д. 50

✉ cmrt1813@yandex.ru

Асташова Елена Николаевна

Заместитель директора; ФГБУК «Центральный музей железнодорожного транспорта РФ»

190068, Россия, г. Санкт-Петербург, Адмиралтейский р-н, ул. Садовая, д. 50

✉ elena_ast18@mail.ru

Исаев Александр Владимирович

ORCID: 0000-0002-2527-1566

кандидат технических наук

доцент; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

195251, Россия, г. Санкт-Петербург, Калининский р-н, ул. Политехническая, д. 29

✉ isaev@avtomashinist.ru

Полякова Арина Сергеевна

ORCID: 0009-0009-3342-5420

аспирант; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

195251, Россия, г. Санкт-Петербург, Калининский р-н, ул. Политехническая, д. 29

✉ polyackova.ar@yandex.ru

[Статья из рубрики "Личность в истории"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.10.75947

EDN:

FNETAS

Аннотация: Предметом исследования является биография и научно-инженерная деятельность Якова Модестовича Гаккеля – выдающегося русского инженера, изобретателя и педагога. Авторы подробно рассматривают такие аспекты темы, как вклад Я. М. Гаккеля в развитие авиации, тепловозостроения, приборостроения, а также его роль в подготовке нового поколения инженеров в таких институтах, как ЛЭТИ и ЛИИЖТ. Особое внимание уделяется малоизвестным и ранее не изученным страницам его жизни, включая ранние годы, формирование профессиональных интересов и влияние личных обстоятельств на научные решения. В центре анализа находятся уникальные архивные документы, среди которых впервые публикуется личный рукописный дневник учёного, а также его автобиографические материалы и источники из фондов ЦМЖТ и РГИА. Методология исследования опирается на комплексный подход, включающий анализ рукописных и печатных источников, архивных документов, автобиографий и мемуаров, а также применение историко-биографического, источниковедческого и сравнительно-исторического методов. Новизна настоящего исследования заключается во введении в научный оборот ранее неизвестных материалов, в том числе рукописного дневника Я. М. Гаккеля, хранящегося в Центральном музее железнодорожного транспорта и позволяющего реконструировать личные взгляды и научные приоритеты инженера. Особым вкладом авторов является системное рассмотрение биографии Я. М. Гаккеля не только через призму его вклада в авиацию, но и в более широком контексте развития тепловозостроения, приборостроения и педагогической деятельности учёного. Основными выводами проведенного исследования являются выявление многоаспектности инженерного наследия учёного, значимости его инновационных идей для отечественной науки и техники, а также уточнение его роли в формировании научных школ, способствовавших индустриализации и модернизации транспорта в XX в.

Ключевые слова:

авиация, биография, Я. М. Гаккель, личный дневник, история науки, история техники, источниковедение, тепловозостроение, инженерное наследие, педагогика

Изучение биографий выдающихся учёных и инженеров играет ключевую роль в понимании истории науки и техники, поскольку позволяет раскрыть механизмы формирования научных школ, оценить влияние личных обстоятельств на профессиональную деятельность и выявить факторы, способствующие научным достижениям. В этом контексте фигура Якова Модестовича Гаккеля занимает особое место. Я. М. Гаккель внес значительный вклад в развитие отечественной науки и техники, однако его биография до сих пор остается малоизученной.

Начало XX в. ознаменовалось стремительным развитием новых отраслей техники, которые навсегда изменили транспорт и промышленность. История науки и техники знает немало примеров выдающихся инженеров, чьи достижения связаны с развитием одной отрасли – но, однако, научная и инженерная деятельность Якова Модестовича Гаккеля

охватила сразу несколько ключевых направлений, которые оказали значительное влияние на развитие промышленности и транспорта XX в. Когда рождалась авиация, Я. М. Гаккель стоял у истоков отечественного самолетостроения, создав один из первых российских аэропланов. Позднее, в эпоху индустриализации, он внес значительный вклад в проектирование и развитие тепловозов — локомотивов, которые стали символом перехода железнодорожного транспорта к более эффективным видам тяги. Биография Я. М. Гаккеля — это история технического прогресса России, воплощенного в судьбе одного человека.

В существующих публикациях Я. М. Гаккель упоминается лишь фрагментарно, без глубокого анализа его жизненного пути. Серьезные научные биографические исследования отсутствуют, а отдельные попытки описания его жизни носят скорее научно-популярный характер и не опираются на полноценную источниковую базу. Некоторые авторы [\[1, с. 369-371\]](#) рассматривают деятельность инженера лишь с точки зрения его вклада в отечественное авиастроение, оставляя без внимания и другие области его интересов. Другие исследователи предпринимают попытки рассмотреть многоаспектность деятельности Я. М. Гаккеля [\[2, с. 88-91\]](#), в том числе делая акцент на его принадлежности к той или иной высшей школе [\[3, с. 336-343\]](#). Особенno неразработанным остается вопрос о ранних годах жизни Я. М. Гаккеля, который важен для понимания становления его профессиональных интересов и научных взглядов.

В настоящем исследовании использованы впервые вводимые в научный оборот материалы архивных источников Российского государственного исторического архива (РГИА), а также автобиографии Я. М. Гаккеля, научные статьи и другие работы, которые хранятся в фонде Центрального музея железнодорожного транспорта РФ (ЦМЖТ). Личный фонд Я. М. Гаккеля, в состав которого входят несколько машинописных автобиографий и рукописный дневник Я. М. Гаккеля (воспоминания), передан в музей дочерью учёного, профессором Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта (ЛИИЖТ) Е. Я. Гаккель. Еще ряд документов передан в ЦМЖТ РФ в 2020 г правнуком инженера А. А. Гаккелем.

Яков Модестович Гаккель родился 30 апреля (12 мая) 1874 г. в городе Иркутске. Его отец, Модест Васильевич (Вильгельмович) Гаккель, родился в 1839 г. в Киеве в семье врача, и, как отметил Я. М. Гаккель в заметках рукописного дневника [\[4\]](#), скончался в 1909 г. По семейным преданиям Шервудов [\[5, с. 31-61\]](#) — внуков Ольги Модестовны Гаккель (сестры Я. М. Гаккеля) и Леонида Владимира Шервуда — Вильгельм (Василий) Гаккель был наполеоновским лекарем, попавшим в Россию в плен. Во Францию В. Гаккель не вернулся, в дальнейшем был приписан к дворянам Киевской губернии. К сожалению, установить сведения о бабушке Я. М. Гаккеля по отцовской линии исследователям до сих пор не удалось — известно лишь то, что она была француженкой.

В 1855 г. отец, М. В. Гаккель, поступил в Николаевское инженерное училище, а в 1858 г. окончил его с производством в полевые инженеры с чином прaporщика. По воспоминаниям Я. М. Гаккеля [\[4, с. 2\]](#), его отец после окончания Военно-инженерного училища поступил в Академию художеств, так как имел призвание к живописи, однако недостаток средств к жизни не позволил ему идти по дороге художника, он вынужден был бросить Академию и поступил на казённое место — сапером в военное ведомство. В 1869 г. М. В. Гаккель был прикомандирован к Окружному инженерному управлению в городе Иркутске [\[6, с. 133\]](#) для участия в постройке первой телеграфной линии от

Благовещенска до Владивостока для соединения этого военного поста с линиями и другими прибрежными постами. В его честь был назван мыс на Тихоокеанском побережье в заливе Посыета, два островка — Большой и Малый Гаккель и поселок Гаккелевка, ставший одним из раздельных пунктов Транссибирской магистрали.

Будучи в Иркутске, М. В. Гаккель снимал комнату у местного купца третьей гильдии Якова Аксенова [\[5, с. 31-61\]](#), на дочери которого — Степаниде (Степаниде) Яковлевне Аксеновой — он женился в том же 1869 г. У четы Гаккелей родилось четверо детей — сам Я. М. Гаккель, его младшая сестра О. М. Гаккель и братья Владимир и Борис [\[6, с. 133\]](#).

Яков Модестович Гаккель провел детство во Владивостоке, куда по служебным обязанностям был переведён его отец. М. В. Гаккель занимался строительством казённых домов и берегового дока, а также возводил маяк на острове Аскольд. Нередко он брал с собой сына, что способствовало раннему пробуждению у мальчика интереса к технике и инженерному делу. Уже в детские годы Яков стремился наполнять свою жизнь деятельностью, направленной на познание окружающего мира, постижение его тайн и радость созидания. Именно на Дальнем Востоке началось его знакомство с миром электричества, который впоследствии определил всю его профессиональную судьбу. В девяностилетнем возрасте Яков побывал на китобойной охоте, что оставило неизгладимые впечатления. Однако самым значимым событием стало знакомство с магнитоэлектрической машиной, установленной на военном буксирном пароходе с дуговым прожектором — впервые появившемся во Владивостоке в 1883 г. [\[4, с. 3\]](#).

В 1885 г. семья Я. М. Гаккеля переехала в Кронштадт, где Модест Васильевич руководил восстановлением петровских стенок гаваней, а также сооружением стены, ограждающей гавань от моря [\[4, с. 3\]](#). Любознательный Яков продолжал сопровождать отца на строительных объектах. Семья в то время жила достаточно скромно, но, несмотря на это, отец сумел сделать сыну ценный подарок — «гальваническую лабораторию», приобретенную на распродаже имущества покойного врача. Этот подарок стал ключевым фактором, определившим дальнейшую судьбу Якова. Поглощённый экспериментами, он столкнулся с первыми трудностями — лампочки быстро перегорали, что пробудило у мальчика желание самостоятельно изготовить нитро-лампу.

Однако неумение Якова экспериментировать сразу привело к пережогу лампочек, но стало причиной ещё большего желания сделать лампочку самому. Отчасти это удалось: была добыта платиновая проволока, которая в виде петли вмазывалась гипсом в один конец стеклянной трубки. В другой конец была вмазана петля из железной проволоки, обмотанной ватой. Сначала пускался ток по железной проволоке, проволока по закону Джоуля-Ленца (о котором, возможно, Яков ещё не знал) нагревалась, а вата загоралась, выжигая кислород в трубке. После этого лампа светила уже накалом платиновой проволоки в атмосфере азота углекислоты и окиси углерода как продуктов горения ваты. Конечно, такая «нитро-лампочка» действовала недолго: скорее всего, кислород из атмосферы проникал через поры гипса.

В распоряжении Якова был ещё и электродвигатель, вал якоря которого приводил в действие редуктор из двух зубчатых колёс, причём на ведомом колесе был закреплён шкив. Этот «колёсно-моторный блок» был использован для движения лодки на даче под Ораниенбаумом. Для этого с большим трудом был заказан в слесарной мастерской винт со шкивом для веревки — таким же, как на редукторе. Винт установили в вырезе лодочного руля, а электродвигатель с редуктором — на румпеле. Веревка сплеталась на

месте из шпагата, чтобы избежать соединения концов. Аккумуляторная батарея Грене подсоединялась к выводам двигателя, и «лодка двигалась к полному восторгу многочисленных младших братьев и дачной детворы, хотя скорость лодки и была меньше, чем на веслах и батарея так быстро истощалась, что каждый «рейс» длился не более 10-ти минут», — так описывал Яков Модестович свои детские опыты [4, с. 6]. Эти ранние инженерные увлечения стали не только проявлением природных способностей Я. М. Гаккеля, но и отражением той среды, в которой он рос. Однако занятия электротехникой имело и негативные последствия: мальчик перестал уделять должное внимание учёбе и провалил экзамены после пятого класса реального училища. Отец был вынужден перевести сына в пансион Первого Санкт-Петербургского реального училища. К сожалению, «гальваническая лаборатория», оставшаяся в Кронштадте, вскоре была разрушена младшими братьями.

Влияние Модеста Васильевича на профессиональное становление сына трудно переоценить. Отец не только познакомил Якова с миром электротехники, но и сумел развить у него способность к самостоятельному решению технических задач, поощрял экспериментаторский подход и стремление к познанию. Именно это предопределило выбор Я. М. Гаккеля в пользу электротехники как области профессиональной деятельности.

Завершив обучение в Первом Санкт-Петербургском реальном училище в 1893 г., 11 сентября того же года Яков Модестович поступил в Электротехнический институт [4, с. 8] в Санкт-Петербурге — ведущий центр подготовки специалистов в области электротехники в Российской империи.

«Ясно, что по окончании реального училища я определенно стремился только в электротехнический институт, где с увлечением стал учиться у профессоров О.Д. Хвольсона, В.В. Скобельцына, И.И. Боргмана, М.А. Шателена и В.Ф. Миткевича» — напишет Яков Модестович в своем дневнике [4, с. 8].

Действительно, именно учеба в Электротехническом институте сыграла решающую роль в формировании научных взглядов Я. М. Гаккеля. Институт, основанный при непосредственном участии М. Г. Писаревского, был уникальным образовательным учреждением, в котором сложился выдающийся преподавательский состав [6, с. 134]. Среди первых преподавателей были профессор О.Л. Хвольсон, автор классического курса физики, изданного в России, Франции и Германии, и преподаватель химии О. О. Кракау, впоследствии ставший профессором института. В 1889 году к преподавательской деятельности были привлечены П. С. Осадчий и П. Д. Войнаровский — выпускники первых наборов института, ставшие впоследствии известными профессорами.

В 1893 г. курс электротехники начал читать М. А. Шателен, первый в России профессор электротехники и будущий член-корреспондент АН СССР. С 1894 г. курс теоретической электротехники преподавал профессор И. И. Боргман, основатель отечественной школы теоретических основ электротехники. После смерти М. Г. Писаревского в 1895 г. институт возглавил Н. Н. Качалов, под руководством которого в учебное заведение пришли такие выдающиеся ученые, как Д. И. Менделеев, А. С. Попов, А. А. Петровский, М. А. Скрицкий и И. Г. Фрейман.

К десятилетнему юбилею института в 1896 г., когда Я. М. Гаккель завершал обучение, Электротехнический институт добился значительных успехов. За этот период было подготовлено 143 техника и 11 инженеров. Студенты института активно участвовали в научно-исследовательской деятельности, опубликовали 28 оригинальных статей по

электротехнике, занимались переводом иностранных книг, проводили эксперименты по изучению новых явлений и занимались экспертизой проектов освещения и кабельного оборудования. Кроме того, по заказу Брянского железнодорожного училища силами преподавателей и студентов института был изготовлен электрический генератор, успешно прошедший испытания [\[7, с. 119-120\]](#).

Примерно в этот же период времени Я. М. Гаккель женился на своей первой жене — Евдокии Ивановне Кулебяиной. О данном фрагменте своей жизни Яков Модестович в своих автобиографиях никогда не упоминал. В формулярном списке [\[8, л. 2\]](#) о службе губернского секретаря Якова Модестовича Гаккеля, составленном Главным управлением почты и телеграфов Министерства внутренних дел в 1913 г., в графе о семейном положении и наличии детей содержится информация о том, что Я.М. Гаккель женат первым браком на девице Евдокии Ивановой Кулебяиной — «жена православного вероисповедания, и находится при нем» [\[8, л. 2\]](#). Установить точные годы вступления в брак и его продолжительность не представляется возможным, поскольку в архивном деле данные сведения не приведены. Наличие у Я. М. Гаккеля первого брака упоминается лишь вскользь в одной работе, где отражено рождение трех детей от Е. И. Кулебяиной [\[9, с. 10\]](#). На наш взгляд, автору работы — профессору ЛИИЖТа, заведующему кафедрой «Локомотивы и локомотивное хозяйство» В. В. Стрекопытову — указанные факты биографии Я. М. Гаккеля сообщила его дочь, Екатерина Яковлевна Гаккель, работавшая на этой же кафедре.

Я. М. Гаккель, будучи студентом Электротехнического института в Санкт-Петербурге, проявил себя как один из наиболее способных учащихся. Революционная деятельность Я. М. Гаккеля началась еще в студенческие годы, когда он организовал студенческую кассу взаимопомощи, которая вскоре превратилась в ячейку по распространению нелегальной литературы. Его связь с революционными кругами была обусловлена дружбой, начавшейся еще в реальном училище с А. Г. Успенским, сыном писателя Г. И. Успенского, который снабжал его запрещенными изданиями [\[4, с. 8\]](#). В результате этого Я. М. Гаккель в 1896 г. был арестован прямо во время производственной практики на Курском вокзале в Москве.

Арест был произведен в кабинете начальника Я. М. Гаккеля — Краузе, заведующего устройством электрического освещения Курского вокзала. Жандармы допустили оплошность, позволив Гаккелю для сдачи работы переговорить с Краузе, чем арестованный воспользовался, попросив Краузе известить об аресте телеграммой матери в Петербург. Это извещение дошло до А. Г. Успенского, который успел до обыска очистить комнату Якова в квартире родителей от нелегальщины и небольшого запаса шрифта Лахтинской типографии, хранившегося там. Таким образом, компрометирующими материалами для Гаккеля оказались только один том К. Маркса и несколько штук брошюрок, которые были им взяты с собою в Москву и использовались для пропаганды.

Очень интересны были впечатления Гаккеля от ареста. «Глупые и оскорбительные раздевания до гола, увод на ночевку в какую-то полицейскую часть и привод лишь на следующий день на студенческую квартиру для обыска. При переходах по улицам и при поездке в опорожненном для меня вагоне III класса из Москвы в Санкт-Петербург, я встречал исключительно только соболезнующие и сочувствующие взгляды окружающих и ни одного злорадного, одобряющего действия жандармов. Это меня поразило: я никак не ожидал, что уже в это время жандармы были так непопулярны! Ночью мои телохранители так крепко разоспались оба, что я мог без разрешения прогуляться в

уборную, и, если бы было нужно, конечно, мог бы вылезть из вагона и убежать от них. Но я ограничился только тем, что, вернувшись разбудил их, сказав, что теперь я буду спать, а они пусть караулят, чтобы меня не украли!» [\[4, с. 8\]](#).

После допроса полковником Корпуса жандармов Шмаковым Гаккеля посадили в одиночку на Шпалерной с угрозой, что будут держать до тех пор, пока он не назовёт того, кто снабжал его нелегальной литературой и не укажет, где находится передавший ему на хранение шрифт. Гаккель при этом вполне искренне утверждал, что не знает, где находится шрифт, отрицая также факт хранения.

В тюрьме Я. М. Гаккель провел почти пять месяцев, где, несмотря на тяжелые условия, продолжал заниматься самообразованием.

«В одиночном заключении я чувствовал себя совсем не плохо: занимался гимнастикой, штудированием «Электричества и Магнетизма» Боргмана, которое мне разрешили взять в камеру из вещей привезенных с собою из Москвы, изучал французский язык, читая Э. Шатриана, Э. Золя и Огюста Канта из тюремной библиотеки», — записал в дневнике Я. М. Гаккель [\[4, с. 12\]](#).

Решение руководства института не отчислять Я. М. Гаккеля, а перевести его в вольные слушатели, было нестандартным для того времени. Это решение было продиктовано не только стремлением сохранить репутацию учебного заведения, но и признанием таланта молодого инженера. За Гаккеля усиленно хлопотал директор института инженер-генерал Качалов, который поставил своей задачей восстановить репутацию политической невиновности доверенного ему института, которому к тому же только что было дано наименование «императора Александра III». Арест Гаккеля был первым арестом среди студентов-электриков, и исключение по этой причине явно нарушало политическую благонадежность института и не давало спокойно спать «его Превосходительству». Поэтому уже в ноябре 1896 г. Гаккель вернулся в институт и погрузился в занятия. Особенно тесно он сошёлся с профессором В. Ф. Миткевичем, который поручал Гаккелю особо интересные работы по своей лаборатории.

В 1897 г. Я. М. Гаккель блестяще защитил дипломный проект, однако вскоре был отправлен в ссылку в Сибирь сроком на пять лет [\[4, с. 14\]](#). И в этот раз не обошлось без помощи генерала Н. Н. Качалова, который устроил ему назначение по службе в Перми. Приказом по Пермскому почтово-телефрафному округу № 37 от 7 июня 1897 г. Я. М. Гаккель определён младшим механиком низшего оклада [\[8, л. 1 об\]](#), а приказом от 12 января 1898 г. переведён на Златоустовскую почтово-телефрафную контору с тем же званием. 17 сентября этого же года был утвержден в чин губернского секретаря по званию телеграфного техника I разряда [\[8, л. 2 об\]](#) и дал присягу на верность императору Николаю II [\[8, л. 4\]](#).

Но деятельности Гаккелю унылая пермская жизнь пришлась совсем не по душе. В вагоне поезда он познакомился с ехавшим с Бодайбинских приисков старшим бухгалтером Ленского золотопромышленного товарищества, который рассказал, что на Лене начинается постройка гидроэлектростанции, и что главноуправляющий инженер Л. Ф. Грауман никак не может найти инженера-электрика, который согласился бы поехать работать в эту глушь. Гаккель сразу же списался телеграммой с Грауманом и получил его согласие. Жандармы также не возражали против такого изменения места высылки и были так любезны, что даже разрешили Гаккелю съездить в Петербург заключить договор с правлением компании.

По приезде на прииск Гаккель сразу принялся за изучение имевшийся в наличии гидроэлектрической установке на речке Ныгри. Эта установка была смонтирована ещё в 1896 г. франкфуртской фирмой «Ламейер» и была первой в России гидроэлектростанцией переменного трёхфазного тока напряжением 10000 вольт, действовавшей от двух гидротурбин. Однако запаса воды в Ныгри было так мало, что едва хватало на одну турбину, а вторая была запасной. Гаккелю же предстояла постройка более мощной станции на р. Бодайбо в три машины по 200 сил, спроектированной фирмами «Шукерт и Гольцерн»[\[4, с. 17\]](#).

Тот период стал для Гаккеля не только испытанием, но и важным этапом профессионального становления. На Ленских золотопромышленных приисках Яков Модестович решал сложные задачи, связанные с круглогодичной работой гидроэлектростанции в условиях экстремальных морозов, достигавших пятидесяти градусов. Кроме того, он участвовал в прокладке высоковольтной линии электропередачи от ГЭС до приисков, что стало важным шагом в развитии энергетики Восточной Сибири.

Наладив зимнюю работу станции в 1898-1899 гг., Я. М. Гаккель взял двухмесячный отпуск и уехал в Петербург, где выступил в Электротехническом институте с докладом о произведённой работе на приисках, а также защитил дипломный проект на тему «Трамвай на трехфазном токе». В это же время он женился во второй раз, теперь — на младшей дочери Г. И. Успенского, Ольге Глебовне Успенской[\[4, с. 20\]](#). Впоследствии у них родилось двое детей: сын Яков и дочь Екатерина.

Осенью 1903 г., по окончании пяти лет высылки, Я. М. Гаккель с женой вернулся в Петербург. Здесь он получает место инженера в технической конторе акционерного общества «Вестингауз» и одновременно поступает лаборантом в Электротехнический институт по кафедре профессора П. Д. Войнаровского. В своих воспоминаниях Я. М. Гаккель пишет, что с этого времени его жизнь стала разнообразной.

«Подходил 1905 год. А.Г. Успенский организовал с Л.И. Лутугиным «Союз инженеров» – полупрофессиональную, полуполитическую организацию. Душою ее был талантливейший оратор Л.И. Лутугин, часто повторявший: «стоит только сделать «скок», а из него выйдет и революция!» Как известно восстание в Петербурге 1905 г. не поднялось, но наша группа усиленно к нему готовилась: собирала оружие, проводилось обучение стрельбе. Я же достал чертежи прокладки кабелей полицейского телеграфа и составил план его парализации при восстании», – уточняет Я.М. Гаккель в дневнике [\[4, с. 24\]](#).

С 1905 г. у него начинается усиленная работа по проектированию петербургского трамвая в конторе общества «Вестингауз» и вместе с тем преподавательская деятельность в институте по курсу «Электрический трамвай».

В 1907 г. на постройку трамвая приехал главный инженер — англичанин, привезший с собою еще 5 инженеров, не говорящих по-русски. Якову Модестовичу пришлось спешно учиться говорить по-английски, чтобы удержаться на интересной работе. Это удалось — ему поручили оборудование Центральной станции и пятой подстанции. Следует отметить, что договоры общества «Вестингауз» с петербургским городским самоуправлением были заключены на чрезвычайно короткие сроки с применением штрафных санкций за срыв сроков ввода оборудования в эксплуатацию. Между тем сам поставщик (завод Вестингауза в Манчестере) уведомил, что турбогенераторы будут доставлены не через 9 месяцев со дня подписания договора, а лишь через 15 месяцев [\[4, с. 25\]](#).

Вот тут молодому инженеру пришлось изобретать всевозможные схемы, дабы не подвести петербургских коллег. Гаккель разыскал 6 поршневых паровых машин, изготавливавшихся на заводе Лесснера для освещения броненосцев «Двенадцать апостолов» и «Святой Евстафий», и спроектировал генераторы постоянного тока с независимым возбуждением.

Проект был одобрен в Манчестере, 6 машин были куплены у Лесснера с добавкой оплаты штрафов за опоздание поставки их на броненосец и установлены во временной пристройке к центральной станции. Машины получили вовремя пар от установленных уже постоянных котлов Фицнера и Гампера. Центральная станция была пущена в ход и посредством временной установки подстанционных трансформаторов, она дала ток на Василеостровскую и Подъяческую подстанции. Таким образом, был открыт первый маршрут трамвая «Васильевский остров – Невский проспект» без просрочки по договору. «Гаккелевская» временная станция проработала благополучно в течение полугода, пока не был пущен в ход первый турбогенератор центральной станции. Однако, когда был установлен второй турбогенератор и нагрузка центральной станции возросла, то обнаружился значительный конструктивный дефект турбины Вестингауза. Цилиндр ротора, будучи закреплен наглухо одним концом, другим должен был проскальзывать по валу при температурном удлинении. Однако вследствие появления ржавчины на конце вала у вакуумной части турбины втулка ротора заклинивалась и цилиндр деформировался по механизму изгиба, вовремя обнаруженного по следам задевания лопаток. Пришлось Гаккелю делать «тюнинг» вестингаузовского изделия: благодаря знакомствам на заводе Лесснера на всех турбинах поочередно заменили скользящую втулку на электрическую листовую диафрагму, прилепанную наглухо и к втулке вала, и к фланцу цилиндра ротора. В результате такого «апгрейда» получились надёжные турбины, многие годы работавшие без каких-либо отказов.

Однако эксплуатация центральной станции, которую по договору общество «Вестингауз» обязывалось вести в течении года на своих турбинах, чтобы подтвердить гарантированную цену за 1 кв. ч. вырабатываемой энергии, шла экономически совсем неблагополучно. Дело в том, что центральная станция должна была работать безостановочно круглые сутки; ночью же с 1 часа до 7 утра трамваи не ходили и энергия расходовалась только лишь на собственные нужды парка, т.е. в эти часы турбина работала примерно лишь на $\frac{1}{4}$ полной нагрузки. Расход пара был при этом были почти двойным против нормы, что портило, конечно, показатели суточного расхода и делало стоимость отпускаемой энергии выше договорной. Высокий средний суточный расход пара получался ещё и от плохого вакуума, обусловленного чрезвычайно быстрым загрязнением конденсаторов.

Чистка конденсаторов была технологически сложна по причине того, что центральная станция брала охлаждаемую воду из речки Монастырки, около которой расположено кладбище Александро-Невской Лавры. Насосы станции вместе с водой засасывали и подавали в систему продукты разложения трупов, ил и всякие примеси в воде. Естественно, что дежурные инженеры и рабочие всячески откладывали чистку конденсаторов и оспаривали расчеты вакуума с поправками на атмосферное давление. Для того, чтобы положить конец этим спорам, Гаккель сконструировал особый прибор – баровакуумметр. Он состоял из двух стеклянных трубок, погруженных в общую чашку со ртутью, причем одна трубка представляла собою барометр, а другая присоединялась резиновым шлангом к конденсатору. Отсчеты разрежения шли по передвижной миллиметровой шкале и позволяли определить разрежение измерением разности менисков в трубках барометра и вакуумметра (отметим, что по такому принципу работает и современный дифференциальный манометр, устанавливаемый на тепловозных дизелях

и измеряющий величину разрежения в картере дизеля). Также был применён материальный стимул: кочегарам, дежурившим при турбинах и при конденсаторах, полагалась ежемесячная премия к жалованию, рассчитываемая пропорционально количеству отпущенных станций киловатт-часов, отнесённому к массе израсходованного угля. Это привело к тому, что дежурная смена начала следить за вакуумметрами конденсаторов и чистить конденсаторы так часто, как это требовалось техникой дела [\[4, с. 32\]](#).

Уменьшение ночных расхода пара на турбине было более трудной задачей, но и она была разрешена опять-таки путём «тюнинга» разных групп штатных сопл турбины. Предложение Гаккеля заключалось в том, чтобы завод Вестингауза срочно подготовил и доставил новые пароподводящие патрубки с шиберными затворами, которые позволяли бы в зависимости от нагрузки выключать одну или две группы сопл.

Правление одобрило это предложение и утвердило вместе с тем положение о введении премии заведующему и дежурным инженерам за сокращение средней цены квт-ч., которая должна была быть подсчитана после окончания срока договора с городом на эксплуатацию Центральной станции. Сотрудники центральной станции Г. К. Драгоев, М. В. Келлер, Лаппо-Старженецкий, И. С. Зарудный и сам Я. М. Гаккель эту премию получили, так как добились понижения стоимости квт-ч в первый же год эксплуатации [\[4, с. 35\]](#).

За период заведования Я. М. Гаккелем эксплуатацией Центральной станции было произведено несколько исследований научно-технического характера. Отметим несколько из них:

- 1) определение влияния снегопада на нагрузку станции и вычисление увеличенного дополнительного сопротивления движению трамвайного вагона при этом;
- 2) определение наивыгоднейшей продолжительности выдержки времени на максимальных автоматах размыкания тока.

Первое послужило темой доклада шестому (электротехническому) отделу Императорского Русского технического общества, а второе дало материал обществу «Вестингауз» для введения нового типа максимальных реле с выдержкой времени.

Наиболее интересное и оригинальное исследование было произведено Гаккелем по заданию Морского технического комитета (МТК) и проведенное им в присутствии комиссии, которую возглавлял А. Н. Крылов (впоследствии — академик). Задание заключалось в определении разницы в мощностях, требуемых на холостое вращение турбины при атмосферном давлении, в сравнении с таким же вращением при вакууме различной величины. Полученные результаты были использованы МТК для постройки паротурбинных судов [\[4, с. 39\]](#).

Я. М. Гаккель руководил постройкой и эксплуатацией Центральной станции и пяти трансформаторных подстанций петербургского трамвая до 1909 г. После налаживания эксплуатации петербургского трамвая и передачи ее городскому управлению общество «Вестингауз» выдало ему премию, которую он с добавлением своих сбережений (всего — 6000 руб.) вложил в основанное им «Российское товарищество воздухоплавателей» — порождение его увлечения авиацией.

«Я поддался общему увлечению авиацией под влиянием известий о чудесных попытках

братьев Райт, затем Сантос-Дюмонт, Блерио, Фербера, Латама и Фармана. Схема аппарата Райта казалась мне годной только для акробатов, Блерио – слишком непрочной, Фербера (вскоре погибшего) и затем Фармана опасной при неудачных посадках. И поэтому я горячо принял за проектирование возможно более надежного аэроплана: с прочным шасси и с мотором расположенным впереди летчика, наметив и мотор более надежный – с водяным охлаждение... В.Ф. Булгаков – мой ученик по Электротехническому институту <...> вызвался поехать во Францию обучаться летать в школе Блерио и взял на себя поручение выбрать там и купить мотор для нашего будущего аэроплана. Вложенных мною денег (6000 руб.) премия за трамвайную Центральную станцию хватило только на 1909 г. Поэтому было организовано товарищество «Биплан ЯМГ», превратившееся затем в первое Российское Товарищество Воздухоплавания «С.С. Щетинина». Из расширенного товарищества я вышел уже в 1911 году вследствие слишком коммерческого направления, на которое стал переходить его главный пайщик, проявлявший хищнические капиталистические аппетиты»[\[4, с. 39\]](#).

В период с 1909 по 1914 г. Я. М. Гаккель неутомимо работает над созданием и совершенствованием аэропланов. Его работы отличались оригинальностью конструктивных решений и стремлением к инновациям, что выделяло его среди современников. Первый самолет Я. М. Гаккеля, «Гаккель-I», построенный к декабрю 1909 г., уже демонстрировал нестандартный подход. В отличие от распространенных в то время французских моделей «Фарман» и «Блерио», Я. М. Гаккель использовал смещенные несущие плоскости биплана, где нижнее крыло было вынесено вперед. Это решение, наряду с установкой двигателя «Антуанетт» мощностью 25 л.с. перед пилотом для повышения безопасности, свидетельствовало о новаторском мышлении конструктора. Однако первый опыт оказался неудачным: в декабре 1909 г. двигатель загорелся, и самолет был уничтожен. Я. М. Гаккель не стал восстанавливать аппарат, осознав его недостатки – такие, как недостаточная мощность двигателя и ненадежность ременной передачи для двух винтов.

Несмотря на неудачу, Я.М. Гаккель продолжил работу, создав «Гаккель-II» – бесстоечный фюзеляжный биплан, что было революционным для того времени, так как фюзеляж считался атрибутом монопланов. Этот самолет, завершенный к марта 1910 года, также не смог взлететь из-за конструктивных недочетов, что вынудило Я.М. Гаккеля внести изменения и создать «Гаккель-III». Последующие модели, включая «Гаккель-IV» с двигателем мощностью 100 л.с. [\[10, с. 151\]](#) и «Гаккель-V» – первый в России гидросамолет, также не достигли значительных успехов, хотя «Гаккель-V» весной 1911 г. был отмечен серебряной медалью Русского технического общества.

Одной из причин было то, что первый мотор «Антуанетт» не мог развить паспортную мощность, и потому был сразу же заменен 30-сильным мотором «Анзани» с водяным охлаждением. Но и этот мотор работал лишь по 15-20 минут, после чего начинались перебои вследствие образования нагара на клапанах. Поэтому первые полеты В.Ф. Булгакова в 1910 г. были малоудачными и часто кончались поломками самолетов при посадках. Исходя из этого, Гаккель в 1911 г. приобрел 100-сильный 4-х цилиндровый мотор «Аргус» в Германии и, так как пробные полеты нескольких малоопытных летчиков продолжали почти каждый раз оканчиваться поломками, он решил сам выучиться летать. Дело пошло сразу лучше, и отказы прекратились.

«После одного взлета, когда вследствие введенного мною усовершенствования (был обширен фюзеляж и перекоса по недосмотру в регулировке крыльев биплана, я неожиданно ни для себя, ни для зрителей – военных летчиков проделал «скольжение на

хвост». И этот трюк сошел благополучно: я без поломки спустился около своего ангара. Смотреть со стороны на мои зигзаги было очевидно страшнее, чем мне бороться с непонятными сначала и неожиданными положениями, которые принимал мой аппарат в воздухе. Обступившие меня товарищи и летчики набросились на меня с упреками в неумелом летании. Но я выправил регулировкой растяжек параллельность крыльев своего биплана и взлетев вновь показал всем, что и летать я умею и, главное, что аппарат хорош. После этого случая, летчики заинтересовались устройством и прочностью моего аппарата, стали поочередно пробовать его, брать пассажиров и один из последних – близорукий поручик Алекснович – вскоре сдал на этом-же аппарате (№7) экзамен на пилотский диплом», – так описывает события сам Я. М. Гаккель [\[4, с. 44\]](#).

Действительно, наиболее удачным проектом Я. М. Гаккеля стал «Гаккель-VII» – биплан, на котором летчик Г. В. Алекснович совершил первый в России междугородний перелет Петербург-Гатчина [\[4, с. 45\]](#). Этот самолет отличался прочностью и надежностью, что позволило ему выполнить сложные задачи, включая посадку и взлет с невспаханного поля – однако бюрократические препятствия помешали дальнейшему развитию проекта.

В 1911 г. Яков Модестович усовершенствовал свой аппарат, который получил название «Гаккель-VIII». На этом аэроплане в наборе крыла были применены нервюры с более выраженным выпукло-вогнутом профилем, а с целью улучшения поперечной управляемости расположение элеронов было выбрано между плоскостями бипланной коробки. В том же году биплан Гаккеля выступил на Первом военном конкурсе русских аэропланов.

Конкурировали с аппаратом Гаккеля уже две фирмы: Петербургское товарищество авиации («ПТА»), которое представлял лётчик В. А. Лебедев, и Московский завод «Дукс» с знаменитым впоследствии летчиком Ефимовым-старшим. Обе фирмы слепо копировали аппараты «Фармана» и оба конкурента-летчика, поломав раза по два шасси при разбеге по специальному полю, отказались выполнять следующие пункты программы конкурса. Однако Гаккелю также не везло: бурей 17 сентября 1911 г. повалило ангар – палатку военного ведомства – и переломало его аппарат. Через десять дней аэроплан был восстановлен, однако конкурсная комиссия посчитала конкурс прекратившимся и Гаккелю стоило огромных хлопот «раскачать» чиновников в Инженерном замке регулировать дальнейшие полёты Г. В. Алексновича на своём аппарате. В рамках этих полётов и был произведён первый в России междугородний перелёт Петербург – Гатчина. Последний номер программы – непрерывный полуторачасовой перелёт – происходил над Гатчинским аэродромом 3 октября. Лётчик Г. В. Алекснович поразил всех своим искусством, т.к. методически летал примерно на 100-метровой высоте по одному и тому же кругу, несмотря на усилившуюся до бури ветер, и чисто сел на место взлета лишь тогда, когда председатель военной комиссии, полковник Семковский, подал сигнал об окончании испытания.

«Велико было наше ликование! Но оно окончилось на следующий же день, когда в Инженерном Замке мне заявили, что премия выдана не будет, т.к. конкурс постановлено считать несостоявшимся вследствие того, что вылетал программу лишь 1 (мой) аппарат, а других конкурентов не оказалось. После долгих «ходатайств» и переговоров военное ведомство решило, не платя премии, всё же приобрести ввиду обнаруженных качеств мой аппарат в казну за 8000 руб.», – писал Яков Модестович [\[4, с. 46\]](#).

Хотя материальный успех Первого военного конкурса для Гаккеля был невелик (в автобиографии он выражается более резко – «ничтожен»), но с моральной точки зрения

был огромен. Гаккелью стало ясно, что он «схватил» технику аэроплана, и, почувствовав прилив энергии, за зиму им были построены два новых аппарата: улучшенный лишь в деталях биплан «Гаккель-VIII», на котором был поставлен мотор «Аргус» меньшей мощности (70 л.с.), и моноплан «Гаккель-IX»原创ной конструкции под тот же мотор. Биплан получил Большую золотую медаль на выставке воздухоплавания в Москве в 1912 г., а затем летчик Александрович сделал с ним «турне» по провинциальным городам, летал с пассажирами, приобретая все большую и большую известность. Между тем на сентябрь вновь был объявлен Второй военный конкурс и... к удивлению Гаккеля, на нём появился киевский конструктор Игорь Сикорский с прекрасной копией гаккелевского биплана — с таким же мотором «Аргус» в 100 сил. Но Гаккель не сдался: готовясь к конкурсу 1912 г., он съездил в Германию и привез новейший шестицилиндровый 120-сильный мотор Рейнского аэрозавода. Этот мотор установили на биплан, а 70-сильный «Аргус» — на моноплан. Моноплан «Гаккель-IX» заинтересовал всех тем, что на нем впервые не было растяжек над крыльями, т.к. Гаккель применил комбинированные, жесткие подкосы-растяжки только снизу — под крыльями.

Однако все надежды Гаккель возлагал на более проверенную конструкцию — биплан со 120-сильным мотором. К этому аппарату привык лётчик Александрович и сделал на нём несколько блестящих пробных полетов. Но после выполнения первого пункта программы конкурса с новым мотором что-то случилось: упала тяга — один цилиндр перестал работать. Разборка обнаружила лопнувшее днище поршня. С запасным поршнем на следующий день произошло то же самое. Пришлось выписывать добавочные запасные поршни из Германии и лишь смотреть целыми днями, как летают другие участники. А их на второй конкурс явилось уже много: И.И. Сикорский на «реплике» гаккелевского самолёта, Габер-Влынский на «Дуксе», а также Стеглау, Хиони и Кеннеди. Вне конкурса участвовали иностранные аппараты: Абрамович на «Райте», Фоккер на своем первом моноплане и Конте-Сцинио на «Депердюссене». Но, сколько Гаккель не менял поршни на новом моторе, результата не было: мотор обеспечивал хорошие пробные полёты, а при вылете на регистрируемый полет поршни ломались один за другим. Так прошел Второй конкурс, на котором Сикорский выдвинулся на первое место, а Габер-Влынский на «Дуксе» — на второе. Гаккель с Александровичем смогли выиграть только два из тридцати номеров программы.

«Этот провал подорвал мое строительство аэропланов. В довершение зимою сгорел ангар-мастерская с монопланом и оборудованием. Злосчастный же 120-с. мотор тотчас после конкурса за бесценок купил у меня один строитель моторной лодки. Поместив мотор для исследования и приведения в порядок в лаборатории — мастерскую Политехнического Института — он вскоре сообщил мне, что на днищах поршней обнаружены явные следы серной кислоты. Прошло еще несколько времени, и происхождение кислоты объяснилось. Ко мне пришел с покаянной ночной сторож конкурсного ангара и рассказал, что мой сосед — Габер-Влынский — подкупал его и ежедневно выпроваживал на ночь из ангара, делал с моим аппаратом все, что хотел. Спасибо еще, что он не подпилил крыльев, как это делалось иногда за границей. Так закончилось мое авиационное строительство», — писал Гаккель в своей автобиографии [4, с. 48-49]. В довершение всего, пожар в мастерской уничтожил оба самолета, что окончательно подорвало финансовое положение Я. М. Гаккеля.

Несмотря на трудности, Я. М. Гаккель продолжал работать в авиации до 1914 г., создав около 15 летательных аппаратов, из которых шесть прошли летные испытания. Его вклад в авиастроение был значительным: он стал одним из первых в мире, кто разработал фюзеляжный биплан, создал первый в России гидросамолет и внедрил множество

инновационных решений. Однако отсутствие государственной поддержки, конкуренция и саботаж со стороны недоброжелателей вынудили его оставить авиацию [\[9, с. 6\]](#).

«В 1913 г. мне пришлось ликвидировать долги, в которые ввела меня авиация и я должен был выбрать такую работу, которая давала бы больше денег. Таковой явилось предложение мне кабельного заводчика А.Н. Петичева взять место управляющего постройкой его нового предприятия с проектированием и постройкой своими средствами некоторых станков по производству кабелей. Однако, я не мог выдержать «прижима» Петичева и уже в начале 1914 г. перешел техническим директором на завод аккумуляторов «РЭКС», — рассказывает о неизвестном ранее факте из биографии Я. М. Гаккель [\[4, с. 49-50\]](#).

Техническим директором аккумуляторного завода «РЭКС» в Петрограде Я. М. Гаккель работал с 1914 по 1918 гг. Здесь он вновь встретился с профессором В. Ф. Миткевичем, который был консультантом завода. Совместно с ним и с инженером Кособрюховым была выполнена серьезнейшая работа постановки производства легких аккумуляторов, причем война заставила работать и на русском свинце и наладить даже собственное производство сурника. В короткий срок было выпущено несколько мощных аккумуляторных батарей для подводных лодок «Волк» и др., оказавшихся вполне конкурентоспособными прежнему монополисту — немецкому заводу «Тюдор» [\[4, с. 51\]](#).

На этом заводе застала Гаккеля Октябрьская революция. Активного участия в ней он не принимал и не принадлежал ни к одной партии. После прекращения волнений завод был законсервирован — Я.М. Гаккель остался без источника доходов [\[4, с. 52\]](#). Вместе с тем, как отмечал сам Я. М. Гаккель [\[4, с. 52\]](#), к концу лета 1918 г. его жена заболела, а у дочери Кати вследствие плохого питания обострился туберкулез. Тогда, спасавшись со своим учеником инженером Шевченко, он получил место заведующего Киево-Святошинской железной дороги и переехал с семьей в Киев. Здесь вскоре произошло объединение Святошинской линии с Киевским городским трамваем, и он стал консультантом на правах директора, а с 1919 года — управляющим. В это же время Гаккель стал преподавать электротехнику в местном техникуме и в 1920 г. вступил в Союз рабочих городского транспорта.

В Киеве Яков Модестович Гаккель столкнулся с тремя дизельными двигателями МАН, которые он изучал еще в 1906 г. во время экспертизы проектов строительства трамвая в Петербурге. Эти исследования, а также знакомство с брошюрой «Атлас-Дизель», посвященной дизель-электрической тяге, вдохновили его на разработку мощного дизель-электровоза. Опыт Гаккеля в области тяговой техники, электропривода и авиационного двигателестроения стал основой для этого проекта. В этот период в Киеве появился некто Самойленко-Гольдман [\[4, с. 54\]](#), представившийся инженером и предложивший сотрудничество в создании локомотива с авиационным мотором и электрической передачей. Узнав, что Я. М. Гаккель уже работает над проектом дизель-электровоза, он предложил свои услуги для продвижения идеи в Москве, ссылаясь на свои связи. Я. М. Гаккель, не имея других возможностей для реализации проекта, согласился на совместную работу. К маю 1921 г. проект был завершен, и Самойленко-Гольдман представил его в Народный комиссариат путей сообщения (НКПС). Однако Научно-технический комитет (НТК) НКПС отклонил проект, аргументируя это отсутствием новизны и недостаточной проработкой технических аспектов — таких, как влияние вибрации на верхнее строение пути. Позже выяснилось, что Самойленко-Гольдман не обладал заявленными связями, и его обещания оказались пустыми [\[4, с. 54\]](#).

Разочарованный Я.М. Гаккель обратился за поддержкой к своим коллегам — профессорам Петроградского политехнического института В. Ф. Миткевичу и М. А. Шателену [\[9, с. 6\]](#). Они дали положительные отзывы о проекте и рекомендовали обратиться в Госплан к Г. М. Кржижановскому. Последний поддержал идею и направил проект на экспертизу к специалистам по электрической тяге — профессорам Г. О. Графтио и Б. М. Ошуркову. Ф.Э. Дзергинский, ознакомившись с проектом, выразил согласие с Я. М. Гаккелем, подчеркнув важность развития отечественного машиностроения для независимости от иностранного капитала. Однако Г. О. Графтио, хотя и поддерживал идею, отметил необходимость тщательного анализа ее реализации в текущих условиях. В июне 1921 г. на заседании Госплана под председательством Г. М. Кржижановского проект получил положительную оценку, и было рекомендовано продолжить его детальную разработку для создания опытного образца [\[10, с. 152\]](#).

Для реализации этой задачи при Главном управлении металлопромышленности (Главметалл) Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) была образована «Комиссия по изучению и проектированию дизелевозов». Г. М. Кржижановский поручил Я. М. Гаккелю сформировать список членов комиссии, в которую вошли ведущие специалисты того времени: Г. О. Графтио, Б. М. Ошурков, профессора Н. Л. Щукин, А. С. Раевский, Г. В. Колесов и другие [\[9, с. 6\]](#). Первоначально планировалось использовать дизель мощностью 600 л.с. типа Нобель завода «Русский Дизель», однако вскоре на Балтийском судостроительном заводе был обнаружен более мощный и подходящий по характеристикам дизель фирмы «Виккерс» мощностью 1000 л.с., ранее предназначавшийся для подводной лодки «Лебедь». Военно-морское ведомство согласилось передать его бесплатно для строительства тепловоза.

К январю 1922 г. эскизный проект тепловоза мощностью 1000 л.с. был готов [\[10, с. 152\]](#) и опубликован Я. М. Гаккелем в «Вестнике Главметалла» [\[4, с. 57\]](#). Согласно проекту, генераторная часть располагалась в кузове вместе с холодильником, а тяговые двигатели — на двух тележках с тремя моторными осями и одной бегунковой осью в каждой. Проектирование велось ускоренными темпами благодаря стратегии Я. М. Гаккеля, который избегал излишней теоретической проработки вопросов, требующих значительного времени. «Например: по вопросу воздействия вибрации дизеля на путь и, обратно, стыков рельсового пути на работу дизеля профессор Г.В. Колесов составил 18 дифференциальных уравнений, а неизвестных переменных насчитал 21. На решение дифференциального уравнения он требовал 2 года!», — отмечает в автобиографии Гаккель. Поэтому, опираясь на принцип подобия и на известный в технике метод конструктивных допущений, вопрос о вибрации дизеля и ее влиянии на путь был решён без длительных расчетов. Яков Модестович убедительно доказал, что десятицилиндровый дизель с симметричным кривошипно-шатунным механизмом будет оказывать меньшее воздействие на раму тепловоза, чем четырехцилиндровый двигатель «Аргус», который ставился на его аэропланы.

В январе 1922 г. Г. М. Кржижановский представил проект В. И. Ленину, который одобрил его и поручил организовать детальную разработку и производство. В марте 1922 г. Совет Труда и Обороны (СТО) принял решение о создании «Бюро постройки тепловоза системы Я. М. Гаккеля» при Теплотехническом институте под наблюдением Госплана. В апреле того же года были выделены первые средства на разработку рабочих чертежей и заказы заводам. «С этого момента работа пошла более энергично, причем из состава громоздкой прежней комиссии, был выделен деловой технический совет под председательством Н.Л. Щукина, который периодически 1-2 раза в месяц рассматривал

чертежи, расчеты, сметы и отчеты рабочего Бюро, которым руководил я единолично», — отмечал Я. М. Гаккель [\[4, с. 60\]](#).

Работа велась с большим энтузиазмом, что позволило быстро перейти от проектирования к производству.

Ключевые части тепловоза изготавливались на ведущих заводах Петрограда [\[13, с. 11\]](#). Балтийский судостроительный завод отвечал за ремонт и установку дизеля «Виккерс», изготовление кузова, резервуаров, секций холодильника, трубопроводов и за монтаж оборудования. Завод «Электрик» разработал и произвёл десять тяговых электродвигателей по проекту инженера А. Е. Алексеева, которые стали первым в мире опытом создания таких двигателей для транспортных средств. Завод «Красный Путиловец» изготовил ходовые тележки, зубчатые колеса и главную раму кузова [\[4, с. 61\]](#). Кооперация между заводами и четкая организация работ позволили завершить проект в рекордные сроки.

«Работы шли чрезвычайно быстрым темпом, во-первых благодаря действительному энтузиазму, охватившему всех участников постройки тепловоза, проникшихся тем значением, которое должен получить локомотив в СССР. Все Ленинградские ВТУЗы живо интересовались проблемой тепловоза и продолжали диспуты на тему: «Паровоз, электровоз или тепловоз?». Я поочередно выступал в институтах: Путей сообщения, электротехническом, технологическом и политехническом, стараясь разъяснить роль тепловоза», — отмечает в автобиографии Яков Модестович [\[4, с. 62\]](#).

5 августа 1924 г. тепловоз впервые вышел на пути Балтийского завода. Это событие стало знаковым для советской техники, однако дебют на магистральных путях был задержан наводнением, случившимся в Ленинграде 23 сентября 1924 г. Тепловоз был затоплен, а изоляция тяговых двигателей повреждена [\[4, с. 64\]](#). Для ускорения просушки изоляции Я. М. Гаккель применил оригинальный приём: продал золотые часы, полученные на Ленских золотых приисках в награду за многочисленные оригинальные инженерные решения, и купил несколько бидонов спирта. Этот спирт был залит в специально просверленные отверстия в корпусах тяговых электродвигателей, что позволило достаточно быстро просушить изоляцию [\[12, с. 15\]](#). 3 ноября тепловоз снова вышел на подъездные пути Балтийского завода, был переправлен частями (со снятием кузова с тележек) через Неву двухсоттонным плавучим краном и собран на ж.-д. путях станции Новый Порт Николаевской ж.-д. [\[12, с. 15\]](#).

7 ноября 1924 г., в день празднования годовщины Октябрьской революции, тепловоз, обозначенный НКПС как «Ю³ №002», совершил первый пробный пробег по маршруту Ленинград–Обухово и обратно.

В своих записях Гаккель отмечает некоторые оригинальные особенности своего детища: «Этот тепловоз имеет два электрогенератора, соединенных муфтами с двумя концами одного дизеля. Такая конструкция использована мною для получения двойного режима тяги: при переменном соединении генераторов посыпается в электромоторы ток двойной силы, а при последовательном — двойного напряжения генератора. Схема запатентована.

Впервые применены для холодильников вентиляторы пропеллерного типа на вертикальных осях, получившее с 1926 года всеобщее применение на тепловозах.

План выработанного холодильника и его расположение применено было впоследствии на втором тепловозе Болдвин-Вестингауз (см. журн. *Railway-Age*, 1930 г. XI).

Трехтележная система ходовых частей детально разработанная профессором А.С. Раевским нашла подражание только в самое последнее время на тепловозах Зульцер-Армстронг для Буэнос-Айреса мощностью в 3000 - 4000 сил» [\[4, с. 67\]](#).

Вспоминает Яков Модестович не только о трудных и радостных событиях в ходе создания первенца магистрального тепловозостроения. В его описании событий встречаются примеры конкурентной борьбы, не всегда честной и порядочной.

«После обкаточных поездок под Ленинградом тепловоз Г-Э-1 вышел по маршруту Череповец-Вологда-Ярославль в Москву. Выбыв из Ленинграда с 1000 т поездом в 8 часов вечера 5 января 1925 года, он прибыл в Москву только 16 января 1925 года, пройдя путь более чем двойной длины. Как выяснилось значительно позднее, маршрут Г-Э-1 через Вологду был дан из отдела тяги НКПС сидевшими там друзьями Ю.В. Ломоносова специально для того, чтобы задержать прибытие в Москву и дать возможность тепловозу Э-Эл-2, простроенному в Германии, прибыть ранее и вырвать приоритет. Задержка была еще удлинена замедлением отправки в Тихвин распоряжения НКПС о пуске тепловоза по Северной железной дороге. Только моя телеграмма по всем инстанциям до Наркома пути Я.Э. Рудзутака включительно подняли этот бумажный «шлагбаум» и прекратили праздную стоянку в Тихвине» [\[4, с. 68\]](#).

Тепловоз был торжественно встречен 16 января 1925 г. на Октябрьском вокзале в Москве членами ВЦИКа, Госплана, НКПС и других ведомств с оркестром ОГПУ. И только 23 января прибыл через Двинск тепловоз германской постройки Э-Эл-2.

Состязание машин Гаккеля и Ломоносова состоялось 1 февраля 1925 г. В 10 часов утра, на час раньше тепловоза Ломоносова, тепловоз Гаккеля должен был отправиться в Подсолнечную, дождаться там соперника, принять от него состав массой 1300 т. и торжественно вернуться в Москву. Но в половине десятого на поворотном круге у стойла сошел с рельсов маневровый паровоз и загородил путь. Точно по расписанию, в десять тридцать, мимо распахнутых ворот стойла, мимо злополучного паровоза, в сторону Подсолнечной торжественно проследовал тепловоз Ломоносова со смешанным составом, состоящим из пассажирских и товарных вагонов. В первом салон-вагоне ехали члены правительственной комиссии и представители прессы.

В 12 часов дня паровоз убрали и тепловоз Гаккеля, наконец, понёсся к Подсолнечной со скоростью 93 км/ч.

Ломоносов не дождался Гаккеля в Подсолнечной и повернул назад. Они встретились на полпути в Поварово. В Подсолнечной тепловоз Гаккеля был прицеплен к составу и отправился в Москву.

В газетах 2 февраля 1925 г. появились статьи и интервью многих участников поездки выражающие их впечатления от первого состязания новинок советской и германской техники в новом виде — тепловозной тяге.

«После еще нескольких испытательных поездок тепловоза Г-Э-1 нарком пути Я.Э. Рудзутак предложил мне организовать постройку серии в 15 штук таких тепловозов. — Я же заявил, что копировать Г-Э-1 не следует, что он строился в качестве опытного тепловоза, в значительной мере из случайных частей и что для создания эксплуатационного рентабельного тепловоза целесообразнее не строить сразу серии, а

предварительно подвергнуть более длительному рабочему испытанию первые образцы. Как я сожалел потом, что отклонил возможность стать во главе строительства тепловозов тогда-же! Ведь никто не помешал бы мне внести какие нужно изменения и усовершенствования, а дело сразу двинулось бы широким фронтом. Между тем я занялся теоретическими исследованиями, главным образом проектами специально тепловозных дизелей и рядом последовательных вариантов тепловозов в экспериментальной разработке. Группа строителей Э-Эл-2, сплоченная уже в Германии около Ломоносова, образовала прочное ядро в НКПС и гнула на заказы тепловозов за границей, внося лишь ничтожные изменения в конструкцию» [\[4, с. 69\]](#).

Тепловоз конструкции Я. М. Гаккеля стал важным достижением советской инженерной мысли. Его создание продемонстрировало возможность кооперации между заводами, эффективность научного подхода и энтузиазм участников проекта. Несмотря на трудности, проект был реализован всего за два года и два месяца, что стало примером успешного решения сложной технической задачи в условиях послевоенной разрухи. Тепловоз Я.М. Гаккеля открыл новую страницу в истории отечественного транспортного машиностроения, доказав перспективность использования дизельной тяги на железных дорогах. Однако некоторые специалисты считали, что преждевременно высказываться о преимуществах тепловозов над паровозами, так как только длительная эксплуатация при точном учёте всех расходов (на топливо, обслуживание, ремонт и т.д.) может дать достоверные данные для сравнения.

Яков Модестович Гаккель, завершив строительство и испытания своего тепловоза, сосредоточился на теоретических исследованиях, разрабатывая проекты специализированных тепловозных дизелей и новых моделей тепловозов.

В 1926 г. он представил в НКПС два проекта двухтактных дизелей: один мощностью 60 л.с. без жидкостного охлаждения поршней, другой — 200 л.с. с водяным охлаждением [\[11, с. 57\]](#). Первый проект был успешно реализован на заводе «Русский Дизель», тогда как второй, разработанный на Ижорском заводе, столкнулся с техническими трудностями и был завершён лишь к 1930 г., после чего производство дизелей на заводе прекратилось. Параллельно Я. М. Гаккель работал над усовершенствованием тепловозов, анализируя эксплуатационные недостатки своих ранних моделей и тепловоза ЭЭл-2, построенного в Германии. В 1927 г. он представил проект тепловоза ГЭ-19, который предполагал использование компактного шахтного холодильника, а также разработал тепловоз ЭЭл-4 с улучшенной конструкцией, включающей один электродвигатель вместо нескольких. Однако реализация этого проекта была осложнена бюрократическими препятствиями и изменениями в промышленной политике, что привело к его остановке в 1930 г.

В 1927–1928 гг. Я.М. Гаккель спроектировал несколько новых тепловозов, включая ГЭ-23, ГЭ-24, ГЭ-29 и ГЭ-30, а также активно занимался разработкой быстроходного двухтактного дизеля мощностью 300 л.с. в Отделе проектирования тяговых машин Всесоюзного теплотехнического института [\[9, с. 9\]](#).

Помимо работы в области тепловозов, Я. М. Гаккель занимался педагогической деятельностью в ЛЭТИ, где с 1921 г. преподавал в качестве профессора, выпустив более 600 инженеров. Однако в 1930 г. он полностью переключился на научно-исследовательскую и конструкторскую работу. В 1939 г. за многолетний вклад в науку и технику ему была присвоена степень доктора технических наук без защиты диссертации

[\[9, с. 10\]](#)

Я. М. Гаккель также внес значительный вклад в другие области техники, включая разработку дуговых ламп и прожекторов, а в 1933 г. по заданию НКТП создал паровой трактор с инновационной системой конденсации пара. Этот проект, хотя и не получил дальнейшего развития, лёг в основу паровых установок для речных катеров. В 1933 г. Я. М. Гаккель был назначен членом Научно-технического совета НКПС, а в 1940 г. удостоен звания «Заслуженный деятель науки и техники РСФСР» [\[9, с. 9\]](#).

В годы войны он продолжал активную научную и инженерную деятельность, за что в 1942 г. был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Я. М. Гаккель руководил аспирантами и студентами в ЛИИЖТе, оставаясь ключевой фигурой в развитии отечественного тепловозостроения и транспортной техники. Его наследие включает не только технические достижения, но и воспитание нового поколения инженеров, что подчеркивает роль Якова Модестовича как учёного, изобретателя и педагога.

12 декабря 1945 г. Я. М. Гаккель скончался. Его прах покончился на Волковском кладбище («Литераторские мостки») в Санкт-Петербурге, рядом с могилами А. Н. Крылова и Д. И. Менделеева. Одна из улиц в Приморском районе Санкт-Петербурга — на месте бывшего Комендантского аэродрома — с 4 апреля 1988 г. носит название «Гаккелевская». Имя Гаккеля присвоено тепловозной лаборатории кафедры «Локомотивы и локомотивное хозяйство» ПГУПСа.

Яков Модестович Гаккель был выдающейся личностью, чья жизнь и деятельность стали ярким примером преданности науке, технике и прогрессу. Его вклад в развитие отечественной авиации и железнодорожного транспорта трудно переоценить. Я. М. Гаккель не просто создавал инновационные технические решения — он формировал будущее, опережая свое время и преодолевая многочисленные препятствия. Его работы стали фундаментом для дальнейшего развития ключевых отраслей промышленности, а его идеи продолжают вдохновлять новые поколения инженеров и изобретателей.

Я. М. Гаккель проявил себя не только как талантливый конструктор, но и как человек, обладающий редкой целеустремленностью, смелостью и научной интуицией. Его способность находить нестандартные решения, сочетать теоретические знания с практическим опытом и вдохновлять окружающих на достижение общих целей сделала его одной из ключевых фигур в истории отечественной науки и техники. Интересно отметить, что Я. М. Гаккель достаточно серьёзно занимался музыкой — брал уроки игры на скрипке в Петроградской консерватории [\[12, с. 14\]](#).

Яков Модестович Гаккель оставил после себя не только технические достижения, но и важный пример того, как личность, преданная своим идеалам, может изменить ход истории. Его наследие — это не только машины и механизмы, но и дух новаторства, который продолжает жить в современной инженерной мысли.

Библиография

1. Крылов А. И. Деятельность Якова Модестовича Гаккеля в российском авиастроении начала XX века / А. И. Крылов // Молодой исследователь: от идеи к проекту : Материалы II студенческой научно-практической конференции, Йошкар-Ола, 25 мая 2018 года / ФГБОУ ВО "Марийский государственный университет"; под редакцией Д. А. Михеевой. – Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2018. – С. 369-371. EDN: VWRYTT.

2. Данилейко Ю. В. Гаккель Яков Модестович: 140 лет со дня рождения / Ю. В. Данилейко // Приангарье: годы, события, люди : Календарь знаменательных и памятных дат Иркутской области на 2014 год. Том Выпуск 47. – Иркутск : Государственное бюджетное учреждение культуры Иркутская областная государственная универсальная научная библиотека им. И. И. Молчанова-Сибирского, 2013. – С. 88-91.
3. Платова Е. Э. Вклад выдающихся ученых-инженеров Я. М. Гаккеля и Е. Я. Гаккель в инженерно-техническое развитие города на Неве / Е. Э. Платова // Россия и мир в исторической ретроспективе : Материалы XXIX международной научной конференции, к 320-летию основания Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург, 07 апреля 2023 года. Том 1. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2023. – С. 336-343. EDN: WNGKOV.
4. ФГБУК "Центральный музей железнодорожного транспорта РФ". Личный фонд Я. М. Гаккеля. КП 4684. Ф. 639. Рукописный дневник Я. М. Гаккеля (воспоминания).
5. Санкт-Петербург-Великобритания. XVII-XXI вв / Комитет по внешним связям Санкт-Петербурга; Управление внешних связей Санкт-Петербургского научного центра РАН; Фонд им. Д. С. Лихачёва. – Санкт-Петербург : Издательство "Европейский Дом", 2014. – 534 с.
6. Isaienko S. Y. M. Hakkel: childhood and student's years // Eminak. – 2017. – Vol. 4(2). – P. 132-136.
7. Выдающиеся выпускники и деятели Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета "ЛЭТИ" имени В. И. Ульянова (Ленина), 1886–2006: библиографический справочник / под ред. Д. В. Пузанкова. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГЭТУ "ЛЭТИ" имени В. И. Ульянова (Ленина), 2006. – 350 с.
8. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1289. Оп. 4. Д. 948.
9. Ученые Университета путей сообщения-создатели первых локомотивов / Петербург. гос. ун-т путей сообщ., Каф. "Локомотивы и локомотив. хоз-во"; [Стрекопытов В. В., Януш Б. В.]. – СПб. : ПГУПС, 1995. – 29 с.
10. Покоряя пространство / сост. Н. В. Морохин, И. А. Юницкий // М.: РейлИнфо, 2011.
11. Фурдуев В. В. Паровоз и его соперники. Новая Москва, 1926. – 79 с.
12. Калинин Ю. С., Исаев А. В. Я. М. Гаккель. Страницы жизни // Локотранс – 2012. – № 7. – С. 2-15. – № 8.
13. Новый тепловоз системы проф. Гаккеля // Транспортная газета – орган НКПС. – 28 мая 1927 года. – № 42.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования

Статья посвящена комплексному изучению биографии и инженерной деятельности Якова Модестовича Гаккеля (1874-1945) — выдающегося отечественного инженера, внесшего значительный вклад в развитие авиации, железнодорожного транспорта и электротехники. Предметом исследования является жизненный путь учёного, начиная с детских лет во Владивостоке и заканчивая его работой по созданию первого советского магистрального тепловоза. Автор ставит задачу восполнить существующие лакуны в биографии Гаккеля, особенно в части его ранних лет, семейного происхождения и малоизвестных страниц профессиональной деятельности.

Методология исследования

Исследование основано на принципах историко-биографического анализа с применением метода микроистории. Автор использует комплексный подход, сочетающий архивные изыскания с анализом мемуарных источников и технической документации. Методология включает критический анализ источников, сопоставление различных версий событий и реконструкцию биографических фактов на основе впервые вводимых в научный оборот материалов. Особенno ценным является использование личных записей самого Гаккеля, что позволяет представить события с точки зрения их непосредственного участника.

Актуальность

Актуальность исследования определяется несколькими факторами. Во-первых, фигура Я. М. Гаккеля остается недостаточно изученной в отечественной историографии науки и техники, несмотря на его выдающиеся достижения. Во-вторых, современное развитие транспортных технологий делает особенно важным изучение исторических корней отечественного машиностроения. В-третьих, в условиях технологического суверенитета опыт создания инновационных транспортных средств в сложных экономических условиях начала XX века представляет практический интерес. Работа вписывается в современную тенденцию переосмысливания роли отдельных личностей в истории техники.

Научная новизна

Научная новизна работы заключается в нескольких аспектах. Впервые в научный оборот вводятся материалы личного архива Я. М. Гаккеля из фондов Центрального музея железнодорожного транспорта РФ, включая рукописный дневник и автобиографии инженера. Существенно дополнены сведения о семейном происхождении Гаккеля, выявлены новые факты о его первом браке с Е. И. Кулебяиной. Детально реконструированы малоизвестные эпизоды биографии, включая работу на Ленских золотых приисках и участие в создании петербургского трамвая. Особую ценность представляет подробное описание творческого процесса создания первого советского тепловоза, основанное на свидетельствах самого конструктора.

Стиль, структура, содержание

Статья написана в академическом стиле с элементами научно-популярного изложения, что делает её доступной широкому кругу читателей. Структура работы выстроена хронологически, что позволяет проследить эволюцию личности и профессиональных интересов Гаккеля. Однако подобная структура приводит к определённой фрагментарности изложения — переходы между различными этапами деятельности инженера иногда выглядят резкими.

Содержание статьи богато фактическим материалом, но местами страдает от избыточной детализации технических аспектов, что может затруднить восприятие для читателей, не специализирующихся в области техники. Автор демонстрирует глубокое знание предмета, однако иногда увлекается цитированием обширных фрагментов из мемуаров Гаккеля, что нарушает стилистическое единство текста.

Положительной чертой является живость изложения, достигаемая за счёт включения личных воспоминаний героя. Это позволяет читателю почувствовать атмосферу эпохи и понять мотивы поступков Гаккеля. Однако следует отметить недостаточную критичность при работе с мемуарными источниками — автор зачастую принимает на веру оценки

событий, данные самим Гаккелем.

Библиография

Список литературы включает 13 наименований, что представляется недостаточным для столь обширной темы. Библиография носит преимущественно справочный характер, в ней отсутствуют фундаментальные работы по истории отечественной авиации и железнодорожного транспорта. Слабо представлены зарубежные источники, что ограничивает возможности сравнительного анализа деятельности Гаккеля с работами его зарубежных коллег.

Основу источниковой базы составляют архивные материалы РГИА и личного фонда Я. М. Гаккеля в ЦМЖТ, что является несомненным достоинством работы. Однако автор мог бы расширить круг архивных источников, обратившись к фондам других институтов и предприятий, связанных с деятельностью Гаккеля.

Апелляция к оппонентам

Автор демонстрирует знакомство с существующей историографией вопроса, отмечая фрагментарность освещения фигуры Гаккеля в предыдущих публикациях. Однако полемика с предшественниками носит скорее констатирующий, нежели аналитический характер. Не хватает критического анализа существующих интерпретаций деятельности Гаккеля, сопоставления различных точек зрения на спорные вопросы его биографии.

Автор упоминает о конкуренции между Гаккелем и Ю. В. Ломоносовым в области тепловозостроения, но не развивает эту тему, ограничиваясь изложением версии событий, представленной в мемуарах самого Гаккеля. Подобный подход снижает аналитическую ценность работы.

Выводы, интерес читательской аудитории

Основные выводы автора сводятся к признанию выдающейся роли Я. М. Гаккеля в развитии отечественной техники и необходимости дальнейшего изучения его наследия. Эти выводы вполне обоснованы представленным материалом, однако носят достаточно общий характер. Автор мог бы сформулировать более конкретные заключения о специфике творческого метода Гаккеля, факторах его успехов и неудач, влиянии его работ на последующее развитие отечественного машиностроения.

Статья представляет безусловный интерес для историков науки и техники, специалистов в области транспорта, краеведов. Богатый фактический материал, основанный на неопубликованных источниках, делает работу ценной для дальнейших исследований. Однако для более широкой читательской аудитории изложение могло бы быть более структурированным и менее перегруженным техническими деталями.

Общая оценка

Рецензируемая статья представляет собой добротное биографическое исследование, основанное на обширной источниковой базе. Её главным достоинством является введение в научный оборот новых архивных материалов и детальная реконструкция жизненного пути выдающегося инженера. Вместе с тем работа имеет ряд недостатков: недостаточную критичность при анализе мемуарных источников, фрагментарность изложения, слабую библиографическую базу.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Волков А.Л. Организация и состав русского вспомогательного корпуса генерал-лейтенанта И.И. Германа фон Ферзена в 1799 г // Genesis: исторические исследования. 2025. № 10. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.10.72429
EDN: FLQRAK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72429

Организация и состав русского вспомогательного корпуса генерал-лейтенанта И.И. Германа фон Ферзена в 1799 г.

Волков Алексей Леонидович

преподаватель; кафедра теории права и государственно-правовых дисциплин; Астраханский филиал
Международного юридического института
аспирант; кафедра истории; Астраханский Государственный Университет им. В. Н. Татищева
414024, Россия, Астраханская область, г. Астрахань, ул. Гоголя, 3 корп.1, оф. 6

 volkov@yandex.ru

[Статья из рубрики "Проблемы войны и мира"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.10.72429

EDN:

FLQRAK

Дата направления статьи в редакцию:

22-11-2024

Аннотация: Статья посвящена одному из наименее изученных событий отечественной военной истории – англо-русской экспедиции в Голландию в 1799 г. данная операция является малоизученной страницей Российской военной истории. В отечественной историографии прочно утвердилось мнение, что отправленный в этот поход русский вспомогательный корпус под командованием генерал-лейтенанта И.И. Германа фон Ферзена был сформирован случайным образом и имел в своём составе недостаточно обученные и подготовленные подразделения, что самым пагубным образом сказалось на исходе операции, окончившейся унизительной капитуляцией союзных англо-русских войск. Вместе с этим, сколь-нибудь расширенный анализ процесса комплектования корпуса до настоящего времени в отечественной исторической литературе к сожалению отсутствует. В этой связи автором был проанализированы архивных документов с целью изучения вопроса о способе комплектования корпуса и качества войск, входивших в его состав. В тоже время способ организации корпуса был типичен для формирования крупных воинских соединений в России конце XVIII века и определялся прежде всего территориальной близостью войск к месту посадки на суда. Кроме того, в

состав корпуса входили такие прославленные части как гренадерские полки Жеребцова (Фанагорийский) и Бенкендорфа (Таврический), мушкетерские полки Седморацкого (Белозерский) и Ферзена (Тобольский). Соединением командовали опытные генералы, имевшие большой военный опыт. Офицерский кадр полков, как и нижние чины также в основном участвовали в нескольких победоносных компаниях. Сосредоточение войск корпуса происходило в сложных условиях нехватки времени, но было осуществлено грамотно, что позволило в конечном счёте достаточно оперативно отправить войска к месту ведения боевых действий.

Ключевые слова:

экспедиция в Голландию, антифранцузская коалиция, Павел I, генерал Герман, Ревель, адмирал Чичагов, генерал Эссен, Фанагорийский, Павловский, Аракчеев

Союзная англо-русская экспедиция в Голландию до настоящего времени остаётся в отечественной исторической науке темой малоизученной.

Наиболее полным исследованием, как по широте охвата проблемы, так и по источниковой базе, посвящённым участию русских войск в Голландской экспедиции 1799 г. является капитальный труд Д. А. Милютина «История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 году», ставший основой для всех остальных исследований по данной экспедиции вплоть до настоящего времени. Так Н.С. Голицын в своём труде «Всеобщая военная история новейших времен. Часть 2. Войны 1-й французской революции и республики. 1792-1801гг.» в разделе «Экспедиция в Голландию» описывает битву при Алкмаре и Кастикуме практически идентично материалам Милютина.

В советское время изучение Голландской экспедиции историками не производилось. К примеру, в книге Л.Г. Бескровного «Русская армия и флот в XVIII веке (Очерки)» экспедиция фактически вычеркнута, упоминается всего одной фразой.

В 1996 г. в журнале «Родина» была опубликована статья доктора исторических наук А.А. Егорова «Конфуз союзного войска: Секретная экспедиция русских к голландским берегам», в которой автор, привлекая ранее не публиковавшиеся материалы различных архивов нарисовал картину «плохо сколоченной и скверно экипированной» экспедиции. Несколько ранее, в 1992-1994 гг. в России был издан труд русского эмигранта – историка А.А. Керновского «История русской армии» (написана в 30-х годах XX века), в первом томе которого экспедиции уделяется всего две страницы с выводами, аналогичными работе Егорова.

Уже в XXI веке интерес к Голландской экспедиции со стороны российского научного сообщества был проявлен в рамках реализованного в 2012-2015 гг. на Историческом факультете Санкт-Петербургского университета исследовательского проекта «Голландская экспедиция русской армии 1799 г. в контексте коалиционных войн конца XVIII - начала XIX в.: Исторический аспект». Общее руководство проектом осуществлял д.и.н., доцент К.Б. Назаренко.

Работы д.и.н. К.Б. Назаренко, к.и.н. М.А. Смирновой, к.и.н. Н.Г. Рогулина, вышедшие в рамках реализации проекта по своей системности, широте рассмотренных в них вопросов, заложили основу для дальнейшей разработки современного взгляда на подготовку и проведение Голландской экспедиции, взаимодействие участников

антифранцузской коалиции, стратегию и тактику русской армии и флота, задавая тем самым вектор дальнейшего изучения Голландской кампании и участия в ней русских войск. Интересны также и работы к.и.н. А.А. Куницына затрагивающие различные вопросы взаимодействию союзных стран как во время подготовки, так и, собственно, при проведении кампании, равно как и подробное рассмотрение названным автором вопросов медицинского обеспечения русского корпуса в ходе всего похода.

В тоже время, многие аспекты участия русской армии в данной союзнической операции нуждаются в дальнейшем исследовании, в том числе и процесс организации и подготовки русского экспедиционного корпуса к боевым действиям. Тот же Д.А. Милютин в своём труде фактически ограничивается констатацией основных этапов подготовки войск, не касаясь вопросов комплектования и, собственно говоря, способа формирования корпуса.

В данной статье нами будут рассмотрены лишь вопросы, связанные с организацией, комплектованием и составом названного воинского соединения. Мы специально не касаемся вопросов финансового обеспечения корпуса, снабжения его продовольствием, амуницией и униформой, поскольку они нуждаются в отдельном исследовании.

Участие русских войск во вторжении в Голландию стало возможно благодаря Англо-русской Конвенции, которая была подписана 11 (все даты будут даваться по ст.ст.) июня 1799 г. в Петербурге. По её условиям Россия обязалась предоставить для участия в экспедиции 17 тыс. 539 военнослужащих различных родов войск – 17 батальонов пехотинцев, 2 роты артиллеристов, роту пионеров и эскадрон гусар [1 с.431].

Кратко отметим, что британскими целями в экспедиции являлось вытеснение французов из Голландии, с целью восстановления там прежнего правительство изгнанного в 1795 г. штатгальтера Голландии принца Вильгельма V Оранского, что полностью совпадало с взглядами на цели коалиции императора Павла I.

В тоже время война 1799 г. имеет ряд особенностей, так как фактически стала для России первой коалиционной войной, в которой русская армия сражалась далеко от границ империи, действуя в интересах коалиции, в формате вспомогательных контингентов, что было непривычно для русского общества, привыкшего, что армия воюет ради видимого и понятного территориального расширения – возвращения исконных, но ранее потерянных российских земель, причём с исконными врагами – турками, поляками и шведами. В рассматриваемое же нами время русские войска отправлялись в далёкую Европу для сражения с неприятелем «на дальних подступах», что само по себе являлось правильным политически и стратегически, ибо поражение, или нахождение, к примеру Австрии или Пруссии, в стане врагов России, немедленно приводило к появлению противника у российских границ, что мы и увидим уже в период Наполеоновских войн.

Наконец участие Российской империи в данной экспедиции являлось прямым следствием тесных экономических связей Британии и России, которые при разности политических целей и задач, заставляли оба государства сотрудничать друг с другом [2 сс.352-353].

Однако вернёмся к Английскому королевству. Утрата всего европейского побережья, что стало следствием поражения Первой антифранцузской коалиции, лишило англичан базы, т.е. территории, с которой британская армия могла бы вмешиваться в европейский конфликт, что весьма затрудняло поддержание выгодного для Британии европейского баланса и стабильности внутри коалиции. Также была необходима и демонстрация непосредственных военных усилий Англии в борьбе с республиканской Францией.

Также немаловажной причиной экспедиции являлась необходимость нейтрализации любыми способами голландского флота [2 с.353].

Оценивая усилия русской стороны по организации своего участия в экспедиции, мы должны принять во внимание несколько факторов.

Прежде всего отметим, что организация экспедиции проводилась в чрезвычайно сжатые сроки. Решение об отправке корпуса окончательно было оформлено 11 июня, а первая дивизия отправилась в поход уже 22 июля. Причиной этого, во-первых, является то обстоятельство, что время, подходящее для проведения подобных амфибийных операций стремительно истекало, а во-вторых, благоприятная для союзников военная ситуация после побед австро-русской армии Суворова в Италии не могло продолжаться бесконечно долго.

Отправка столь значительного корпуса на достаточно далёкое расстояние потребовало участия в данном мероприятии как армейских, так и флотских интендантских структур, а также дополнительного выделения денежных средств для финансирования кампании. Согласно вышеназванной Конвенции, Британия брала на себя выплату субсидий России в размере 44 тыс. фунтов стерлингов ежемесячно и единовременно 88 тыс. фунтов стерлингов «на самые неотложные расходы», отдельно оговаривалась оплата за российские корабли и их экипажи, но денег всё равно не хватало и потребовалось выделение, и, прежде всего, изыскания дополнительных финансовых средств, ранее не запланированных.

Не вдаваясь в вопросы общей стоимости экспедиции отметим, что вспомогательный корпус только по линии Комиссариатского и Провиантского департаментов в год (в расчётах на июнь 1799 г.) обходился российской казне в 607 242 руб.29 коп. и это без учёта, например, расходов на ремонт и замену амуниции вещей [3 л.252].

Кроме того, в дело формирование корпуса внёс свою лепту, причём далеко не всегда положительную, и британский посланник - капитан 1-го ранга Р.Х. Попхем. Английский посол в России Витворт ввёл названного офицера в ближайшее окружение императора Павла I, с которым британский моряк сумел установить дружеские отношения [4 сс.56-57]. В результате предприимчивый капитан зачастую действовал как через головы русского морского и армейского начальства, так и собственно британского посла и английского дипломатического ведомства, что чрезвычайно раздражало и тех и других.

Помимо этого, русские армии уже были развернуты на границах и для сосредоточения означенных Конвенцией сил также требовалось дополнительное время, поскольку на территории прилегавший к балтийским портам имелся лишь небольшой корпус генерал-майора И.Н. Эссена, задачей которого была оборона балтийского побережья [5 л.21].

Наконец, назначенный командовать корпусом генерал-лейтенант И.И. Герман уже командовал корпусом, который должен был следовать в Европу и располагался в окрестностях Каменец-Подольска на Украине. Известие о своём новом назначении генерал получил тогда, когда корпус был в движении [6 с.126]. В результате потребовалось время на прибытие начальника к месту формирования корпуса, а также создание и функционирование штаба.

Формирование корпуса шло в несколько этапов. По состоянию на 4 июня 1799 г. в него были включены гренадерские полки Жеребцова, Бенкендорфа, мушкетерские Седморацкого, Арбенева, Ферзена, гренадерские батальоны Огарёва, Эриксона, Тимофеева, Осипова, Штрика, егерский полк Сутгофа и артиллерийские команды при

пехотных полков и батальонов, в рядах которого числилось по штату 13363 человек, на лицо 13690 человек при некомплекте в 302 человека [3 л.5].

8 июня в корпусе уже числятся 17 батальонов и «лейб-гусарского полку эскадрон полковника Дорохова, Лейб-Казачьего полку при двух обер-офицеров 20 улан казаков с лошадьми» [3 л.9].

1 июля граф Г.Х. Ливен уведомляет Вице-президента Военной коллегии генерал-аншефа графа И.Ф. Ламба о включении в состав корпуса генерал-лейтенанта Германа гренадерского полка И.Ф. Эмме и батальона майора Митюшина [3 л.81]. Что должно было составить в абсолютных числах в корпусе 17 484 человека, из которых 15218 человек строевых и 2266 человек нестроевых. При этом лошадей должно было быть 5390 из них офицерских – 2541, артиллерийских – 711, подъёмных – 1923, строевых – 120 и вьючных – 95 [3 л.82].

Включение в корпус трёх новых батальонов было необходимо для доведения численности корпуса до оговоренных в Конвенции 17 593 человек. На деле получится даже несколько больше по штату.

К 10 июня состав корпуса вновь претерпел изменения. В него включили положенные по договору две артиллерийских роты полевой артиллерии из батальона генерал-майора П.М. Капцевича. Тогда же была окончательно сформирована и корпусная структура. В состав соединения вошли две дивизии: дивизия генерал-лейтенанта М.А. Жеребцова в составе двух бригад под командованием генерал-майоров И.Ф. Эмме и А.К. Седморцкого с ротой полевой артиллерийской, полу ротой пионеров и полуэскадрон лейб-гусарского полка [7 л.8].

Второй дивизией командовал генерал-майор Эссен, и она состояла из бригад генерал-майоров И.И. Арбенева и И.Е. Сутгофа с полуэскадроном лейб-гусар и 50 пионеров [7 л.9].

Однако 14 июня в структуру корпуса были внесены изменения. Из дивизии генерал-майора Эссена полк Ферзена и батальон Эрикссона (ещё не прибывшие к месту дислокации корпуса) были переведены в дивизию генерал-лейтенанта Жеребцова. В свою очередь полк Седморацкого переводился в дивизию Эссена [7 л.11]. Кроме того, генерал-майор Седморацкий сменил в должности командира бригады генерал-майора Сутгофа, который был переведён командиром бригады в дивизию генерал-лейтенанта Жеребцова [7 л.11].

Отметим, что в исторической литературе состав корпуса, равно как и способ его формирования подвергается резкой критике. Так А.А. Керновский указывает, что корпус «...носил чисто сборный, случайный характер, состоя в большей своей части из отдельных батальонов различных полков, главным образом гренадерских» [8 с.183]. А.А. Егоров также характеризовал корпус как «дурно сколоченный» [9 с.39].

Вместе с этим, из 20 батальонов, которые составляли корпус сводными, а точнее сводно-grenaderскими были всего 6, т.е. менее трети от всей пехоты. Остальные 7 полков отправлялись в поход в своём штатном составе.

Кроме того, скепсис историков относительно подготовки личного состава сводно-grenaderских батальонов вызывает недоумение. Прежде всего отметим, что подобные подразделения формировались в русской армии со времён Петра Великого, а в последних русско-турецких войнах сводные батальоны отличались и под Фокшанами и

под Рымником. Потому использование подобных частей для усиления пехоты была вполне устоявшаяся и проверенная войнами практика.

Сводно-grenадерские батальоны, созданные именным указом императора 13 декабря 1796 г. [10 с.6], и к моменту начала формирования корпуса являлись хорошо подготовленными и обученными частями, что они продемонстрируют в первом же сражении.

Очевидно, что наличие в корпусе 12 батальонов grenадер – ударной армейской элитной пехоты существенно повышало боевые возможности соединения в полевом сражении. Например, перед битвой при Кастикуме генерал-лейтенант Эссен, командовавший тогда корпусом, сведёт три grenадерских батальона (Штрика, Огарёва и Осипова) в одну бригаду под командованием полковника А.Я. Дубянского [11 л.11]., которая прекрасно проявит себя на поле боя.

Наконец рассмотрим какие grenадерские и мушкетерские полки вошли в состав корпуса. Однако прежде отметим, что с 31 октября 1798 г. император Павел I ввёл новую систему полковых обозначений – по шефам полков. Согласившись с многочисленными исследователями, что указанное решение являлось не самым удачным, всё-таки стоит обратить внимание, что данное действие было не настолько «прусским», как принято считать.

Должность шефа полка также не являлась «изобретением» императора. Она существовала и при Екатерине II, но при новой власти она потеряла ранеественные ей черты «необременительной почётности» и приобрела вполне чёткие очертания, представляя собой ответственность конкретного генерала за обучение и состояние вверенного ему полка. Причём ответственность была персональная и сопровождалась как тяжкими наказаниями за «беспорядки» в полку, так и наградами за хорошее «устройство» полка. Впрочем, частые перестановки шефов полков вносили известную путаницу и затрудняли восприятие новых полков как у современников, так и у историков.

В этой связи, характеризуя полки, которые вошли в состав корпуса мы будем приводить название полков как они звучали в 1799 г. а в скобках их наименование в предыдущее царствование. Grenадерские полки: Жеребцова (Фанагорийский), Бенкендорфа (Таврический), Эмме (Павловский), мушкетерские: Седморацкого (Белозёрский), Арбенева (Днепровский), Ферзена (Тобольский) и егерский Сутгофа (1-й егерский).

Grenадерские батальоны: Штрика (флигель-роты grenадерских полков Бенкендорфа (Таврический) и Голицына (Санкт-Петербургский)), Эриксона (grenадерские роты полков графа Эльмпта и Вадковского (Елецкий)), Митюшина (флигель-роты grenадерского полка Эмме и grenадерские роты полка Седморацкого), Осипова (grenадерские роты полков Дохтурова (Софийский) и Эссена 1-го (Черниговский)), Тимофеева (флигель роты полков Ферзена (Тобольский) и Арбенева (Днепровский)), Огарёва (grenадерские роты мушкетерских полков Старобаденского (Козловский) и Ланжерона (Шлиссельбургский)) [12 л.4, 13 с.110, 14 с.339].

Кроме того, в состав корпуса вошли такие знаменитые полки как Фанагорийский (Жеребцова) grenадерский – полк созданный фельдмаршалом А.В. Суворовым, бравший Изmail, сражавшийся с польскими инсургентами в 1794 г. – штурмовавший Прагу, предместье Варшавы, Таврический (Бенкендорфа) grenадерский - герой штурма Очакова и Килии, кадр которых состоял из опытных солдат, прошедших не одну военную компанию. Павловский (Эмме) grenадерский полк хоть и был сформирован в 1796 году, но основой послужили батальоны Московского grenадерского полка, также имевшие

значительный боевой опыт. Например капитан Грязев из Московского полка грустно писал в своём «Журнале»: «...Словом сказать: из пятитысячного славного полка сформирован двухтысячный чудесный полк, на щёт людей, их образования (строевой и военной подготовки – прим.авт.), одежды и всякой муниции, равным образом офицеров и прочих чинов, обоза, лошадей и всего того, что составляет целостность полка.» [15 с.90]. Полк входил в состав столичного гарнизона и отличался высокой выучкой и дисциплиной.

Немалое число ветеранов имели в своих рядах и мушкетерские полки Белозерский (Седморацкого) и Днепровский (Арбенева), отличившихся в ходе Польской компании 1794 г. при поражении поляков под Щекочином, под Мацеёвицами и наконец под Варшавой, а также Тобольского (Ферзена) мушкетерского полка, также сражавшегося против поляков в 1794 г.

Егерский полк Сутгофа был сформирован, как полк, в 1797 г. на базе кадра Финляндского егерского корпуса, и прошёл всестороннюю подготовку по наставлениям и под контролем генерала от инfanterии М.И. Кутузова - инспектора Финляндской инспекции, куда входил полк.

Британский военный хирург Эдвард Уолш, участник компании, вспоминал, что многие русские солдаты имели на своих мундирах по несколько наград, которые «были знаками военных заслуг, дарованными за отличия в боях» [16 pp.46-47].

При этом решение о включения тех или иных подразделений в корпус принималось исходя из места их текущего расположения и способности относительно быстро достичь места посадки на корабли.

В отечественной историографии на данное обстоятельство первым обратил внимание к.и.н. Н.Г. Рогулин. Местом сбора корпуса в конце концов стал Ревель, при этом мушкетерские полки Ферзена и Арбенева квартировали в Митаве, гренадерский полк Эмме - в Павловске и Гатчине, гренадерский полк Бенкендорфа - в Риге, егерский полк Сутгофа - в Сердоболе, гренадерские роты полка Седморацкого - в Новой Ладоге [17 с.10]..

Гренадерский полк Жеребцова на момент начала концентрации корпуса находился в Вильно [18 с.23].

Кроме того, гренадерские батальоны Тимофеева, Осипова, Огарёва, Эриксона, один егерский батальон из полка Сутгофа ранее входили в корпус генерал-майора Эссена [12 л.3], и уже находились поблизости от места амбаркации (посадки на транспортные суда – прим.авт.). В этот же корпус входил и мушкетерский полк Седморацкого, который в мае месяце прибыл в Лифляндию и квартировал в м. Лоде между Ригой и Ревелем [19 с.175]. Причём полк, равно как и гренадерский полк Жеребцова, во второй половине июля находился на марше в Санкт-Петербург, однако оба полка были возвращены и направлены в Ревель [19 с.176].

Кроме того, полки Ферзена, Арбенева, Бенкендорфа, Эмме, Сутгофа (1 бат.), батальоны Митюшина и Штрика ранее входили в состав корпуса, предназначенного для похода в Европу и которым командовал генерал-лейтенант Герман [20 с.369].

Данное обстоятельство серьёзно подрывает утверждение адмирала П.В. Чичагова, распространённое в исторической литературе, что Герман был генерал «солдатам неизвестный» [9 с.39].

Отдельно следует упомянуть и командный состав русского корпуса. Всего в корпусе, на начало кампании, числились два генерал-лейтенанта - Иван Иванович Герман фон Ферзен - командир корпуса и Михаил Алексеевич Жеребцов - командир второй дивизии корпуса, пять генерал-майоров: Иван Николаевич Эссен - командир первой дивизии корпуса, Александр Карлович Седморацкий, Иван Ефимович Сутгоф, Иоасаф Иевлевич Арбенев, Пётр Михайлович Капцевич.

Характеризуя российский генералитет, отметим, что почти все направленные в поход генералы имели боевой опыт.

Так, из четырёх генерал-майоров Эссен участвовал в двух компаниях, Седморацкий, Сутгоф и Арбенев воевали во время Русско-шведской войны 1788 - 1790 годов. Жеребцов с 1790 года командовал Фанагорийским гренадерским полком, с которым участвовал в Польской компании 1794 года. Генералы Арбенев и Эссен были награждены Орденами Святого Георгия 4-го класса, а генерал Жеребцов Орденом Святого Георгия 3-го класса. Капцевич, командовавший артиллерией корпуса, хотя и не участвовал в компаниях, но за знания и усердие в службе, а он начинал службу в 1792 г. в гатчинской артиллерии поручиком, пользовался особым расположением императора Павла I, являясь шефом гвардейского артиллерийского батальона.

Немалым боевым опытом обладали и штаб- и обер-офицеры корпуса. Вот данные только о некоторых из них. Командир гренадерского полка Жеребцова И.В. Языков в свои 33 года уже отличился при взятии Измаила, где был ранен в правую руку, имел Одобрительный лист с изволением монаршего благоволения, сражался при Мичино, Хельмом, Слонимом, Варшавой [21 л.7]. Капитан гренадерского полка Бенкендорфа Капустин И.Ф. 36 лет от рождения награждён золотым крестом за штурм Очакова, воевал в кампаниях 1789 и 1791 гг. в Молдавии [22 л.5]. Капитан мушкетерского полка Седморацкого Маривирд П.И. (40 лет) компании 1774, 1776, 1777 гг. Упраждение через Кубанскую степь Крымского хана, в 1783 г. в Крымском полуострове приобретении оного под скипетр Российской, кампании 1788 г., 1789 и 1790 гг. в Финляндии [23 л.58].

В корпусе отправился на войну волонтёром и ротмистр князь Н.Г. Репнин-Волконский, будущий герой самоубийственной и героической атаки Кавалергардского полка в битве при Аустерлице 2 декабря 1805г. За храбрость в бою под Бергеном он будет произведён в подполковники.

Возвращаясь к структуре корпуса отметим, что пехотные дивизии постоянного состава появились в Российской империи только в 1806 г., так что способ формирования корпуса был вполне традиционный для рассматриваемого времени, так же были сформированы и русские части, которые будут сражаться в Италии и Швейцарии.

Помимо состава корпуса, другим объектом критики является перенос места сбора войск, который был произведён трижды [9 с.39].

Действительно первоначально предполагалась произвести посадку войск на корабли в портах Либавы и Риги одновременно [24 л.4 об., 2 л.4, 25 Р.109]. Данное решение, сообщённое письмами, как генералу Герману, так и, например, Вице-президенту Военной коллегии И.Ф. Ламбу, помеченными 2 и 4 июня 1799 г. соответственно [3 лл.2,4]. Однако оба порта были отменены и местом «собрания корпуса армии генерал-лейтенанта Германа» был определён Ревель 8 июня 1799 г. [3 л.8].

Таким образом, смена мест посадки корпуса на суда была произведена только один раз, да и разница в принятии решения менее недели, причём ещё даже до официального

заключения Конвенции, т.е. на ранней стадии подготовки корпуса к отправке.

Обратим внимание, что Адмиралтейств Коллегия получает указ о перевозе сухопутных войск и переоборудовании кораблей «по транспортному» 3 июня 1799 г. с местом назначения оных Рижский залив и с обозначением сборным местом всех морских и сухопутных сил – Ревель [26 с.139].

Наконец стоит отметить, что порт Ревеля, второй по значимости на Балтике после Санкт-Петербурга, объективно был более удобен, нежели порты Либавы и Риги. Таким образом, смена места концентрации и посадки войск на суда не могло оказать существенного отрицательного воздействия на ход подготовки экспедиции. При этом первые приказы о направлении войск в Ревель уйдут полкам и батальонам, равно как и в Рижское комиссариатское депо, уже 14 июня [12 лл.2-6].

До этого времени части двигались в Ригу, теперь же им предписывалось, прибыв в Ригу и получив провиант в местном депо, а также деньги на продовольствие и иные издержки в пути идти в Ревель «делая каждый марш не менее 25 вёрст, и разных через два марша» [12 л. 4 об.].

Для организации этого дальнейшего движения в Ригу был послан свиты Его Императорского величества по квартирмейстерской части майор Струков, который должен был предоставить командирам частей маршруты следования из Риги в Ревель [12 л.6 об.].

Кроме того, названный офицер должен был решать вопросы расквартирования войск, при этом предписывалось чтобы сами войска в город не входили, по причине недостатка в удобных квартирах, а только направлять команды для принятия продовольствия [12 л.6].

Получив продовольствие и маршрут частям надлежало «не мешкая» следовать к Ревелю. При этом приказом от 19 июня всем командирам полков и батальонов строго запрещалось «обременять население» реквизицией подвод для ускорения движения войск, поскольку и подводы и лошади должны быть в полках сколько «быть должно», следовательно нет необходимости брать их «от земли», разве только под больных и амуницию и то если нет возможности амуницию везти, то предписывалось самостоятельно «снестись с Рижским комиссариатским Депо, чтобы для доставки оной в Ревель наняты были подводы» [12 л.7об.].

Параллельно с концентрацией войск приходилось решать вопросы и организации медицинской службы. Так генерал Герман просит скорее прислать в Ревель штаб-лекаря Шмидта, так как приписанный к корпусу доктор Бенкгаузен «способностей не имеет», а ещё у корпуса «нужды» в медикаментах для казённой аптеки, которую ещё нужно сформировать [12 л.8об.]. Однако до конца решить все проблемы с медицинским обеспечением войск, и прежде всего опытными врачами и служителями не удастся ни до, ни во время кампании.

Испрашивается и направление в Ревель инженер-капитана Гельмерсена для формирования штаба корпуса [12 л.9].

При этом войска торопят. Командирам полков и батальонов летят приказы ускорить марш. Если марш сдерживают обозы, то «оставлять тяжести при пристойной команде», равно как и «всех, кто неспособен к маршу или болеет в Риге, сообщив об этом военному коменданту или губернатору» [12 лл.9-10]. Одновременно с этим рижского

коменданта Булгакова просят оказать содействия, что если в Риге квартир для полков и батальонов корпуса не найдётся (ещё одна причина переноса места сбора корпуса), способствовать скорейшему маршу подразделений к Ревелю [12 л.10 об.].

26 июня устанавливаются сроки прибытия частей в Ревель в период с 10 по 13 июля [12 л.10.об-13]. Однако несмотря на все предпринятые меры в назначенные сроки укладываются далеко не все части. Так в указанный временной промежуток прибыли только батальон Огарёва (8 июля), полк Арбенева и батальон Осипова (10 июля), егерский полк Сутгофа и батальон Тимофеева (12 июля), полк Седморацкого, артиллерийская рота, батальон Штрика (13 июля) [24 лл.6 об.- 7]. Полк Ферзена подошёл 16 июля, полк Бенкендорфа и батальон Эрикссона 19 июля, полк Жеребцова и вторая артиллерийская рота 23 июля, а 26 июля полк Эмми и казаки [24 лл.7-7 об.].

При этом несмотря на быстрые марши пехота выдержала его достаточно хорошо. Так, Попхем докладывал английскому послу в Петербурге Витворту после смотра прибывшего в Ревель батальона Огарёва: «не видывал людей ни мужественнее, ни лучше одетых. В рассуждение того, что сии бедные люди шли около 500 верст скорым шагом..» [4 с.57].

Аналогичные смотры устраивались всем полкам и батальонам корпуса. Так, например генерал Герман докладывал императору после смотра полка Эмме, что «...нашёл людей здоровыми и почти неизнурёнными, хорошо выученных и содержанных, всем удовольствованных и хозяйство хорошо устроенное.» [27 с.23].

Вместе с этим, проблема комплектности полков действительно имела место. Пополнение и замену для больных, не могущих продолжать службу, просили у императора и командир корпуса и капитан Попхем [4 с.58]. Так по состоянию на 2-3 июля в корпусе недоставало 453 человека [18 с.23].

В итоге было принято решение исправить некомплект за счёт гарнизонных полков генерала от инfanterии графа А.Я. Кастро де Ла Серда, полковников Бесканова и Тайзена, которые должны были выделить 157, 219 и 77 человек соответственно [3 л.108 об.]. При этом особо указывалось, что должны в полках должны были «выбрать таковых людей с надлежащими службами и довольствии аттестатами» [3 л.110 об.]. Причём солдаты из полка де Кастро Лацерна (так в тексте – прим.авт.) шли на пополнение гренадерских полков Бенкендорфа и Жеребцова, а также егерского полка Сутгофа [3 л.176].

Примечательно, что вышеназванные полки, должны были своих «неспособных к полевой службе» оставлять в Ревеле в полку Кастро де Ла Серда, где солдаты пройдут освидетельствование на предмет пригодности к гарнизонной службе и зачислить оных в полк, а о всех прочих предписывалось сообщить в Военную коллегию для принятия решения о распределении их в Инвалидные роты.

Для полков, которые были на марше, специально определялись места, где они могли оставить своих неспособных солдат и получить пополнение. Так для полков Седморацкого и Арбенева в качестве такой точки был определён Пернов, где «донором» выступал полк Бесканова.

Причём это была далеко не последняя «дача» солдат со стороны гарнизонных полков на пополнение корпуса. 3 августа генерал-лейтенант Герман вновь пишет И.В. Ламбу, что вынужден оставить в Ревеле более 300 человек, кои «не в состоянии быть в море», а также в госпиталях разных числится ещё 262 человека. Некомплект предлагалось закрыть вновь за счёт местных гарнизонных соединений, полк Кастро де Ла Серда должен был дать 100, а полк Тайзена 200 человек, причём «без малейших потери

времени» [3 л.177 об.].

Данные солдаты не направлялись в полки, а сформировали, по сути, маршевую команду, которую передали под начальство генерал-майора Эмме, чтобы уже по прибытии к корпусу и распределять солдат по полкам и батальонам [3 л.177 об.].

Вышеуказанные «включения» в корпус солдат гарнизонных полков вызвали в конце концов жалобы командиров последних. Так генерал от инfanterии Кастро де Ла Серда рапортовал в Военную коллегию, что у него осталось не более 500 солдат, так как полк уже отдал 613 человек (456 и 157 человек соответственно) [3 л.183]. Также указывалось, что отдав лучших своих солдат в полках остались в основном поляки и «чухонцы», которые, «отваживаются побеги делать часто», в результате чего тот же Кастро де ла Серда просил со следующего набора прислать в полк русских рекрутов [18 лл.235-235 об.].

Однако, далеко не всегда солдаты, присланные в замену из гарнизонных полков, были скажем так «требуемого качества». Например, 20 июля генерал-лейтенант Герман отписывает полковнику Баталову, перновскому коменданту, что среди присланной им партии в 219 человек под командованием поручика фон Дитмара 29 были найдены «совершенно больными», а ещё 40 солдат были присланы из инвалидной команды и к службе были неспособны [12 с.32]. Итогом стал приказ немедленно доставить годных к службе солдат а также доложить, как такое, несмотря на все указания Военной коллегии, могло произойти.

Солдаты же корпуса, оставшиеся в госпиталях, включались в гарнизонные полки по выздоровлении и по решению Военной Коллегии. Вместе с этим, отметим, что далеко не всегда некомплект в частях был связан с маршевыми потерями. Так батальон Митюшина, квартировавший до этого на границах с Пруссиею, уже на момент выступления, имел некомплект в 60 человек из-за побегов солдат за границу [12 л.17 об.].

Помимо поддержания комплекта корпуса в ходе подготовки к экспедиции неожиданно дала о себе знать и проблема полковых и батальонных обозов, а также обеспечения корпуса лошадьми.

Затрагивая данную тему нам стоит обратить внимание на следующее обстоятельство. Согласно взятым на себя обязательствам британцы за свой собственный счёт должны были поставить в русский корпус и необходимое количество лошадей, как для артиллерии и обозов, так и для офицеров [1 с.434].

Согласно письма А.А. Аракчеева от 15 июня 1799 г. и приложенной к ней ведомости, корпусу генерал-лейтенанта Германа было положено лошадей 3994, а кавалерийских для гусар и казаков ещё 119. Итого 4113 лошадей. Данный документ стал ответом на запрос Вице-канцлера и вице-президента Коллегии иностранных дел графа В.П. Кочубея, в котором он просит, по требованию английского посла Витвортса и капитана Попхема, предоставить ведомость «о нужном числе лошадей», согласно статьи шестой Конвенции. При этом фактически просятся две ведомости. Первая столько положено «по уставу» и вторая - сколько может быть лошадей исходя из того, что вышеназванные британские джентльмены примечали «...что как лошади тамошние больше и сильнее тех кои наши при багажных употребляются, то верно числа оных может быть меньше положенных по штату» [3 л.28 об.]. Кстати вездесущий Попхем об этом «примечании» уже успел нашептать самому императору.

В свою очередь граф И.В. Ламб своим ответом от 15 июня 1799 г. на имя В.П. Кочубея фактически предоставил возможность самим англичанам судить, исходя из нужного числа повозок, «какую тамошними лошадьми вместо трёх двумя, или четырёх тремя вести можно будет» [28 л.6].

Вместе с этим, данный пример «союзнической заботы» весьма характерен как для британских дипломатов, так и для всей политики «туманного Альбиона» в целом. В ходе компании решить вопрос с необходимым количеством лошадей русскому командованию так и не удастся, что по влечёт за собой много неприятных последствий для солдат и офицеров корпуса.

При этом британский посол возможно, но бравый капитан, будучи профессиональным моряком, не мог не знать о проблемах, связанных с доставкой лошадей морем, поскольку для этого подходили только однопалубные суда со специальной вентиляцией, перевозившие уголь в Северном море. А их не было в достаточном количестве, так как шёл торговый сезон. При этом для отправки 300 – 400 лошадей необходимо было 20 000 тонн тоннажа, причём каждая четвёртая лошадь погибала в пути, а выжившие долгое время были неспособны к активному использованию. Лошадей не хватало не только для союзников, но и даже для самой британской армии.

В итоге уже во время кампании русский корпус испытывал недостаток в лошадях не только для артиллерии и обозов, но даже и для генералов. Так, в битве при Кастикуме русские генералы сражались пешком, а отсутствие конных адъютантов не позволило вовремя дать знать основным силам корпуса о необходимости поддержать отчаянно сражавшийся русский отряд генерала Седморацкого [14 с.78].

Перед первой битвой при Бергене британское командование выделило на русскую артиллерию по две лошади на орудие, что было совершенно недостаточно [8 с.183]. Уже во время сражения русским солдатам пришлось тянуть артиллерию по песчаной почве буквально на руках. В результате чего войска фактически остались без артиллерийской поддержки на протяжении всего сражения. Более того, из-за невозможности эвакуировать орудия, в ходе отступления было брошено 12 пушек.

Впрочем, в одном британцы оказались правы, английские лошади британской и фрисландской пород оказались крупнее российских. И поэтому конская сбруя, имевшаяся в распоряжении ездовых русского корпуса, на них не подходила, что создавало новые трудности с выделенными лошадьми [14 с.42].

Не менее сложная ситуация возникла и с обозами. Опять же капитан Попхем, отвечавший за отправку корпуса со стороны британского правительства, в своих докладах характеризовал «телеги», которые собирался погрузить на корабли генерал-лейтенант Герман как «убого сделанные скрепленные лишь гвоздями и даже без единой гайки» [4 с.58]. Не совсем понятно, что именно имелось ввиду, но совершенно очевидно, что спор возник из-за обоза. Однако командующему корпусом и британскому агенту удалось прийти к компромиссу, что по информации Попхема, солдаты возьмут только палатки и «наименее ветхие из телег» [4 с.58].

Конечно, обозные экипажи полков и батальонов нуждались в обновлении и ремонте, после столь длительных и быстрых маршей, но без сомнения они находились не в том состоянии, которое отразил в своих документах британский офицер.

Вместе с этим, 28 июня генерал-лейтенант Герман направляет генерал-адъютанту графу Х.А. Ливену ведомость, сколько состоит обоз по штату и сколько планируется взять с

собой в Голландию и просит утвердить её у Императора [12 л.13 об.]. 10 июля 1799 г. издаётся приказ с Ведомостью сколько обоза назначается полкам, батальонам и прочим частям корпуса [3 л.137].

В том числе, в гренадерских и мушкетерских полках:

- ящиков патронных – 10;
- ящиков палаточных для двух рот – 1;
- церковная фура;
- ящик с казною и письменными принадлежностями – 1;
- карет госпитальных -4;
- полуфурки экипажные – 30.

В егерском полку:

- ящиков патронных – 6;
- церковная фура;
- ящик с казною и письменными принадлежностями – 1;
- карет госпитальных -2;
- полуфурки экипажные – 6.

В сводно-grenадерском батальоне:

- ящиков патронных – 4;
- ящиков палаточных для двух рот – 2;
- церковная фура;
- полуфурки экипажные – 12.

При этом пионерная рота, гусарский эскадрон должны были взять обоз «сообразный их организации».

Отметим, что из предлагаемых для погрузки списка обоза указанного в письме на имя графа Ливена в итоге совсем были вычеркнуты к примеру зарядные ящики для полковой артиллерии и артиллерии сводно-grenадерских батальонов, партикулярный обоз офицеров, 4 из 5 палаточных ящиков и так далее. Таким образом, утверждения что русский корпус отправился без обозов не совсем верно, вернее, он останется без обозов во время эвакуации союзнических войск в октябре 1799 г. после капитуляции.

Британские союзники, в спешке грузившие русские войска, будут отказываться брать на борт обозное имущество, умышленно обрубать им оглобли, что будет делать их непригодными к использованию, а порою просто поджигать их на берегу [29 лл.5 об.,15,15 об.,19 об, 30 лл.3, 18,49].

Отметим, что вышеприведённое резкое сокращение обоза стало возможным из-за вмешательство британского представителя капитана Попхэма, который считал, что эти «телеги» были совершенно бесполезны в Голландии [31 с.135].

При этом, как выяснится уже непосредственно во время операции, английская тыловая транспортная система не только не смогла, но и даже не была рассчитана на подобную нагрузку, связанную с обеспечением устойчивого снабжения столь крупного корпуса. Сам герцог Йоркский откровенно признавал, что обоз «до сих пор непригоден для службы в армии» [32 л.5 об.].

Кроме того, заверения британской стороны, о наличии возможности снабжения всем необходимым русского корпуса за счёт английских возможностей привели к тому, что корпус отправился в поход без необходимого количества палаток и тёплых вещей, а отсутствие госпитальных фур привело к тому, что эвакуация раненых и больных производилась в неприспособленных для этого повозках. Более того, при отступлении в местечке Эгмонт из-за отсутствия лошадей и повозок корпусу пришлось оставить 216 тяжелораненых.

При этом именно по распоряжению того же Попхэма в Ревеле оставили и большую часть медицинского оборудования, в том числе практически все аптечные фуры и фуры для инструментов (на весь корпус было предусмотрено всего 30 госпитальных фур – прим.авт.), и всё на тех же условиях – всё будет предоставлено английской стороной [31 с.137].

В целом же, несмотря на сжатые сроки, на необходимость координации работы различных ведомств как собственно российских, так и английской военной миссии, российской стороне удалось снарядить и отправить в поход корпус в целом хорошо укомплектованный и снаряжённый максимально возможным образом сообразно обстоятельствам, в том числе и исходя из наличия места на кораблях, для транспортировки снаряжения.

В его состав вошли полки и батальоны, имевшие значительный военный опыт и высокий моральный дух, стойкие к перенесению тягот дальних походов, возглавляемые опытными, хорошо известными им командирами.

При этом многие проблемы организационного характера происходили прежде всего из-за чрезмерной и порою не совсем в духе «союзнических отношений» активности английской стороны, которая в ряде случаев, шла на сознательный подлог, а проще говоря обманывала своих русских партнёров, в целях выполнения только одной задачи – как можно скорее отправить русские войска к берегам Голландии.

Библиография

1. Мартенс Ф.Ф. Собрание Трактатов и Конвенций, заключенных Россией с иностранными державами: Том IX (Х). Трактаты с Англией. С. Петербург Типография Министерства Путей Сообщения (А. Бенке), Фонтанка, 117, 1892, 563 с.
2. Назаренко К.Б. Смирнова М.А. Большая политика и мировая торговля (Голландская экспедиция 1799 г.) // Сборник материалов Третьей международной научной конференции / редактор-составитель А.И. Раздорский/ СПб. 2015 С. 348-354.
3. РГВИА Ф.42 Оп.1 Д.12.
4. Куницын А.А. "Ну, хорошо, раз вы этого хотите, но я не вполне с этим согласен". Миссии английского капитана Х. Р. Попхэма в Россию в 1799–1800 гг. // Локус. Люди, общество, культуры, смыслы: научный журнал. – Москва : МПГУ 2019. № 1. С. 52-67.
5. РГВИА Ф.29. Оп.153 Св.2 Д.23 Ч.3.
6. Михайловский-Данилевский А.И., Милютин Д.А. История войны России с Францией в

- царствование Императора Павла I в 1799 году: Том I Тип. штаба военно-учебных заведений СПб. 1852 697 с.
7. РГВИА Ф.29 Оп.1536 Св.2 Д.36.
8. Керновский А. А. История русской армии в 4 томах. Т. 1 От Нарвы до Парижа 1700–1814 гг.. – М.: Голос, 1992. – 304 с., ил.
9. Егоров А. Конфуз союзного войска: секретная экспедиция русских к голландским берегам // Родина. 1996. № 6. С. 37-42.
10. ПСЗРИ 17.640 Собрание Первое. Том XLIII. Часть 1. Книга штатов. Отделение первое «Царствование государя императора Павла I». СПб. 1830 г. 865 с.
11. РГВИА Ф.29 Оп.1536, Св.3 Д.40.
12. РГВИА Ф.29 Оп.1536 Св.2 Д.28.
13. Рогулин Н.Г. Русские войска в Голландии в 1799 г.: обзор иконографии. Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета Выпуск № 17. 2014 С. 108-138.
14. Милютин Д. А. История войны России с Франциею в царствование императора Павла I в 1799 году Т. V. СПб. , 1853. 536 с.
15. Грязев Н.А. Мой журнал /Подготовка текста К.Г. Правдина, С.И. Григорьева под редакцией А.К. Тупачского; вводная статья А.Н. Лукирского – СПб.:Наука, 2019. – 262 с.
16. Walsh E. A Narrative of the Expedition to Holland in the autumn of the year 1799 Illustrated with a map of north Holland and Seven Views. London: G.G and J. Robinson, Pater-Noster, S. Hanson, 1800. 164 р.
17. Рогулин Н.Г. Англо-русская экспедиция в Голландию в 1799 г. в произведениях изобразительного искусства. СПБ., 2014. 274 с.
18. Шавров Краткая история 11-го Гренадерского Фанагорийского Генералиссимуса князя Суворова полка. 1790–1890. Составил для Гренадер-Суворовцев Капитан Шавров. Москва. Тип. Т.И. Гаген. 1890 г. 152 с.
19. Мережевский Э. М. История 13-го пехотного Белозерского Генерал-фельдмаршала Графа Ласси полка (1708–1893 г.) С приложением краткой биографии Ген. – Фельд. Гр. Ласси Варшава 1894-IV, 590 с.; 4 л. план., портр.
20. Милютин Д. А. История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I. Изд. Второе Т. III. СПб. , 1857. 502 с.
21. РГВИА Ф.489 Оп.1 Д.1252.
22. РГВИА Ф.489 Оп.1 Д.1241.
23. РГВИА Ф.489 Оп.1 Д.1324.
24. Архив СПБИИ РАН Ф. 36 Оп.1 Д.213.
25. Fitzpatrick W. Report on the Manuscripts of J.B. Fortescue Esq., preserved at Dropmore, Historical Manuscripts Commission, vol. V. – London: HMSO, 1906.418 р.
26. Гребенщикова Г.А. Секретные экспедиции Балтийского флота.. Клио, Н. 5 (101) /2015: Н. 5 (101) /2015 Санкт-Петербург 2015 С. 130-143.
27. Воронов П. История Лейб-гвардии Павловского полка. 1790–1890 гг. СПб., 1890. – 424, 66, 6, IV с.
28. РГАДА Ф.20 Д.380.
29. РГВИА Ф.29 Оп.1536, Св.2 Д.19. Ч.1.
30. РГВИА Ф.29 Оп.1536, Св.5 Д.19. Ч.2.
31. Куницын А.А. «...В каком бедственном положении я нахожусь из-за отсутствия медицинского персонала...». Медицинское обеспечение Российского экспедиционного корпуса в Британии в 1799–1800 гг. Локус. Люди, общество, культуры, смыслы: научный журнал. – Москва : МПГУ 2024. Т.15. № 2 С. 134-145.
32. РГВИА Фонд ВУА (846) Д.2869 Ч. 1.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Военная история России богата славными победами, вписанными золотыми буквами: Куликово поле, Бородино, Тарутино и Малоярославец, Сталинград и взятие Берлина. Не раз русские войска приходили на помощь дружественным силам, нередко приезжая для решения насущных задач за тысячи километров от родного дома. К сожалению, отдельные эпизоды почти забыты: так, только относительно недавно масштабно раскрыта деятельность русских бригад во Франции и на Балканах в годы Первой мировой войны. Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является организация и состав состав русского вспомогательного корпуса генерал-лейтенанта И.И. Германа фон Ферзена в 1799 г. Автор ставит своими задачами проанализировать международную обстановку в Европе на 1799 г., обозначить основные организационные вопросы по формированию и комплектования русского корпуса.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановкой темы: автор стремится охарактеризовать организацию, комплектование и состав русского корпуса, направляемого в Голландию. Научная новизна определяется также привлечением архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 30 различных источников и исследований, что само по себе говорит о том объеме подготовительной работы, которую проделал ее автор. Источниковая база статьи представлена как документами из фондов Российского государственного военно-исторического архива и Санкт-Петербургского института истории РАН, а также опубликованными документами. Из используемых исследований укажем на труды таких классиков русской военной истории как Д.А. Милютин и А.А. Керновский, а также работы современных авторов: Н.Г. Рогулина, А.А. Куницына, А. Егорова, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения истории русского экспедиционного корпуса в Голландии. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историей русской армии, в целом, так и русским экспедиционным корпусом в Голландию в 1799 г. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что "русская экспедиция в Голландию до настоящего времени остается в отечественной исторической науке темой малоизученной". Автор

обращает внимание на то, что "решение о включения тех или иных подразделений в корпус принималось исходя из места их текущего расположения и способности относительно быстро достичь места посадки на корабли". Примечательно, что как отмечает автор рецензируемой статьи, "согласно взятым на себя обязательствам британцы за свой собственный счёт должны были поставить в русский корпус и необходимое количество лошадей, как для артиллерии и обозов, так и для офицеров", однако в действительности лошадей "не хватало не только для союзников, но и даже для самой британской армии".

Главным выводом статьи является то, что

"несмотря на сжатые сроки, на необходимость координации работы различных ведомств как собственно российских, так и английской военной миссии, российской стороне удалось снарядить и отправить в поход корпус в целом хорошо укомплектованный и снаряжённый максимально возможным образом сообразно обстоятельствам, в том числе и исходя из наличия места на кораблях, для транспортировки снаряжения".

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Genesis: исторические исследования".

Англоязычные метаданные

Ecology as a factor in cooperation between Russia and Brazil during the presidency of Dilma Rousseff (2011–2016)

Voronov Valerii Pavlovich

independent researcher

119334, Russia, Moscow, Gagarin district, Leninsky prospekt, 43, block 121

✉ v.voronov@vniiecology.ru

Borodaev Vladimir Alekseevich

Doctor of History

Professor; Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

10 Leningradsky ave., Begovoy district, Moscow, 125040, Russia

✉ vladimir.a.borodaev@gmail.com

Abstract. The object of the study is the environmental factor in cooperation between Russia and Brazil during the presidency of Dilma Rousseff (2011–2016). The subject of the study is the process of Russian-Brazilian cooperation during this period, driven by the interests of environmental protection and rational use of natural resources. The purpose of the article is to examine the historical experience of bilateral cooperation between Brazil and the Russian Federation in environmental issues, and to identify key aspects of the countries' cooperation in this area. The environmental agenda is often used as an instrument of economic competition and political pressure. The main part of the text analyzes the environmental cooperation between Russia and Brazil as an example of a pragmatic approach, considering joint projects of the two states (the use of the GLONASS satellite system, cooperation in the agro-industrial sector, water resources management). The theoretical and methodological basis of the research is based on the principles of historicism, scientific objectivity and consistency, which assume that all processes are considered in the context of a specific historical situation, and facts and events are analyzed together, and not separately from each other. Comparative-retrospective and historical-systematic methods of historical research were used in the work. The novelty of the research lies in the fact that there are practically no works in Russian historiography devoted to an in-depth analysis of the environmental factor of Russian-Brazilian cooperation. At the same time, the study of the environmental factor of cooperation between Russia and Brazil is of great importance for understanding the principles of interaction with the entire Latin American continent. State policy in the field of ecology is an integral part of the existence of any state, since each state is interested in preserving and improving the state of the environment (and, as a result, improving the quality of life of citizens). Currently, the environmental factor significantly influences the domestic policies of most countries and even their integrity. For Russia and Brazil, ecology is one of the most significant aspects of international relations. The article concludes that, despite the political changes in the world, ecology remains an important factor of cooperation for Russia and Brazil, striving for leadership and strengthening their international image.

Keywords: Forest, Fertilisers, BRICS, Water resources, International relations, Dilma Rousseff, Ecology, Cooperation, Brazil, Russia

References (transliterated)

1. Rozenberg G.S. Eshche raz k voprosu o tom, chto takoe "Ekologiya"? // Mezhdistsiplinarnyi nauchnyi i prikladnoi zhurnal "Biosfera". 2010. T. 2. № 3. EDN: MZJFCB.
2. Ekologicheskaya doktrina Rossiiskoi Federatsii [Elektronnyi resurs] : [Odobrena rasporyazheniem Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 31 avgusta 2002 g. № 1225-r]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-322/48094 (data obrashcheniya: 30.05.2025).
3. Kosov G.V. Ekologicheskii faktor kak politicheskaya problema // Vestnik Stavropol'skogo universiteta. 2003. № 36.
4. Ekozashchita i ekonapadenie: politicheskie ekologi v Rossii i v mire / doklad gruppy ekspertov. M., 2018. 88 s. URL: https://miheev-politolog.ru/wp-content/uploads/2018/05/ecology_big.pdf (data obrashcheniya: 18.05.2025).
5. Graciela Zubelzú de Bacigalupo. As relações russo-brasileiras no pós-Guerra Fria. 2010. S. 5.
6. Ivanova A.V. Tochka bifurkatsii rossiisko-brazil'skikh otnoshenii v svyazi s konfliktom mezhdu Rossiei i Zapadom // Aktual'nye problemy sovremennoykh mezhdunarodnykh otnoshenii. 2015. № 6. EDN: TYWBLH.
7. Fabiano Mel'nichuk. Rossiisko-brazil'skie otnosheniya posle kholodnoi voiny // Mezhdunarodnaya zhizn'. 2012. № 4. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/643/> (data obrashcheniya: 05.10.2025).
8. Maslennikov A.V. Novye tendentsii v formirovaniy politicheskoi kul'tury: rossiisko-brazil'skie vneshnopoliticheskie svyazi (ser. 1990-kh – 2014 gg.) // Vestnik KazGU. 2015. № 3. EDN: UYYTON.
9. Dal'neishie shagi po vypolneniyu Plana deistvii strategicheskogo partnerstva mezhdu Rossiiskoi Federatsiei i Federativnoi Respublikoi Braziliei // Konsortsium Kodeks, Elektronnyi fond pravovoi i normativno-tehnicheskoi dokumentatsii. URL: <http://docs.cntd.ru/document/499014860> (data obrashcheniya: 04.10.2025).
10. Martynov B.F. Braziliya – gigant v globaliziruyushchemsya mire / B.F. Martynov / Institut Latinskoi Ameriki RAN. – M.: Nauka, 2008. – 320 str. EDN: QUHGLJ.
11. Sudarev V.P. Latinskaia Amerika. Novye geopoliticheskie vyzovy. MGIMO MID Rossii. Izdatel'stvo MGIMO – Universitet, 2015. – 292 s.
12. Okuneva L.S. Braziliya: osobennosti demokraticeskogo proekta (stranitsy noveishei politicheskoi istorii latinoamerikanskogo giganta (1960-E GG. – 2006 G.). – M.: MGIMO-Universitet, 2008. – 823 s. EDN: PJSPPH.
13. Ekologiya i globalizatsiya: monografiya / N. A. Piskulova; Moskovskii gosudarstvennyi institut mezhdunarodnykh otnoshenii (universitet) MID Rossii, Kafedra mezhdunarodnykh ekonomiceskikh otnoshenii i vneshnikh ekonomiceskikh svyazei. – Moskva: MGIMO-Universitet, 2010. – 208 s. EDN: QISMLJ.
14. Montreal'skii protokol po veshchestvam, razrushayushchim ozonovyi sloi / Prinyat 16 sentyabrya 1987 goda [Elektronnyi resurs]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/montreal_prot.shtml (data obrashcheniya: 29.05.2025).
15. Novoselova Elena. Kto isportil ozon? // Rossiiskaya gazeta. 01.10.2003 [Elektronnyi resurs]. URL: <https://rg.ru/2003/10/01/ZashitaSyvorotkina.html> (data obrashcheniya: 29.05.2025).
16. Perspektivy rossiiskoi kholodil'noi otrazli v usloviyakh novogo ekologicheskogo

- zakonodatel'stva // Mir klimata. 2016. № 95 [Elektronnyi resurs]. URL: <https://mir-klimata.info/perspektivy-rossijskoj-holodilnoj-otrasli-v-usloviyah-novogo-ekologicheskogo-zakonodatelstva/> (data obrashcheniya: 29.05.2025).
17. Lekontsev D.A., Rubtsov N.S., Mel'nichuk V.I. Eksperimental'noe issledovanie izmerenii bezzaprosvnykh izmeritel'nykh stantsii global'nykh navigatsionnykh sputnikovykh sistem. Voenno-kosmicheskaya akademiya imeni A.F. Mozhaiskogo. 2021. vka@mil.ru [Elektronnyi resurs]. URL: <https://conf-ntores.etu.ru/assets/files/2021/cp/papers/047-49.pdf> (data obrashcheniya: 07.07.2025).
18. Joint Declaration of the 4th Meeting of the BRICS Ministers of Agriculture and Agrarian Development. Brasilia, Brazil, 13th March 2015 [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.gov.br/mre/en/contact-us/press-area/press-releases/joint-declaration-of-the-4th-meeting-of-the-brics-ministers-of-agriculture-and-agrarian-development-brasilia-brazil-13th-march-2015> (data obrashcheniya: 17.07.2025).
19. Budris Aleks. Put' v Braziliu: zachel "Evrokhim" rasshiryaet prisutstvie v Latinskoj Amerike // Forbs. 22 dekabrya 2021 [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/450599-put-v-braziliu-zacem-evrohim-rassiraet-prisutstvie-v-latinskoj-amerike-ysclid=mephjdcty3550199250> (data obrashcheniya: 10.07.2025).
20. Itogi "Vodnogo foruma BRIKS" // Forsait-tsentr [Elektronnyi resurs]. URL: <https://foresight.hse.ru/news/195406739.html> (data obrashcheniya: 06.10.2025).
21. Mobil'nyi promyshlennyi uskoritel' otpravlen v Braziliu dlya uluchsheniya ekologicheskoi situatsii reki Amazonka // Rossiiskaya akademiya nauk [Elektronnyi resurs]. URL: <https://new.ras.ru/activities/news/mobilnyy-promyshlenny-uskoritel-otpravlen-v-braziliu-dlya-uluchsheniya-ekologicheskoy-situatsii-re/> (data obrashcheniya: 06.07.2025).
22. Rossiya i Braziliya budut sotrudnichat' v oblasti okhrany okruzhayushchey sredy // Parlamentskaya gazeta. 22.04.2015 [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.pnp.ru/russia-today/rossiya-i-braziliya-budut-sotrudnichat-v-oblasti-okhrany-okruzhayushchey-sredy.html> (data obrashcheniya: 12.07.2025).
23. Biznes-missiya v Braziliu // Liga pererabotchikov makulatury [Elektronnyi resurs]. URL: <https://liga-pm.ru/activity/biznes-missiya-v-braziliu/> (data obrashcheniya: 05.10.2025).
24. Rossiya i Braziliya dogovorilis' ob obmene optyom v sfere pererabotki stekla // Rossiiskii ekologicheskii operator [Elektronnyi resurs]. URL: <https://reo.ru/tpost/fixjuvj11-rossiya-i-braziliya-dogovorilis-ob-obmen-amp=true> (data obrashcheniya: 05.10.2025).

Historical conditions of the formation and origin of the Roman cult of the god Mithra

SHviryaev Illarion Aleksandrovich

Independent researcher

8 Mendelevskaya str., Tula, 300000, Russia, Tula region

✉ illarionshviryaev@yandex.ru

Abstract. The subject of this study is the historical circumstances of the emergence of the cult of the god Mithras during the Roman Empire. A considerable number of scholarly works

have been devoted to the study of the cult of Mithras, yet the question of the cult's origins and the historical circumstances of its formation remain definitively unresolved and have generated numerous debates in modern classical studies. This article examines the earliest stage of the cult's emergence during the Indo-European period. Based on an analysis of epigraphic and archaeological data, the author examines various aspects of the scholarly problem of the origin of the cult of the god Mithras and the routes of its penetration into the Roman Empire. Particular attention is given to the controversial issues of the origins of the cult of Mithras in its early stages. The scientific novelty of this study lies in its raising the question of the formation of the cult of the deity Mithras during the era of the Indo-European community, and the fact that Mithraism quite likely penetrated Rome from the Bosporan Kingdom, as it appeared in the Bosphorus much earlier than in Rome. To analyze the material, the author used comparative historical, historical genetic, and typological methods. Terminological and lexical analysis of historical sources, along with traditional historiographical research methods, were also used: interdisciplinary analysis, periodization, retrospective and prospective analysis, and problem-chronological analysis. The article's main conclusion is that the cult of Mithra originated during the Indo-European era (5th–3rd millennia BC) and evolved during the Indo-Iranian period. It then penetrated the Roman Empire via the Bosporan Kingdom, becoming one of the main religions of antiquity. The author concludes that one of the routes by which Mithraism entered Rome was through the Bosporan Kingdom. The author offers her interpretation of the accumulated experience in modern Russian and foreign historical discourse in understanding the historiographic and specific historical components of studying the phenomenon of Mithraism and the history of its origins.

Keywords: Bosporan fiascoes, syncretic god, Bosporan Kingdom, Avesta, Rigveda, Persia, animism, Indo-European community, Roman Mithraism, the cult of the god Mithras

References (transliterated)

1. Drevnii Vostok i antichnyi mir. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1972.
2. Cherednichenko A. G., Shentsov M. E. Problema genezisa "iranskogo mitraizma". // Nauch. vedomosti Belgorod. gos. un-ta. Vyp. 12. Iстория. Политология. Экономика. Информатика. 2009. № 15 (70). S. 11-15.
3. Myuller M. Sravnitel'naya mifologiya. M.: Tip. Gracheva i K., 1863.
4. Dumézil G. Mitra-Varuna. P.: Zone Books, 1988.
5. Dumézil G. Les dieux des indo-européens. P.: Presses universitaires de France, 1993.
6. Oldenberg H. La religion du Veda. P.: Motilal Banarsiadas Publ., 1988.
7. Meillet A. Linguistique historique et linguistique générale. P.: É. Champion, 1951.
8. Cherednichenko A. G., Shentsov M. E. K voprosu o prichinakh nравственного прогресса в идеологии римского митраизма в IV–V vv. // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2010. № 2 (28). S. 11-22. EDN: OJUEJX
9. Frantsov Yu. P. U istokov religii i svobodomysliya. M.: Izd-vo AN SSSR, 1959.
10. Rigveda. V 3 tt. / per. T. Ya. Elizarenkovo. – M.: Nauka, 1989–1999.
11. Avesta / Mikhr-Yasht (Yasht X) / Per. I.M. Steblin-Kamenskogo // Avesta v russkikh perevodakh (1861–1996); pod red. I.V. Raka. – SPb.: RKhGI, 1997. – 473 s.
12. Benveniste E. Textes sogdiens. P.: P. Geuthner, 1940.
13. D'yakonov I. M. Iстория Мидии. Izd-vo AN SSSR. M.-L., 1956.
14. Koshelenko G. A. Rannie etapy razvitiya kul'ta Mifry. // Drevnii Vostok i antichnyi mir. M.: MGU, 1972. S. 75-84.

15. Vil'khel'm G. Drevnii narod khurriy: ocherki istorii i kul'tury. M.: Nauka, 1992.
16. Moulton J. H. Early Zoroastrianism. L. Y.: Constable, 1913.
17. Kyumon F. Misterii Mitry. SPb.: Evraziya, 2018.
18. Chistyakov N. V. Interperetatsii stseny tavroktonii v misteriyakh Mitry / N. V. Chistyakov // Homo Loquens: yazyk i kul'tura: Sbornik nauchnykh stat'ei, dokladov i perevodov: Vserossiiskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya s mezhdunarodnym uchastiem, Sankt-Peterburg, 20-21 aprelya 2023 goda. – Sankt-Peterburg: Russkaya khristianskaya gumanitarnaya akademiya im. F.M. Dostoevskogo, 2023. – S. 94-104. – EDN NPREGP
19. Gerodot. Iстория. пер. с древнегреч. Г.А. Стратановского. М.: изд. AST: OGIZ, 2024.
20. Dandamaev M. A. Politicheskaya istoriya Akhemenidskoi derzhavy. M.: Nauka, 1985.
21. Klauss M. Rimskii kul't Mitry: bog i ego misterii. M.: Kastaliya, 2022. S. 250.
22. Blawatsky V., Kochelenko G. Culte de Mithra sur la cote septentrionale de la Mer Noire. Leiden: Brill, 1966. 36 s.
23. Will Ed. Origine et nature de mithraicisme // Etudes Mithriaques. Actes du 2-e Congres International. Teheran, 1978.
24. Beskow P. The Rountes of Early Mithraism // Etudes Mithriaques. Actes du 2-e Congres International. Teheran, du 1-er au 8 septembre 1975. Leiden; Teheran; Liege, 1978. S. 7-18.
25. Koshelenko G. A., Maslennikov A. A. Eshche raz o kul'te Mitry-Attisa na Bospore. DB. 2003. № 6. S. 184-187.
26. Silant'eva P. F. Terrakoty Pantikapeya. V: Kobylina M. M. (red.). Terrakotovye statuetki. Pantikapei. Ch. III. Moskva: Nauka, 1974. S. 5-37 (SAI G1 11).
27. Pruglo V. I. Terrakotovye statuetki vsadnikov na Bospore. V: Kobylina M. M. (red.). Iстория i kul'tura antichnogo mira. Moskva: Nauka, 1977. S. 177-183.
28. Rostovtsev M. I. Gosudarstvo i kul'tura Bosporskogo tsarstva: gl. VI, s. 124-133. // Vestnik drevnei istorii. 1989. № 4 (191).
29. Suvorova N. I. K voprosu o rasprostranenii Pontiiskogo sinkreticheskogo kul'ta Mena – Mitry – Attisa na Bospore // MAIASP. 2021. № 13. S. 715-729. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.13.42.022 EDN: IDKZPQ

Interdisciplinarity in contemporary studies of political and legal phenomena and doctrines

Gorban Vladimir Sergeevich

Doctor of Law

Head of the Department of Philosophy of Law, History and Theory of State and Law, Head of the Center for Philosophical and Legal Studies; Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

10 Znamenka Street, Moscow, 119019, Russia

 gorbanv@gmail.com

Gruzdev Grigory Vladimirovich

Postgraduate student; Department of Philosophy of Law, History and Theory of State and Law; Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

10 Znamenka Street, Moscow, 119019, Russia

 grgrishaigp@yandex.ru

Gruzdev Leonid Vladimirovich

Postgraduate student; Department of Philosophy of Law, History and Theory of State and Law; Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

10 Znamenka Street, Moscow, 119019, Russia

✉ gruleon@yandex.ru

Abstract. The subject of the research is the methodological potential of interdisciplinary approaches in the modern history of political and legal doctrines. The cognitive value of integrating historical-legal science with concepts and methods from related fields is analyzed: philosophy of science (V.I. Vernadsky, V.S. Stepin), global historiography (H. Igger), critical philosophy of history (K. Popper), as well as approaches within the legal science itself (V.G. Grafkiy, V.S. Nersesyants, L.S. Mamut, S.V. Kodan, E.A. Frolova, and others). The central question is how borrowing theoretical constructs and methodological principles from other disciplines allows overcoming narrow sectoral provincialism, expanding the subject field, and formulating new research questions in the study of the evolution of political-legal ideas and institutions. The comparative-historical method plays a leading role, applied to compare various methodological programs and identify common interdisciplinary trends within them. The historical-biographical method is used to reconstruct the views of individual scholars in the context of the development of their scientific approaches. Methods of theoretical modeling and conceptual analysis are applied to identify basic oppositions in legal understanding. The novelty of the research lies in the systematic synthesis and comparative analysis of disparate methodological proposals for renewing the history of political and legal doctrines. For the first time, a comprehensive understanding of the interdisciplinary potential of key methodological approaches is provided within a single study. The concept of the noosphere by V.I. Vernadsky is considered as a foundation for understanding the history of law as a significant element of the history of scientific knowledge, while the methodology of V.S. Stepin is applied to analyze legal phenomena as theoretical schemes. The system of principles proposed by V.G. Grafkiy, based on historicism and comparative analysis, stands in opposition to both mono-methodological approaches and Western legal universalism. The typology of legal understanding by V.S. Nersesyants gains particular significance as an analytical tool for identifying the deeper foundations of various legal traditions, while L.S. Mamut's methodological warning against "modernocentrism" becomes the basis for an adequate analysis of the doctrines of the past in their own organic context. It is demonstrated that it is precisely interdisciplinarity that opens the possibility for constructing a holistic history of law that takes into account the variability of legal rationality and the cultural diversity of the world.

Keywords: criticism of historicism, historicism in law, universal history of law, theoretical knowledge, legal understanding, legal historiography, methodology of law, history of legal doctrines, methodological pluralism, logic of meaning-making

References (transliterated)

1. Vernadskii, V. I. Nauchnaya mysl' kak planetnoe yavlenie / V. I. Vernadskii ; otv. red. A. L. Yanshin ; AN SSSR. – Moskva : Nauka, 1991. – 270, [1] s. EDN: KBQMGG.
2. Gorban', V. S. Iсториографические модели реконструкции политических и правовых учений / V. S. Gorban' // Gosudarstvo i pravo. – 2024. – № 11. – S. 7-22. – DOI: 10.31857/S1026945224110017. EDN: XVTNOZ.
3. Gorban', V. S. Rol' istoriografii v filosofii prava i formirovaniyu ponyatiinogo yazyka sovremennoi pravovoi teorii / V. S. Gorban' // Antinomii. – 2025. – T. 25, № 1. – S.

- 107-127. – DOI 10.17506/26867206_2025_25_1_107. EDN: LUKCDL.
4. Grafskii, V. G. Gosudarstvo i tekhnokratiya : istoriko-kriticheskoe issledovanie / V. G. Grafskii. – Moskva : Nauka, 1981. – 289 s.
 5. Grafskii, V. G. Iстория политических и правовых учений : учебник / V. G. Grafskii ; In-t gosudarstva i prava Rossiiskoi akad. nauk. – 3-e izd., dop. – Moskva : Norma, 2009. – 735 s. EDN: QRHKJZ.
 6. Grafskii, V. G. O roli istorii politicheskikh uchenii v ideino-teoreticheskoi podgotovke studenta / V. G. Grafskii // Politicheskie i pravovye ucheniya: problemy issledovaniya i prepodavaniya : sbornik statei / AN SSSR, In-t gosudarstva i prava ; redkol.: V. E. Guliev [i dr.]. – Moskva : IGP AN, 1978. – S. 62-67.
 7. Grafskii, V. G. Problema vzaimootnoshenii vlasti i znaniya v istorii politicheskoi mysli : dissertatsiya ... doktora yuridicheskikh nauk : 12.00.01 / V. G. Grafskii ; In-t gosudarstva i prava. – Moskva, 1992. – 350 s. EDN: ZJNXJF.
 8. Guliev, V. E. Ob issledovanii politiko-pravovykh uchenii / V. E. Guliev // Iz istorii politicheskikh uchenii : sbornik statei / AN SSSR, In-t gosudarstva i prava ; redkol.: V. E. Guliev (otv. red.) [i dr.]. – Moskva : [b. i.], 1976. – S. 3-7.
 9. Iggers, G. Global'naya istoriya sovremennoi istoriografii / G. Iggers, E. Van (pri uchastii Suprii Mukerdzhi) ; per. s angl. O. Vorob'evi ; nauch. red. M. Kukartseva. – Moskva : Kanon+ : Reabilitatsiya, 2012. – 432 s.
 10. Kodan S.V. Iсториография в структуре истории политических и правовых учений: предметная направленность, телевизионные установки, задачи и функции // Genesis: istoricheskie issledovaniya. 2020. № 12. S. 126-137. DOI: 10.25136/2409-868X.2020.12.34729 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34729
 11. Mamut, L. S. Analiz svyazi istorii i sovremennosti v razvitiu politicheskoi mysli / L. S. Mamut // Politicheskie i pravovye ucheniya: problemy issledovaniya i prepodavaniya : sbornik statei / AN SSSR, In-t gosudarstva i prava ; redkol.: V. E. Guliev [i dr.]. – Moskva : IGP AN, 1978. – S. 47-55.
 12. Nersesyants, V. S. Iz istorii pravovykh uchenii: dva tipa pravoponimaniya / V. S. Nersesyants // Politicheskie i pravovye ucheniya: problemy issledovaniya i prepodavaniya : sbornik statei / AN SSSR, In-t gosudarstva i prava ; redkol.: V. E. Guliev [i dr.]. – Moskva : IGP AN, 1978. – S. 18-29.
 13. Nersesyants, V. S. Pravo i zakon : iz istorii pravovykh uchenii / V. S. Nersesyants. – Moskva : Nauka, 1983. – 366 s.
 14. Popper, K. R. Nishcheta istoritsizma / K. R. Popper ; per. s angl. – Moskva : Progress : VIA, 1993. – 187 s.
 15. Stepin, V. S. Teoreticheskoe znanie / V. S. Stepin. – Moskva : Progress-Traditsiya, 2003. – 744 s.
 16. Frolova, E. A. Iстория политических и правовых учений: методологические проблемы соотношения юридической науки и учебной дисциплины / E. A. Frolova // Vestnik Moskovskogo universiteta. – 2009. – № 1. – S. 70-80.

Gender aspects of collaboration in the territory of the Lokot District Self-Government.

Alenicheva Iana Sergeevna

Postgraduate student; Department of Russian History, Leningrad State University named after AS. Pushkin"
Leningrad Region

10 Peterburgskoe Highway, Pushkin, Saint Petersburg, 196605, Russia

✉ alenicheva.history@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the forms, motives, and socio-psychological characteristics of women's participation in the activities of the Lokot District Self-Government – the largest collaborationist formation operating in the occupied territory of the USSR from 1941 to 1943. The subject of the study is the involvement of women in the administrative, economic, sanitary, and educational structures of local government, their professional, family, and domestic roles, as well as the impact of women's labor on the sustainability of the occupied society and the stability of its social institutions. The work is based on materials from fund 2608 of the State Archive of Bryansk Region, including orders, directives, correspondence, reports, statements, and personal applications from residents, which allows for a detailed reconstruction of the real mechanisms of women's participation and adaptation in wartime and occupation conditions. Using microhistorical and gender analysis, the functional roles that women occupied within the occupation government are examined – ranging from clerical and sanitary to educational and economic. It is shown that women's participation in the self-government system was not an expression of ideological loyalty to the occupying power, but rather a forced form of adaptation and survival in conditions of a destroyed social and moral order. Women acted as intermediaries between administrative structures and the population, supporting the functioning of sanitation, education, supply, medical, and domestic infrastructure. It was through their everyday labor that basic forms of social organization were preserved, creating an "invisible framework" for the life of the occupied society and allowing people to maintain a sense of normalcy. As a result, the study reveals female collaborationism as a complex socio-psychological phenomenon, intertwining coercion, labor necessity, a sense of duty, and individual self-preservation strategies. The work fills a significant gap in domestic historiography and emphasizes the necessity of incorporating a gender dimension into the analysis of the experience of war and occupation.

Keywords: Lokot self-government, adaptation, everyday life, gender history, German occupation, Great Patriotic War, collaboration with the Germans, female collaboration, World War II, the USSR in the war

References (transliterated)

1. Assman A. Dlinnaya ten' proshlogo: memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. – 328 s.
2. Budnitskii O. V. Garvardskii proekt: rassekrechennye svidetel'stva o Velikoi Otechestvennoi voine. – M.: ROSSPEN, 2018. – 514 s.
3. Budnitskii O. V. Svershilos'! Prishli nemtsy. Ideinyi kollaboratsionizm v SSSR v period Velikoi Otechestvennoi voiny [Elektronnyi resurs] // Rulit. URL: <https://www.rulit.me/books/mys-strahov-ip-read-415171-1.html>.
4. Bulyga O. V. Problema kollaboratsionizma v SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny v sovetskoi i rossiiskoi istoriografii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Iстория. – 2018. – № 6. – S. 97-110. EDN: ZBKEEH
5. Gosudarstvennyi arkhiv Bryanskoi oblasti (GABO). F. 2608. Op. 1. D. 2. Materialy o deyatel'nosti grazhdanskikh i sanitarnykh uchrezhdeniyakh Lokotskogo okruga (1942–1943 gg.).
6. Gerasev I. Yu. Petrozavodsk. Sentyabr' 1941 goda. – Petrozavodsk: Petropress, 2023. – 224 s.
7. Gribkov I. Zhurnal'naya izmena: russkie kollaboratsionistskie zhurnaly na

- okkupirovannoi territorii SSSR // Posobniki. Issledovaniya i materialy po istorii otechestvennogo kollaboratsionizma. – 2020. URL: <https://www.academia.edu/43849815>
8. Drobayazko S. I. Kollaboratsionizm v SSSR: formy i masshtaby. – M.: Veche, 2010. – 480 s.
 9. Ermolov I. G. Vozniknovenie i razvitiye sovetskogo voenno-politicheskogo kollaboratsionizma na okkupirovannykh territoriyakh SSSR v 1941–1944 gg.: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02 – Otechestvennaya istoriya. – Tver', 2005. – 279 s. EDN: NNHDRL
 10. Ermolov I. G. Tri goda bez Stalina. Okkupatsiya 1941–1944. – M.: Tsentrpoligraf, 2010. – 383 s. – EDN: QPOTGJ.
 11. Ivashchenko A. S. Diskussionnye voprosy istorii Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. v otechestvennoi istoriografii // Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya. – 2020. – № 3. – S. 45–58.
 12. Kovalev B. N. Povsednevnyaya zhizn' naseleniya Rossii v period natsistskoi okkupatsii [Elektronnyi resurs] // Voenaya literatura. URL: http://militera.lib.ru/research/kovalev_bn03/index.html.
 13. Krin'ko E. F. Kollaboratsionizm v SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny i ego izuchenie v rossiiskoi istoriografii // Voprosy istorii. – 2004. – № 11. – S. 157–167.
 14. Miller A. I. Istoricheskaya politika v XXI veke. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. – 648 s.
 15. Molodova I. Yu. Natsistskii okkupatsionnyi rezhim na territorii Zapadnogo regiona RSFSR: vlast' i naselenie: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02 – Otechestvennaya istoriya. – Bryansk, 2010. – 263 s. EDN: ZOBWIT.
 16. Os'machko S. G. Sovetskii kollaboratsionizm (1941–1945 gg.): aktual'nost' definitsii i sotsiokul'turnyi diskurs // Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik. – 2019. – № 2 (24). – S. 156–161.
 17. Pushkarenko E. A. Belorusskii zhenskii kollaboratsionizm kak instrument nemetskoi propagandy v gody Vtoroi mirovoi voiny // Istorya: fakty i simvoly. – 2022. – № 2 (31).
 18. Slovinski K. Istoricheskaya politika partii "Pravo i spravedlivost'" // Sovremennaya Evropa. – 2020. – № 1. – S. 102–112. DOI: 10.15211/soveurope12020102112 EDN: PKKYNW
 19. Khisamutdinova R. R. Problema kollaboratsionizma v SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny v sovremennoi rossiiskoi istoriografii i zarubezhnoi literature // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2013. – № 3 (7). – S. 117–125. EDN: RBESJP

The Role of Russian-Chinese Military Cooperation in Shaping a Multipolar World Order

Zhao Dongxu

PhD student; Department of Russian History, RUDN University

117198, Russia, Moscow, Obruchevsky district, Mklukho-Maklaya str., 10 K. 2

 zhaodongxu123@foxmail.com

Abstract. The subject of this study is the military cooperation between Russia and China as a factor transforming the modern system of international relations and shaping a new

architecture of global security. The object of the research is Russian-Chinese interaction in defense, military-technical exchange, and strategic planning within the framework of the emerging multipolar world order. The author analyzes the historical evolution, current forms, and institutional mechanisms of bilateral cooperation, including the framework of the Shanghai Cooperation Organization and other formats of strategic partnership. Particular attention is given to the impact of Russian-Chinese coordination on the architecture of global and regional security and its role in strengthening the principles of equality, non-interference, and collective responsibility. The analysis covers both military-technical and political-normative dimensions, revealing how this cooperation contributes to a stable and balanced model of international stability. The study employs methods of systemic and comparative analysis, the principles of political realism and constructivism, as well as elements of the theory of complex interdependence. The scientific novelty lies in identifying the role of Russian-Chinese military cooperation as a key factor in the institutionalization of a multipolar world order. The study shows that such interaction goes beyond traditional defense policy, serving as a strategic instrument for strengthening international stability. It contributes to the formation of new centers of power, reducing global tensions, and developing an alternative model of collective security based on trust and mutual benefit. The Russian-Chinese partnership performs a stabilizing function in the system of international relations of the 21st century and promotes a more balanced and equitable world order.

Keywords: Constructivist approach, Balance of power, Shanghai Cooperation Organization, Strategic partnership, Geopolitics of Eurasia, International relations, Multipolar world, Military security, Institutionalization of security, Russian-Chinese cooperation

References (transliterated)

1. Dunsyui Ch. Regional'nye i global'nye aspekty voenno-politicheskogo sotrudничества между Россией и Китаем в 1991–2020 годах // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Серия: История. Политология. Статистика. – 2023. – № 2. – С. 98–102.
2. Li V.N. Strategicheskoe partnerstvo Rossii i Kitaya v voenno-morskoi sfere // Mezhdunarodnye otnosheniya. 2024. № 3. С. 16–27. DOI: 10.7256/2454-0641.2024.3.71262 EDN: ZYFHFA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71262
3. Koldunova E. V. Voennaya diplomatiya Yaponii, Kitaya i Rossii v Yugo-Vostochnoi Azii: strategii i taktika realizatsii // Yaponskie issledovaniya. – 2024. – № 1. – С. 111–125. DOI: 10.55105/2500-2872-2024-1-111-125
4. Archugova A. S., Ponomarenko L. V. Rossiisko-kitaiskoe sotrudничество в военных областях по материалам газеты "Zhen'min' zhizhao" в 2014–2022 гг. // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Серия: Vseobshchaya istoriya. – 2023. – Т. 15, № 4. – С. 443–462. DOI: 10.22363/2312-8127-2023-15-4-443-462
5. Dunsyui Ch. Voenno-politicheskoe sotrudничество между Россией и Китаем в 1991–2020 гг. // Kazachestvo. – 2022. – № 63(6). – С. 91–96.
6. Kharichkin I. K., Navdaeva M. E. Rossiisko-kitaiskoe voenno-morskoe sotrudничество в усloвиях geopoliticheskoi napryazhennosti v mire // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Серия: Politologiya. Religiovedenie. – 2024. – Вып. 49. – С. 55–73. DOI: 10.26516/2073-3380.2024.49.55
7. Li V.N. Vzaimodeistvie Rossii i Kitaya v voenno-tehnicheskoi oblasti: osobennosti i tendentsii // Konfliktologiya / nota bene. 2025. № 1. С. 65–74. DOI: 10.7256/2454-

- 0617.2025.1.73872 EDN: SYXBOG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73872
8. Yavchunovskaya R. A., Polonchuk R. A. Rossiisko-kitaiskoe sotrudnichestvo v sfere oborony i bezopasnosti: dostizheniya, vyzovy, upravlencheskie aspekty // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. – 2024. – T. 11, № 3. – S. 374-381. DOI: 10.22363/2312-8313-2024-11-3-374-381
 9. Yavchunovskaya R. A., Abdrahimov L. G. Potentsial mezhdunarodnogo sotrudnichestva v voennoi sfere v natsional'nykh interesakh Rossii i Kitaya // Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya. – 2023. – Vyp. 18-1. – S. 298-300.
 10. Chinese and Russian Warplanes Patrol the Pacific in a Show of Strengthening Military Ties // TIME Magazine. – Dekabr' 2024 g. [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://time.com/6237811/russia-china-bomber-patrol-military/> (data obrashcheniya: 31.05.2025).
 11. China-Iran-Russia "Security Belt 2025" Naval Exercise Wraps Up // China Military Online. [Elektronnyi resurs]. – URL: http://eng.chinamil.com.cn/CHINA_209163/Exchanges/News_209188/16375043.html (data obrashcheniya: 31.05.2025).
 12. Russia Is Helping Prepare China to Attack Taiwan, Documents Suggest // The Washington Post. – 26 sentyabrya 2025 g. [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2025/09/26/russia-china-weapons-sales-air-assault/> (data obrashcheniya: 31.05.2025).
 13. Sovmestnoe zayavlenie Rossiiskoi Federatsii i Kitaiskoi Narodnoi Respubliki o dal'neishem uglublenii otnoshenii vseob'emyushchego partnerstva i strategicheskogo vzaimodeistviya v novyyu epokhu... // Prezident Rossii. – Mai 2025 g. [Elektronnyi resurs]. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6309> (data obrashcheniya: 31.05.2025).
 14. Van Khaiyun'. Sem'desyat let rossiisko-kitaiskikh voennnykh otnoshenii: itogi i razmyshleniya // Issledovaniya Rossii, Vostochnoi Evropy i Tsentral'noi Azii. – 2019. – № 4. – S. 37-48.
 15. Rebkalo A. P. Rossiisko-kitaiskie otnosheniya (1991–2021 gg.): diplomnaya rabota. – Minsk: Belorusskii gosudarstvennyi universitet, 2022. – URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/283879> (data obrashcheniya: 31.05.2025).
 16. Den Khao. Novye izmeneniya v Shankhaiskoi organizatsii sotrudnichestva na fone ukrainskogo krizisa i mery reagirovaniya // Issledovaniya Rossii, Vostochnoi Evropy i Tsentral'noi Azii. – 2023. – № 3. – S. 1-19.
 17. Soluyanov V. S. Kontseptsiya mnogopolyarnosti: mnogoobrazie podkhodov i interpretatsii // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya. – 2021. – T. 23, № 3. – S. 424-445. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-424-445
 18. Zobnin A. K. K opredeleniyu printsipa balansa sil: opyt neoinstitutsional'nogo podkhoda k mezhdunarodnoi srede // Mezhdunarodnye protsessy. – 2025. – T. 12, № 3. – S. 55-73.
 19. Degterev D.A., Khudaikulova A.V. Balans sil v mezhdunarodno-politicheskoi nauke: teorecheskie kontseptsii i prikladnoi analiz // Natsional'naya bezopasnost' / nota bene. 2018. № 1. S. 1-12. DOI: 10.7256/2454-0668.2018.1.25193 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=25193

On the experimental design work of the design bureau of

engineer Kondakov from 1932 to 1938 (except for aircraft and dynamo-propelled guns)

Timofeeva Rimma Aleksandrovna

PhD in Art History

Associate Professor; Department of History and Theory of Art; St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

29 Politehnicheskaya str., building 2, sq. 32, Saint Petersburg, 194064, Russia

 rimma.a.timofeeva@gmail.com

Chumak Ruslan Nikolaevich

PhD in Technical Science

Head of the Funds Department; Military Historical Museum of Artillery, Engineering and Communications Troops

7 Alexandrovsky Park str., Saint Petersburg, 197046, Russia

 rimmaa@gmail.com

Abstract. The subject of research in this article is the activities of the design bureau of engineer Mikhail Nikolaevich Kondakov (Leningrad) during 1932–1938 in the context of the formation of a domestic scientific school of weapons design. A general description of the main directions of development of the design bureau in the field of small arms and cannon weapons (except for aircraft and dynamo-reactive guns) is given. The most important research and development projects of the specified period are identified and their description is carried out. The development of universal guns, automatic guns (except for aircraft), heavy infantry weapons, samples of self-propelled artillery are analyzed and other projects are listed. The complex of methods used included the processing of archival materials, historical and scientific analysis of fundamental works on the topic, and the comparative historical method. Analysis of the activities of the design bureau of engineer Kondakov from 1932 to 1938 and the identification of its role in the development of the domestic school of small arms and cannon weapons design has not received any significant coverage in domestic weapons science. The reason for this state of affairs is the significant fragmentation of archival documentation on this topic and the fragmentary degree of preservation in various museum collections of samples of experimental design work. Based on newly discovered information, the article for the first time builds a thematic series of developments by the design bureau of engineer Kondakov in 1932–1938. The role of this organization for the development of domestic weapons in the pre-war period is revealed.

Keywords: self-propelled artillery, universal guns, dynamo-reactive guns, non-recoil cannons, automatic guns, M. N. Kondakov, design bureau, 1930s, weapons design, history of weapons

References (transliterated)

1. Bolotin D. N. Iстория советского стрелкового оружия и патронов. SPb.: Poligon, 1995. 303 s.
2. Iстория оружия и техники. Т. 3. Артиллерия Советской Армии до Великой Отечественной войны (октябрь 1917 г. – июнь 1941 г.). Кн. 8. Советская артиллерия в период между гражданской и Великой Отечественной войнами (1921 г. – июнь 1941 г.). М. – Л., 1964. 720 s.
3. Shirokorad, A. B. Tainy russkoi artillerii. Poslednii dovod tsarei i komissarov. M.: Yauza; Eksmo, 2003. 477 s.

4. Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv (RGVA). F. 32439. Op. 1. D. 249.
5. Timofeeva, R. A., Antonov, V. A., Chumak, R. N. Avtomaticheskie pushki konstruktorskogo byuro Kondakova (1930-e gg.) // Mir oruzhiya: istoriya, geroi, kollektivi. Sbornik materialov KhI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Voronezh: Federal'noe gosudarstvennoe byudzhetnoe uchrezhdenie kul'tury «Tul'skii gosudarstvennyi muzei oruzhiya»; AO «Voronezhskaya oblastnaya tipografiya», 2023. S. 50–54.
6. Timofeeva, R. A., Antonov, V. A. Razrabotka vooruzheniya OKB-43 v period evakuatsii: k postanovke voprosa // Tekhnologos. 2024. №2. S. 87–97. DOI: 10.15593/perm.kipf/2024.2.07
7. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Sankt-Peterburga (TsGA SPb.). F. R-1788. Op. 29. D. 1064.
8. TsGA SPb. F. R-1788. Op. 29. D. 940.
9. RGVA. F. 20. Op. 38. D. 1049.
10. RGVA. F. 31811. Op. 3. D. 248.
11. Nauchnyi arkhiv Voenno-istoricheskogo muzeya artillerii, inzhenernykh voisk i voisk svyazi (VIMAIViVS). F. 6R. Op. 1. D. 126.
12. Nauchnyi arkhiv VIMAIViVS. F. 6R. Op. 1. D. 176.
13. Nauchnyi arkhiv VIMAIViVS. F. 7R. Op. 7. D. 69.
14. RGVA. F. 20. Op. 38. D. 1204.
15. Nauchnyi arkhiv VIMAIViVS. F. 6R. Op. 1. D. 164. L. 118.
16. RGVA. F. 20. Op. 38. D. 2545.
17. Nauchnyi arkhiv VIMAIViVS. F. 6R. Op. 1. D. 741.
18. Nauchnyi arkhiv VIMAIViVS. 6R. Op. 3. Akt 50. D. 5.
19. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv (RGA) v g. Samare. F. R-1. Op.47-5. D. 2056.
20. Nauchnyi arkhiv VIMAIViVS. F. 6R. Op. 1. D. 603.
21. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga (TsGAIPD SPb.). F. 25. Op. 12. D. 36.

Hammersmiths of the Yekaterinburg plant in the first half of the 18th century

Ulanov Kirill Andreevich

PhD in History

Associate Professor; Department 'Faculty of History'; Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

Office 471, Turgenev str., 4, Yekaterinburg, Sverdlovsk region, 620000, Russia

 ulanov.kir@gmail.com

Abstract. This article reconstructs the biographies of hammersmiths at the Yekaterinburg plant in the first half of the 18th century. The subject of the study is the professional and social group of hammersmiths at the Yekaterinburg plant in the first half of the 18th century as a key element of the industrial structure of the Ural mining and metallurgy sector. The study covers the formation and functioning of the hammersmith community, their labor and social relations, and the conditions for professional growth. Particular attention is paid to the individual biographies of the hammersmiths, which reflect the specifics of factory life, the dynamics of career trajectories, and the influence of administrative and economic factors on

the workers' situation. Through an analysis of personal destinies, patterns of development in the industrial environment and social organization of Ural factories in the 18th century are revealed. The aim of the study is to reconstruct the biographies of representatives of this professional group and identify the factors that determined their social status, professional connections, and role in the production process. The methodological basis is formed by the principles of the "new biographical history," focused on the study of individual destinies as a tool for understanding the social and cultural processes of the era. The novelty of the study lies in its systematization of disparate factual data on the lives and work of hammersmiths and the identification of mechanisms of self-government among the artisan community. This study, using archival documents, identified the profile and career paths of more than twenty craftsmen. Working conditions, the structure of craftsmen's teams, the payment system, and disciplinary control were analyzed. Labor dynasties that determined the continuity of craft traditions were identified, as well as elements of internal self-regulation within the professional community, expressed in the independent election of inspectors and elders. The average age of a craftsman was determined to be approximately 45 years, reflecting the maturity of the professional workforce and the stability of the production environment. The obtained results provide a more detailed description of the social structure of 18th-century factory society, demonstrating the relationship between administrative control and internal corporate ethics. The findings complement existing understanding of social stratification and work culture in the 18th-century Ural mining industry. The study's findings allow us to consider hammersmiths as a key element of the industrial and social organization of the Ural mining industry, and the "new biographical history" method as an effective tool for studying the microhistorical aspects of Russia's industrial development.

Keywords: Tatishchev, social structure, Gennin, mining and metallurgical production, 18th century, Ural, Yekaterinburg, Hammersmiths, biographical method, industrial development of the Ural

References (transliterated)

1. Repina L. P. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX – XXI vv.: sotsial'nye teorii i istoriograficheskaya praktika. M.: "Krug""", 2011. EDN: REKHBF.
2. Repina L. P. Ot "istorii odnoi zhizni" v "personal'noi istorii" // Istorya cherez lichnost'. Istoricheskaya biografiya segodnya. M., 2010. S. 55-74.
3. Kozlov A. G. Tvortsy nauki i tekhniki na Urale. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1981.
4. Korepanov N. S. V rannem Ekaterinburge (1723–1781 gg.). Ekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii, 1997.
5. Korepanov N. S. Nikifor Kleopin. Ekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii, 2000.
6. Korepanov N. S. Pervyi vek Ekaterinburga. Ekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii, 2005.
7. Korepanov N. S. Gennin na Urale. Ekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii, 2006.
8. Tsemenkova S. I. "Nezamenimye byli": neskol'ko syuzhetov iz biografii Evdokima Yakovleva // Dokument. Arkhiv. Istorya. Sovremennost': sbornik nauchnykh trudov. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2019. Vyp. 19. S. 338-345. EDN: DLCWQQ.
9. Tsemenkova S. I. Pervye kartografiy gornozavodskogo Urala: Mikhail Silych Kutuzov // Dialog so vremenem. 2021. № 75. S. 359-372. DOI: 10.21267/aquilo.2021.75.75.019. EDN: KEOXHK.
10. Tsemenkova S. I., Chernoukhov A. V. Ekaterinburgskii zavod v pervye gody:

- chelovecheskii faktor v sisteme upravleniya // Dokument. Arkhiv. Istorya. Sovremennost': Materialy VII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoi 80-letiyu Istoricheskogo fakul'teta Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ekaterinburg, 16-18 noyabrya 2018 g. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2018. S. 345-351.
11. Tsemenkova S. I., Chernoukhov A. V. "Gornoe delo proizvodit' sil'noyu rukoyu...": formirovaniye sostava "vysshikh i nizhnikh upravitelei" gornozavodskogo Urala v 20-40-e gg. XVIII v. // Dokument. Arkhiv. Istorya. Sovremennost': sbornik nauchnykh trudov. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2020. Vyp. 20. S. 41-56. EDN: PUUUYU.
 12. Tsemenkova, S. I., Chernoukhov A. V. Konstantin Artem'evich Gordeev (1700–1741): ot vzleta do padeniya // Dokument. Arkhiv. Istorya. Sovremennost': sbornik nauchnykh trudov. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2022. Vyp. 22. S. 72-90. EDN: GLHAVD.
 13. Safronova A. M. Deyatel'nost' angliiskogo doktora meditsiny Dzheikoba Griva v Rossii v pervoi polovine XVIII v. // Quaestio Rossica. 2025. T. 13, № 2. S. 707-722. DOI: 10.15826/qr.2025.2.989. EDN: YNUAUC.
 14. Safronova A. M. Pervye uchitelya Ekaterinburga (1724–1750 gg.). Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2023.
 15. Safronova A. M. Pod'yachie kazennykh zavodov Urala v Petrovskuyu epokhu: formirovaniye kontingenta, usloviya truda i byta // Quaestio Rossica. 2022. T. 10, № 3. S. 976-990. DOI: 10.15826/qr.2022.3.712. EDN: NYVIOU.
 16. Safronova A. M. Rektor i pervyi uchitel' nemetskoi shkoly Ekaterinburga Berngard Shtermer (1735–1740) // Nauchnyi dialog. 2019. № 7. S. 366-381. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-7-366-381. EDN: ZZGDBB.
 17. Tsemenkova S. I., Chernoukhov A. V. Rukovoditeli apparata gornozavodskoi vlasti Urala v 20-e – 50-e gg. XVIII v.: biogr. sprav. SPb.: Aleteiya, 2022. EDN: SGQCTS.
 18. Chernoukhov A. V., Ulanov K. A. Russkie mastera i inostrannye spetsialisty na gornozavodskom Urale i v Sibiri v 20-kh – 50-kh gg. XVIII veka: biograficheskii spravochnik. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2025.
 19. Borodina E. V., Tsemenkova S. I. Struktura i chislennost' naseleniya rannego Ekaterinburga (1723–1744 gody) // Nauchnyi dialog. 2023. T. 12, № 9. S. 352-353.
 20. Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti (GASO). F. 24. Op. 1. D. 1020.
 21. GASO. F. 24. Op. 1. D. 1094.
 22. GASO. F. 24. Op. 1. D. 303.
 23. GASO. F. 24. Op. 1. D. 920.
 24. Kopyrina S. N., Chernoukhov A. V. Stanovlenie meditsinskoi infrastruktury na kazennykh zavodakh Urala v pervoi treti XVIII veka // Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya. 2020. № 2 (18). S. 20-34. DOI: 10.25730/VSU.2070.20.016. EDN: TUFSVQ.
 25. GASO. F. 24. Op. 1. D. 1254.
 26. GASO. F. 24. Op. 1. D. 589.
 27. GASO. F. 24. Op. 1. D. 917.
 28. GASO. F. 24. Op. 1. D. 44.
 29. GASO. F. 24. Op. 1. D. 591.
 30. GASO. F. 24. Op. 1. D. 1052.
 31. GASO. F. 24. Op. 1. D. 1637.
 32. GASO. F. 24. Op. 1. D. 168.
 33. GASO. F. 24. Op. 1. D. 160.

34. GASO. F. 24. Op. 1. D. 1071.

Two concepts of the historical memory of Russia: P. Ya. Chaadaev and A. S. Pushkin

Solovev Konstantin Anatol'evich

Doctor of History

Professor, Department of History of State and Municipal Administration, M.V. Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, g. Moscow, ul. Lomonosovskii Prospekt, 27, of. 2

 ksoloviov@spa.msu.ru

Abstract. The subject of the study is the process of conceptualization of historical memory as a phenomenon of nation consciousness in Russia in the first third of the XIX century. The purpose of this article is to identify the specific features of two individual concepts of historical memory of Russia: P.Ya Chaadaev and A.S. Pushkin. To achieve this goal, it is necessary to analyze one of the main historical and philosophical texts of the second quarter of the XIX century – the first "Philosophical Letter" by P.Ya Chaadaev, in order to identify the elements of historical memory contained in this text as an alternative concept in relation to the model that underlay the historical policy of the Russian Empire of the XVIII century and the first quarter of the XIX century. An additional task is to identify the elements of the construction of historical memory proposed by A.S. Pushkin as the first reaction to Chaadaev's text. The basic method used in solving these problems is semantic analysis, which allows us to identify both the substantive side and the symbolic meaning of those semantic units that were used by Chaadaev and Pushkin when presenting their views on the history of Russia. As a conclusion, it should be pointed out that for Chaadaev, the historical process is the self-disclosure of the people, that is, first of all, the identification of their potencies and opportunities for self-realization, and then, in fact, the movement towards progress, towards gaining more and more freedom. The role of historical memory, in this understanding, is to select and consolidate such elements of historical construction (events, dates, places and heroes) that can become milestones in this development and symbols of the historical movement. The lack of historical memory in Russia, according to Chaadaev, leads to the need for a conscious historical path. For Pushkin, the historical process is a drama, also an action, but an action that does not aim to reveal the inner possibilities of a person or a people. Pushkin sees greatness in history: deeds, feelings, thoughts, sufferings and struggles. To select and consolidate in the consciousness of the people the forms of historical greatness is the task of historical memory in its individual concept.

Keywords: Public thought of Russia, Nineteenth century, Philosophical letters, Pushkin, Chaadaev, Historical memory, Symbolic policy, Historical policy, Russian history, Historical consciousness

References (transliterated)

1. Ankersmit F. A. Vozvyshennyi istoricheskii opyt. M.: «Izdatel'stvo -Evropa», 2007.
2. Assman A. Zabvenie istorii – oderzhimost' istoriei. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019.
3. Barg M. A. Shekspir i istoriya. M., «Nauka». 1979. URL: <https://www.shakespeare.ru/library/shekspir-i-istoriya15.html>
4. Besedina E. A., Burkova T. V. «Ot doski do doski»: konstruirovaniye mifa i poisk

- identichnosti v znakakh kommemoratsii (na primere memorial'nykh dosok) // LiT. Istoricheskii al'manakh. 2019. № 12. S. 178-186.
5. Bodnaruk I. I. Sotsial'naya pamyat': problematika opredeleniya ponyatiya v kontekste podkhodov Ya. Assmana i A. Assman // Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2021. № 2. S. 21-26.
 6. Verzhbitskii K. V. Tatsit kak istorik printsipata // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorya. 2009. № 3. S. 60-70.
 7. Gershenson M.O. P.Ya. Chaadaev. Zhizn' i myshlenie. SPb. 1908. S. 62, 68, 147, 153.
 8. Dobeshevskii Ya. Petr Chaadaev kak uchreditel'nyi mif russkoi filosofii // Filosoficheskie pis'ma. Russko-evropeiskii dialog. 2019. № 4. S. 90-103.
 9. Zhikharev M.I. Petr Yakovlevich Chaadaev. Iz vospominanii sovremennika // Vestnik Evropy. 1871. № 9. S. 9-54.
 10. Ivonina O. I. P. Ya. Chaadaev o religioznom vektore russkoi istorii // Filosofiya i kul'tura. 2017. № 2. S. 57-68.
 11. Kornyushchenko-Ermolaeva N. S. Dialektika otnoshenii kollektivnoi pamyati i istorii: pro et contra // Vektry blagopoluchiya: ekonomika i sotsium. 2022. № 3 (46). S. 43-60.
 12. Kara-Murza A. A. «Severnaya» identichnost' Rossii kak predmet tsivilizatsionnoi samokritiki (ot Petra Chaadaeva do Vasiliya Shul'gina) // Filosofskii zhurnal. 2022. № 2. S. 5-16.
 13. Krasil'nikova E. I., Val'dman I. A. Politika pamyati: istoricheskie simvolы i kommemorativnye praktiki v sisteme sotsial'no-politicheskoi samoregulyatsii Sibirskogo regiona v KhKh – nachale KhKhI vv. // Vestnik Samarskogo universiteta. Istorya, pedagogika, filologiya. 2020. № 1. S. 47-54.
 14. Kozmin N.K. Nikolai Ivanovich Nadezhdin. Zhizn' i nauchno-literaturnaya deyatel'nost'. 1804–1836. SPb., 1912.
 15. Megill A. Istorya i pamyat': za i protiv // Filosofiya i obshchestvo. 2005. № 2 (39). S. 132-165.
 16. Mil'china V. A., Ospovat A. L. Dnevnik Aleksandra Turgeneva i «Filosoficheskoe pis'mo» Chaadaeva: khronika moskovskogo byta (po arkhivnym materialam) // Shagi/Steps. 2022. № 2. S. 146-175.
 17. Nizhnikov S. A. P. Ya. Chaadaev: ot mifologicheskogo obraza k real'nomu litsu // Vestnik RUDN. Seriya: Filosofiya. 2017. № 4. S. 488-494.
 18. Nikola M. I. «Povest' iz rimskoi zhizni» A. S. Pushkina // Nauka i shkola. 2019. № 3. S. 11-18.
 19. Pushkin A. S. Pis'mo Chaadaevu ot 19 oktyabrya 1836 g. // Chaadaev P.Ya. Polnoe sobranie sochinenii i izbrannye pis'ma. T. 2. M.: Nauka. 1991. S. 460-461.
 20. Smirnov V. N., Evlampiev I. I. Sistema Gegelya i romantizm: dva polyusa istoricheskikh vozzrenii P.Ya. Chaadaeva // Vestnik RKhGA. 2020. № 4-2. S. 126-138.
 21. Tul'chinskii G. L. Sootnoshenie istoricheskoi i kul'turnoi pamyati: praktiki zabveniya // Sotsial'no-politicheskie nauki. 2016. № 4. S. 10-13.
 22. Chaadaev P.Ya. Filosoficheskie pis'ma. Pis'mo pervoe. Pis'mo vtoroe // Chaadaev P.Ya. Polnoe sobranie sochinenii i izbrannye pis'ma. T. 1. M.: Nauka. 1991. S. 320-354.
 23. Yakubovich D.P. Antichnost' v tvorchestve Pushkina // Pushkin. Vremennik Pushkinskoi komissii. M.; L., 1941. Vyp. 6. S. 92-159.
 24. Yanushkevich A. S. «Prochtenie» i izobrazhenie miroobraza Rima v russkoi poezii 1800-1840-kh gg. // Vestn. Tom. gos. un-ta. Filologiya. 2013. № 5. S. 98-115.

The role of transportation in the daily life of residents of the suburbs of Petrograd/Leningrad in the 1920s and 1930s

Sidorchuk Ilya Viktorovich

Doctor of History

Professor; Institute of Humanities; Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

195251, Russia, St. Petersburg, Kalininsky district, Politehnicheskaya str., 29 letter B

✉ sidorchuk_iv@spbstu.ru

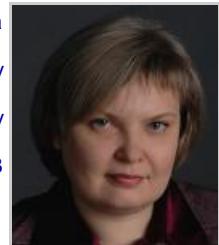
Ulyanova Svetlana Borisovna

Doctor of History

Professor; Institute of Humanities; Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

195251, Russia, St. Petersburg, Kalininsky district, Politehnicheskaya str., 29 letter B

✉ oulianova@mail.spbstu.ru

Abstract. At present, the topic of suburbanization is an integral part of discussions about the development potential of large cities. St. Petersburg, surrounded by a significant number of suburbs, each with its unique historical fate, is no exception in this regard. A comprehensive assessment of the issue requires attention to their past, particularly through an analysis of the daily lives of residents. Specifically, this includes aspects such as transportation infrastructure, the influence of which on the configuration of practices among the population of the suburbs of Petrograd / Leningrad in the 1920s and 1930s is the focus of this study. The originality of the findings is largely ensured by the use of a wide range of sources, including unpublished materials on the work of city councils and party organizations in the suburbs, periodicals, ego-documents, city council reports, and voters' mandates. The research extensively employed historical-anthropological methods, which allowed for the reconstruction of the worldview of suburban residents through an examination of their routine activities and daily lives. The methodological framework is also related to the socio-philosophical theory of practices, which posits that they constitute and reproduce identities or "reveal" fundamental ways of social existence. As a result, it was established that the modernization of suburban transport significantly increased the radius of mobility, and transportation accessibility had a crucial impact on the quality of life and the willingness to settle outside the city. For the suburban population, transportation was vital—for commuting to work, shopping for groceries and other goods, and addressing matters in urban bureaucratic institutions, among other reasons. However, numerous problems persisted throughout the period: a limited number of trains and poor travel conditions, inconvenient schedules, crime on public transport and in station areas, high ticket prices, and more. The development of pendulum migration heightened the significance and urgency of these transportation difficulties. Notably, the efforts to resolve these issues were primarily associated with the active development of suburbs as recreational areas for Leningrad workers and city guests to satisfy their demands, rather than those of the local population.

Keywords: migration, Oranienbaum, Detskoye Selo, Peterhof, bus, suburbs, railway, Soviet society, everyday life, transport

References (transliterated)

1. Efimov A. A. Preobrazovaniya v sisteme upravleniya dvortsovymi gorodami v period reformirovaniya Ministerstva imperatorskogo dvora v 1881–1890-kh godakh // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: "Istoriya". 2019. № 2(45). S. 68-75. DOI: 10.17072/2219-3111-2019-2-68-75. EDN: WCCIQA.
2. Malinova-Tzafeta O. Yu. Iz goroda na dachu: sotsiokul'turnye faktory osvoeniya dachnogo prostranstva vokrug Peterburga (1860–1914). SPb.: Izd-vo Evropeiskogo universiteta v SPb, 2013. 336 s.
3. Grei F. Istoriya kurortov: arkhitektura, obshchestvo, priroda. M.: NLO, 2009. 424 s. EDN: QLUWZP.
4. Potemkina M. N., Khramshina Yu. N. Organizatsiya passazhirskikh perevozok na tramvayakh v 1930–1940-e gody: opyt gorodov Chelyabinskoi oblasti // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2025. T. 25. № 1. S. 37-47. DOI: 10.37482/2687-1505-V402. EDN: OSABKC.
5. Shilovtsev A. V., Sorokina N. I., Makarova T. N. K voprosu ob istorii poyavleniya i razvitiya obshchestvennogo transporta v g. Ekaterinburge (konets XIX – nachalo XXI vv.) // Pravo i upravlenie. 2023. № 5. S. 116-122. DOI: 10.24412/2224-9133-2023-5-116-122. EDN: WHSPXI.
6. Chistikov A. N. Vozobnovlenie tramvainogo dvizheniya v blokirovannom Leningrade: partiino-sovetskie resheniya i ikh realizatsiya // Peterburgskii istoricheskii zhurnal. 2019. № 3. S. 224-237. DOI: 10.51255/2311-603X-2019-00058. EDN: JHBVZH.
7. Zyablitseva S. V. Obshchestvennyi transport Zapadnoi Sibiri v 1930–1950-e gody // Magistra Vitae: elektronnyi zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii. 2010. № 18.
8. Semenov N. M. Sovremenstvovanie sovetskogo tramvaya (1925–1940) // Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki. 2007. T. 28. № 2. S. 53-63. EDN: HZWRMB.
9. Kovalevskii A. V. Periferiya periferii ili osobennosti protsessov transformatsii gorodskogo prostranstva za predelami stolitsy // Periferiya. Zhurnal issledovaniya nestolichnykh prostranstv. 2023. № 1. S. 113-127. EDN: LUHTRY.
10. Kuznetsov A. G. K antropologii "blizkogo" v gorode: mesta, ne-mesta, mobil'nosti // Etnograficheskoe obozrenie. 2017. № 6. S. 5-13. EDN: ZWZOLH.
11. Ozhe M. Ne-mesta. Vvedenie v antropologiyu gipermoderna. M.: NLO, 2017. 132 s.
12. Zaparii V. V. Modernizatsiya gorodskoi infrastruktury Ekaterinburga – Sverdlovска v 1923–1930 gg. // Ekonomicheskaya istoriya. 2023. T. 19. № 4. S. 328-337. DOI: 10.15507/2409-630X.063.019.202304.328-337. EDN: MTOFUS.
13. Sidorchuk I. V. Tramvainye avari v sovetskoi gorodskoi povsednevnosti 1920-kh godov // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezdunarodnye otnosheniya. 2025. T. 25. Vyp. 2. S. 173-180. DOI: 10.18500/1819-4907-2025-25-2-173-180. EDN: LDZRSN.
14. Furman E. L., Lunochkin A. V., Yudina T. V. Stalingrad v kontse 1920-kh – nachale 1930-kh gg.: naselenie, zhilishchno-kommunal'noe khozyaistvo, blagoustroistvo goroda // Ekonomicheskaya istoriya. 2020. T. 16. № 2. S. 156-166. DOI: 10.15507/2409-630X.049.016.202002.156-166. EDN: BQFMPX.
15. Raspisanie poezdov prigorodnogo soobshcheniya // Krasnaya gazeta. 1926. № 128 (2471). 5 iyunya. S. 8.
16. Spravochnik po petergofskim muzeyam s planom Petergofa. [B.m.], 1930 g. // Arkhiv GMZ "Petergof". PDMP-6010ar. L. 24-32 ob.
17. Spravochnik dlya organizatorov ekskursii i posetitelei Detskosel'skikh i Pavlovskikh dvortsov-muzeev i parkov. Detskoe Selo: [Ob'edinenie detskosel'skikh i pavlovskikh dvortsov-muzeev], 1930. 22 s.

18. Interv'yu s Berto Mironovnoi Alyanskoi // Na korme vremeni: Interv'yu s leningradtsami 1930-kh godov / Pod obshch. red. M. Vitukhnovskoi. SPb.: Zhurnal "Neva", 2000. S. 357-382.
19. kilometra elektroputei do Oranienbauma // Sotsialisticheskii prigorod. 1935. № 202(364). 3 sentyabrya. S. 4.
20. Parokhody v Petergof, Shlissel'burg i Ostrovki // Sotsialisticheskii prigorod. 1936. № 94(555). 23 aprelya. S. 4.
21. Proekt meropriyatii po uvelicheniyu poseshchaenosti Petergofskikh muzeev, 20 fevralya 1931 g. Nauchnyi sotrudnik N. Udalenkova // Arkhiv GMZ "Petergof". PDMP-6028ar. L. 48.
22. Spravochnik dvizheniya passazhirskogo gorodskogo transporta v Leningrade Tramvai, avtobus, taksi, parokhody, passazhirskie motornye katera. Avgust 1932 g. L.: Izd-vo Lenoblispolkoma i Lensoveta, 1932. 54 s.
23. Ves' Leningrad: adresnaya i spravochnaya kniga: 1933. L.: Izd-vo Lenoblispolkoma i Lensoveta, 1933. 1172 s.
24. Ves' Leningrad: adresnaya i spravochnaya kniga: 1934: s pril. novogo pl. Leningrada. L.: Izd-vo Lenoblispolkoma i Lensoveta, 1934. 1205 s.
25. Avtobusy v prigorode // Sotsialisticheskii prigorod. 1936. № 79(540). 5 aprelya. S. 4.
26. Prigorodnye avtobusy letom // Sotsialisticheskii prigorod. 1936. № 94(555). 23 aprelya. S. 4.
27. Tchernavin T. We Soviet women. New York: Dutton & co, 1936. 304 p.
28. Otchet o deyatel'nosti Oranienbaumskogo Gorodskogo Soveta III sozyva za period s 1-go yanvarya 1931 goda po 1-oe oktyabrya 1934 goda. [Oranienbaum]: [Gor. sovet], [1934]. 31 s.
29. Sekretaryu Lensoveta t. Ziminoi, K. A. Dokladnaya zapiska ot Direktora Petergofskikh dvortsov i parkov Lensoveta Konopel'ko // Vedomstvennyi arkhiv GMZ "Petergof". F. R-2. Op. 7. D. 79. L. 3.
30. Vital'ev. Tak zhivot v Lobovke // Sotsialisticheskii prigorod. 1935. № 165(327). 21 iyulya. S. 3.
31. Interv'yu s Mariei Andreevnoi Novikovo // Na korme vremeni: Interv'yu s leningradtsami 1930-kh godov / Pod obshch. red. M. Vitukhnovskoi. SPb.: Zhurnal "Neva", 2000. S. 187-202.
32. Tonem // Izhorets. 1929. № 33(42). 24 noyabrya. S. 4.
33. Ni proekhat', ni proiti // Sotsialisticheskii prigorod. 1936. № 65(526). 20 marta. S. 3.
34. Zakharov, V. Orlov i dr. Gorod radosti // Sotsialisticheskii prigorod. 1935. № 205(367). 6 sentyabrya. S. 2.
35. Otchetnyi doklad k IX Gubernskomu s"ezdu Zav. Obshchimi otdelami i Otdeleniyami Mestnogo khozyaistva uezdnykh i gorodskikh Obshchikh otdelov Ispolkomov, sostoyavshemusya 17 yanvarya 1927 g. // Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Sankt-Peterburga (TsGA SPb). F. R-132. Op. 1. D. 41. L. 12-14 ob.
36. Lovell St. Summerfolk: A history of the Dacha, 1710-2000. Ithaca and London: Cornell University Press, 2003. 260 p.
37. Svodka kommunal'nogo khozyaistva gor. Petergofa s 1 oktyabrya 1930 g. po 1 sentyabrya 1931 g. // Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga (TsGAIPD SPb). F. R-482. Op. 1. D. 15. L. 32-33.
38. Spisok ekskursovodov po obsluzhivaniyu odinochnogo posetitelya v Petergofskikh

- dvortsakh-muzeyakh. [1933 g.] // Arkhiv GMZ "Petergof". PDMP-6062ar. L. 92-92 ob.
39. Trudovoi soglashenie № 217 (Kopiya) ot 15 fevralya 1936 g. Mezhdu Direktsiei Petergofskikh muzeev i parkov v litse uchenogo sekretarya Geichenko Semena Stepanovicha i ekskursovoda Izyaslava Il'icha Volynskogo // Vedomstvennyi arkhiv GMZ "Petergof". F. R-2. Op. 7. D. 23. L. 83.
40. Ob"yasnitel'naya zapiska k godovomu otchetu Direktsii Petergofskikh dvortsov i parkov za 1937 god // Vedomstvennyi arkhiv GMZ "Petergof". F. R-2. Op. 7. D. 66. L. 3-31 ob.
41. Sestroretsk: Samoobrazovatel'naya ekskursiya. L.: Priboi, [1927]. 16 s.
42. Sidorchuk I. V. Dosug gorodskogo naseleniya Rossii v 1918-1935 gg. SPb.; POLITEKh-PRESS, 2022. 609 s. EDN: BHNMJI.
43. Bondarev S. V. Dovoennyi Petergof: muzeinaya missiya i gosudarstvennaya ideologiya // Vestnik SPbGU. Istorya. 2016. Vyp. 4. S. 124-141. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2016.410. EDN: XGRUMV.
44. Savitskii S. A. Preobrazovanie Tsarskoye Selo parka v park kul'tury i otdykha v 1930-kh godakh // Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya. 2016. № 2(11). S. 58-69. EDN: WEZVZR.
45. Yushmanova M. I. Petergofskii park kul'tury // Adresa Peterburga. 2018. № 67(81). S. 76-81.
46. V byvshikh tsarskikh appartamentakh // Sotsialisticheskii prigorod. 1935. № 256(418). 7 noyabrya. S. 2.
47. Shemanskii A. Petergof i Oranienbaum. L.: Izd-vo Lenoblispolkoma i Lensoveta, 1933. 69 s.
48. Ban'kovskaya E. V vykhodnoi den' // Sotsialisticheskii prigorod. 1935. № 116(278). 23 maya. S. 4.
49. Filippov I. R. Prevatim Detskoe Selo v zdravnitsu trudyashchikhsya // Sotsialisticheskii prigorod. 1935. № 207(369). 9 sentyabrya. S. 3.
50. Mikhailov M. V poryadke dnya – dacha // Sotsialisticheskii prigorod. 1935. № 111(273). 17 maya. S. 4.
51. Isakov. A gde obshchestvennyi kontrol'? // Sotsialisticheskii prigorod. 1935. № 165(327). 21 iyulya. S. 2.
52. Kabardintsev A. Zubkov na Venkova, Venkov na Zubkova, a za uchebnikami vse zhe nado ekhat' v Leningrad // Sotsialisticheskii prigorod. 1936. № 4(465). 5 yanvarya. S. 3.
53. Uchenik. Gde kuper' tetradi? // Sotsialisticheskii prigorod. 1936. № 58(519). 11 marta. S. 4.
54. Sozhin Gr. Zheny inzhenerov. "Zhenskie zatei" // Sotsialisticheskii prigorod. 1936. № 96(557). 26 aprelya. S. 3.
55. Ershov. Doroga voruet vremya // Krasnyi Izhorets. 1929. № 20(29). 17 avgusta. S. 3.
56. Kirpichnikov. Polovina nakazov ne vypolnena // Sotsialisticheskii prigorod. 1936. № 7(468). 9 yanvarya. S. 3.
57. Passazhir. Ne uchli interesov passazhirov // Sotsialisticheskii prigorod. 1935. № 252(414). 2 noyabrya. S. 2.
58. Chernavin V., Chernavina T. Zapiski "vreditelya"; Pobeg iz GULAGa. SPb.: Kanon, 1999. 490 s.
59. Nakazy izbiratelei, dannye v fevrale mesyatse 1931 g. Detskoye Selo Gorsovetu VI Sozyva. [Detskoe Selo]: [Gorsovet], 1931. 22 s.

60. Shiryaev. Otkroite dveri. Pis'mo iz Detskogo Sela // Sotsialisticheskii prigorod. 1936. № 6(467). 8 yanvarya. S. 3.
61. Detskie vagony tol'ko dlya detei // Sotsialisticheskii prigorod. 1935. № 211(373). 14 sentyabrya. S. 4.
62. Predlozheniya po dokladu OPTE o pervykh itogakh obsluzhivaniya zagorodnymi ekskursiyami v letnii period 1931 goda // Arkhiv GMZ "Petergof". PDMP-6028ar. L. 53.
63. Pis'mo iz Podotdela ugolovnogo rozhyska Administrativnogo otdela Leningradskogo gubernskogo ispolnitel'nogo komiteta rabochikh, krest'yanskikh i krasnoarmeiskikh deputatov v Upravlenie Oranienbaumskoi zh. d. ot 8 fevralya 1927 g. // TsGA SPb. F. R-1326. Op. 2. D. 4. L. 8.
64. Bor'ba s detskoj beznadzornost'yu // Sotsialisticheskii prigorod. 1935. № 108(270). 14 maya. S. 4.
65. Otchet Slutskogo gorodskogo soveta Prigorodnogo raiona II sozyva o vypolnenii nakazov izbiratelei za 1935 g. [Slutsk]: [B. i.], [1936]. 23 s.
66. Vladimirov I. V tramvae // Sotsialisticheskii prigorod. 1935. № 182(344). 10 avgusta. S. 4.
67. Pravila ob avtomobil'nom dvizhenii v gorode Trotske i uezde [1923 g.] // TsGA SPb. F. R-1894. Op. 2. D. 1. L. 83-84.
68. Proisshestviya // Sotsialisticheskii prigorod. 1936. № 94(555). 23 aprelya. S. 4.
69. Vladimirov I. Nasil'niki // Sotsialisticheskii prigorod. 1935. № 168(330). 24 iyulya. S. 4.

The engineering legacy of Ya. M. Gakkel: unknown pages of biography, new sources and interpretations

Mitelenko Vladimir Ivanovich

Director; Central Museum of Railway Transport of the Russian Federation

50 Sadovaya Street, Admiralteysky district, Saint Petersburg, 190068, Russia

✉ cmrt1813@yandex.ru

Astashova Elena Nikolaevna

Deputy Director; Central Museum of Railway Transport of the Russian Federation

50 Sadovaya Street, Admiralteysky district, Saint Petersburg, 190068, Russia

✉ elena_ast18@mail.ru

Isaev Aleksandr Vladimirovich

PhD in Technical Science

Associate Professor; Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

195251, Russia, St. Petersburg, Kalininsky district, Politehnicheskaya str., 29

✉ isaev@avtomashinist.ru

Polyakova Arina Sergeevna

Postgraduate student; Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

195251, Russia, St. Petersburg, Kalininsky district, Politehnicheskaya str., 29

✉ polyackova.ar@yandex.ru

Abstract. The subject of the research is the biography and scientific-engineering activities of Yakov Modestovich Gakkel, an outstanding Russian engineer, inventor, and educator. The authors examine such aspects of the topic as Gakkel's contribution to the development of aviation, locomotive building, and instrumentation, as well as his role in training a new generation of engineers at institutions such as Leningrad Electrotechnical University and Leningrad Institute of Railway Engineers. Special attention is given to little-known and previously unstudied pages of his life, including his early years, the formation of professional interests, and the influence of personal circumstances on scientific decisions. The analysis focuses on unique archival documents, among which the personal handwritten diary of the scientist is published for the first time, along with his autobiographical materials and sources from the funds of the Central Museum of Railway Transport and the Russian State Historical Archive. The research methodology is based on a comprehensive approach, including the analysis of manuscript and printed sources, archival documents, autobiographies, and memoirs, as well as the application of historical-biographical, source studies, and comparative-historical methods. The novelty of this research lies in the introduction of previously unknown materials into scientific circulation, including Gakkel's handwritten diary, which is stored in the Central Museum of Railway Transport and allows for the reconstruction of the engineer's personal views and scientific priorities. A significant contribution of the authors is the systematic consideration of Gakkel's biography not only through the prism of his contribution to aviation but also in the broader context of the development of locomotive building, instrumentation, and the pedagogical activities of the scientist. The main conclusions of the conducted research are the identification of the multifaceted nature of the scientist's engineering legacy, the significance of his innovative ideas for domestic science and technology, and the clarification of his role in forming scientific schools that contributed to the industrialization and modernization of transport in the 20th century.

Keywords: diesel locomotive engineering, source studies, history of technology, history of science, personal diary, Ya. M. Gakkel, biography, aviation, engineering heritage, pedagogy

References (transliterated)

1. Krylov A. I. Deyatel'nost' Yakova Modestovicha Gakkelya v rossiiskom aviastroenii nachala KhKh veka / A. I. Krylov // Molodoi issledovatel': ot idei k proektu : Materialy II studencheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Ioshkar-Ola, 25 maya 2018 goda / FGBOU VO "Mariiskii gosudarstvennyi universitet"; pod redaktsiei D. A. Mikheevi. – Ioshkar-Ola: Mariiskii gosudarstvennyi universitet, 2018. – S. 369-371. EDN: VWRYTT.
2. Danileiko Yu. V. Gakkel' Yakov Modestovich: 140 let so dnya rozhdeniya / Yu. V. Danileiko // Priangar'e: gody, sobytiya, lyudi : Kalendar' znamenatel'nykh i pamyatnykh dat Irkutskoi oblasti na 2014 god. Tom Vypusk 47. – Irkutsk : Gosudarstvennoe byudzhetnoe uchrezhdenie kul'tury Irkutskaya oblastnaya gosudarstvennaya universal'naya nauchnaya biblioteka im. I. I. Molchanova-Sibirskogo, 2013. – S. 88-91.
3. Platova E. E. Vklad vydayushchikhsya uchenykh-inzhenerov Ya. M. Gakkelya i E. Ya. Gakkel' v inzhenerno-tehnicheskoe razvitiye goroda na Neve / E. E. Platova // Rossiya i mir v istoricheskoi retrospektive : Materialy XXIX mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, k 320-letiyu osnovaniya Sankt-Peterburga, Sankt-Peterburg, 07 aprelya 2023 goda. Tom 1. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet promyshlennykh tekhnologii i dizaina, 2023. – S. 336-343. EDN: WNGKOV.
4. FGBUK "Tsentral'nyi muzei zheleznodorozhnoi transporta RF". Lichnyi fond Ya. M. Gakkelya. KP 4684. F. 639. Rukopisnyi dnevnik Ya. M. Gakkelya (vospominaniya).
5. Sankt-Peterburg-Velikobritaniya. XVII-XXI vv / Komitet po vneshnim svyazyam Sankt-

- Peterburga; Upravlenie vnesnikh svyazei Sankt-Peterburgskogo nauchnogo tsentra RAN; Fond im. D. S. Likhacheva. – Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo "Evropeiskii Dom", 2014. – 534 s.
6. Isaienko S. Y. M. Hakkel: childhood and student's years // Eminak. – 2017. – Vol. 4(2). – P. 132-136.
 7. Vydayushchesya vypuskniki i deyatel'i Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo elektrotekhnicheskogo universiteta "LETI" imeni V. I. Ul'yanova (Lenina), 1886–2006: bibliograficheskii spravochnik / pod red. D. V. Puzankova. Sankt-Peterburg: Izd-vo SPbGETU "LETI" imeni V. I. Ul'yanova (Lenina), 2006. – 350 s.
 8. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA). F. 1289. Op. 4. D. 948.
 9. Uchenye Universiteta putei soobshcheniya-sozdateli pervykh lokomotivov / Peterburg. gos. un-t putei soobshch., Kaf. "Lokomotivy i lokomotiv. khoz-vo"; [Strekopytov V. V., Yanush B. V.]. – SPb. : PGUPS, 1995. – 29 s.
 10. Pokoryaya prostranstvo / sost. N. V. Morokhin, I. A. Yunitskii // M.: ReilInfo, 2011.
 11. Furduev V. V. Parovoz i ego soperники. Novaya Moskva, 1926. – 79 s.
 12. Kalinin Yu. S., Isaev A. V. Ya. M. Gakkel'. Stranitsy zhizni // Lokotrans – 2012. – № 7. – S. 2-15. – № 8.
 13. Novyi teplovoz sistemy prof. Gakkelya // Transportnaya gazeta – organ NKPS. – 28 maya 1927 goda. – № 42.

Organisation and composition of the Russian auxiliary corps of Lieutenant-General I.I. Hermann von Fersen in 1799.

Volkov Aleksei Leonidovich □

Postgraduate student; Department of History, Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev, Lecturer; Department of Theory of Law and Public Law Disciplines; Astrakhan Branch of the International Law Institute

414024, Russia, Astrakhan region, Astrakhan, Gogol St, 3 bldg.1, office 6

✉ volkov@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to one of the least studied events of Russian military history – the Anglo-Russian expedition to Holland in 1799. This operation is a little-studied page of Russian military history. The domestic historiography has firmly established the opinion that the Russian auxiliary corps sent on this campaign under the command of Lieutenant-General I.I. Hermann von Fersen was formed randomly and had insufficiently trained and prepared units, which had a detrimental effect on the outcome of the operation, which ended with the humiliating surrender of the allied Anglo-Russian troops. At the same time, any extended analysis of the process of manning the corps to date in the domestic historical literature is unfortunately absent.

In this regard, the author analysed archival documents in order to study the issue of the method of manning the corps and the quality of the troops that were part of it.

At the same time, the way of the corps organisation was typical for the formation of large military formations in Russia at the end of the XVIII century and was determined primarily by the territorial proximity of the troops to the place of boarding the ships.

In addition, the corps included such famous units as the grenadier regiments of Zherebtsov (Fanagoriysky) and Benkendorf (Tavrichesky), musketeer regiments of Sedmoratsky (Belozersky) and Ferzen (Tobolsk). The unit was commanded by experienced generals who had extensive military experience. The officer cadre of the regiments, as well as the lower ranks also mainly participated in several victorious campaigns.

Concentration of the corps troops took place in difficult conditions of time shortage, but it was carried out competently, which eventually allowed to send the troops to the place of combat operations quite quickly.

Keywords: General Essen, Admiral Chichagov, Revel, General Hermann, Paul I, anti-French coalition, expedition to Holland, Fanagoria regiment, Pavlovsky regiment, Arakcheev

References (transliterated)

1. Martens F.F. Sobranie Traktatov i Konventsii, zaklyuchennykh Rossiei s inostrannymi derzhavami: Tom IX (X). Traktaty s Anglii. S. Peterburg Tipografiya Ministerstva Putei Soobshcheniya (A. Benke), Fontanka, 117, 1892, 563 s.
2. Nazarenko K.B. Smirnova M.A. Bol'shaya politika i mirovaya torgovlya (Gollandskaya ekspeditsiya 1799 g.) // Sbornik materialov Tret'ei mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii / redaktor-sostavitel' A.I. Razdorskii/ SPb. 2015 S. 348-354.
3. RGVIA F.42 Op.1 D.12.
4. Kunitsyn A.A. "Nu, khorosho, raz vy etogo khotite, no ya ne vpolne s etim soglasen". Missii angliiskogo kapitana Kh. R. Popkhema v Rossiyu v 1799-1800 gg. // Lokus. Lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly: nauchnyi zhurnal. – Moskva : MPGU 2019. № 1. S. 52-67.
5. RGVIA F.29. Op.153 Sv.2 D.23 Ch.3.
6. Mikhailovskii-Danilevskii A.I., Milyutin D.A. Iстория войны России с Францией в царствование Императора Павла I в 1799 году: Том I Тип. штаба военно-учебных заведений SPb. 1852 697 s.
7. RGVIA F.29 Op.153b Sv.2 D.36.
8. Kersnovskii A. A. Iстория русской армии в 4 томах. Т. 1 От Нарвы до Парижа 1700-1814 gg.. – M.: Golos, 1992. – 304 s., il.
9. Egorov A. Konfuz soyuznogo voiska: sekretnaya ekspeditsiya russkikh k gollandskim beregam // Rodina. 1996. № 6. S. 37-42.
10. PSZRI 17.640 Sobranie Pervoe. Tom XLIII. Chast' 1. Kniga shtatov. Otdelenie pervoe «Tsarstvovanie gosudarya imperatora Pavla I». SPb. 1830 g. 865 c.
11. RGVIA F.29 Op.153b, Sv.3 D.40.
12. RGVIA F.29 Op.153b Sv.2 D.28.
13. Rogulin N.G. Russkie voiska v Gollandii v 1799 g.: obzor ikonografii. Trudy Istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta Vypusk № 17. 2014 S. 108-138.
14. Milyutin D. A. Iстория войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 году Т. V. SPb. , 1853. 536 s.
15. Gryazev N.A. Moi zhurnal /Podgotovka teksta K.G. Pravdina, S.I. Grigor'eva pod redaktsiei A.K. Tupachskogo; vvodnaya stat'ya A.N. Lukirskogo – SPb.:Nauka, 2019. – 262 s.
16. Walsh E. A Narrative of the Expedition to Holland in the autumn of the year 1799 Illustrated with a map of north Holland and Seven Views. London: G.G and J. Robinson, Pater-Noster, S. Hanson, 1800. 164 r.
17. Rogulin N.G. Anglo-russkaya ekspeditsiya v Gollandiyu v 1799 g. v proizvedeniakh izobrazitel'nogo iskusstva. SPB., 2014. 274 s.
18. Shavrov Kratkaya istoriya 11-go Grenaderskogo Fanagoriiskogo Generalissimusa knyazya Suvorova polka. 1790-1890. Sostavil dlya Grenader-Suvorovtsev Kapitan

- Shavrov. Moskva. Tip. T.I. Gagen. 1890 g. 152 s.
19. Merzheiovskii E. M. Istorya 13-go pekhotnogo Belozerskogo General-fel'dmarshala Grafa Lassi polka (1708–1893 g.) S prilozheniem kratkoi biografii Gen. – Fel'd. Gr. Lassi Varshava 1894-IV, 590 s.; 4 l. plan., portr.
20. Milyutin D. A. Istorya voiny 1799 goda mezhdu Rossiei i Frantsiei v tsarstvovanie imperatora Pavla I. Izd. Vtoroe T. III. SPb. , 1857. 502 s.
21. RGVIA F.489 Op.1 D.1252.
22. RGVIA F.489 Op.1 D.1241.
23. RGVIA F.489 Op.1 D.1324.
24. Arkhiv SPbII RAN F. 36 Op.1 D.213.
25. Fitzpatrick W. Report on the Manuscripts of J.B. Fortescue Esq., preserved at Dropmore, Historical Manuscripts Commission, vol. V. – London: HMSO, 1906.418 r.
26. Grebenschikova G.A. Sekretnye ekspeditsii Baltiiskogo flota.. Klio, N. 5 (101) /2015: N. 5 (101) /2015 Sankt-Peterburg 2015 S. 130-143.
27. Voronov P. Istorya Leib-gvardii Pavlovskogo polka. 1790–1890 gg. SPb., 1890. – 424, 66, 6, IV s.
28. RGADA F.20 D.380.
29. RGVIA F.29 Op.153b, Sv.2 D.19. Ch.1.
30. RGVIA F.29 Op.153b, Sv.5 D.19. Ch.2.
31. Kunitsyn A.A. «...V kakom bedstvennom polozhenii ya nakhozhus' iz-za otsutstviya meditsinskogo personala...». Meditsinskoе obespechenie Rossiiskogo ekspeditsionnogo korpusa v Britanii v 1799–1800 gg. Lokus. Lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly: nauchnyi zhurnal. – Moskva : MPGУ 2024. T.15. № 2 S. 134-145.
32. RGVIA Fond VUA (846) D.2869 Ch. 1.